

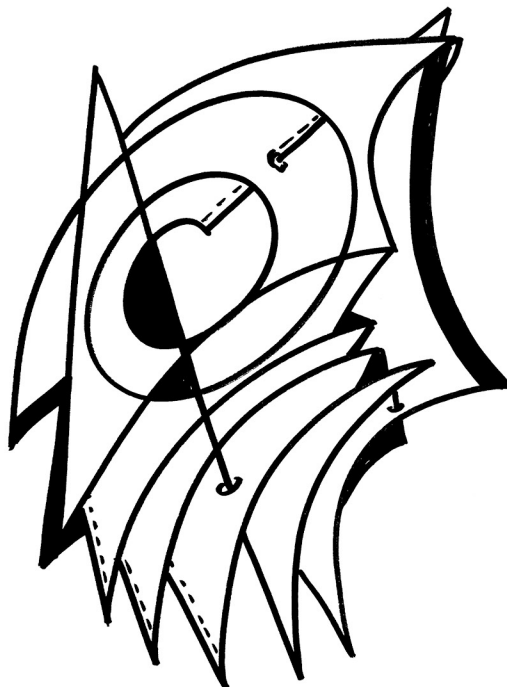
eISSN 2592-916X

ISSN 2592-9232

PALLADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal # 11 (2024/3)

ЖУРНАЛИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

freeuniversity.education • freeuniversity.pubpub.org

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПΑΛΛΑΔΙΟΝ
II (2024/3)

**Журналистика
и образование
во время войны**

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfoundation.org

Palladium • Палладиум • Παλλάδιον

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •
Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CC0 1.0 Universal Public Domain Dedication

11 (2024/3) «Журналистика и образование во время войны»

DOI: 10.55167/A2300D14FE8D

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Гасан Гусейнов, Кюлле Писпанен

РИСУНОК НА ОБЛОЖКЕ Марина Садомская

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК Владимир Харитонов

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
freeuniversity.education

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА
freeuniversity.pubpub.org

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

- Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»
- Елена Лукьянова, Илья Шаблинский «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.)
  - Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте»
- Елена Лукьянова, Евгений Порошин (при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилькина и Екатерины Зворыкиной) «Выборы строгого режима»
- Elena Lukyanova, Evgeniy Poroshin with the participation of Sergey Shpilkin, Andronik Arutyunov, and Ekaterina Zvorykina «Maximum Security Elections»
  - Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»
- А ТАКЖЕ ВОСЕМЬ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «PALLADIUM»:
  - # 1 «Город как текст» # 2 «Современные угрозы свободе» # 3 «Социология войны» # 4 «Ролан Барт и культура демократического общества» # 5 «Мир и война. Двойная оптика» # 6 «Государство и война» # 7 «Наука и культура в эпоху катастрофы» # 8 (2023/4) «Русский мир: история болезни» # 9 (2024/1) «Язык и свобода» # 10 (2024/2) «Патогенез суверенитета»

Содержание

5	Кюлле Писпанен Вступительное слово
	СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ
10	АЛЕКСЕЙ БЕРЕЗИН Стратегические нарративы России и Украины, или Культура отмены истории
37	ГАСАН ГУСЕЙНОВ Война языков и агрессия Российской Федерации против Украины
59	ЛЕВ ЗАДОВ Немезис аномии и войны vs мимесис здесь и сейчас
	ОБРАЗОВАНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
76	АСЯ ШТЕЙН Об образовании в эмиграции
107	ЮРИЙ СЕНОКОСОВ Истоки и перспективы наднационального образования
	КАК НЕ СТАТЬ ЖУРНАЛИСТОМ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ?
124	МАРИАННА ВЕХОВА Журналистское образование в Москве 2022–2023
133	ФЕДОР ОТРОЩЕНКО Журнал «Демагог»: от пандемии к войне
145	СВЕТЛАНА БРОННИКОВА (при участии Миры Михинен) Маша Карп: «Что же такое мир, или Почему Оруэлл так актуален во время войны?»
	УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ
162	ЕЛЕНА ЛУКЬЯНОВА Хроники Свободного университета. Весенний семестр 2024
184	ГАСАН ГУСЕЙНОВ, ВИТАЛИЙ ЛЕЙБИН Украина между Россией и Европой

Content

5	KÜLLE PISPANEN Introduction
	STRATEGIC NARRATIVES
10	ALEXEY BEREZIN Strategic Narratives of Russia and Ukraine, or The Culture of Abolishing History
37	HASAN HUSEYNOV The war of languages and aggression of the Russian Federation against Ukraine
59	LEV ZADOV Nemesis of anomie and war vs mimesis of the here and now
	EDUCATION DURING THE WAR
76	ASYA STEIN On education in emigration
107	YURI SENOKOSOV Origins and prospects of supranational education
	HOW NOT TO BECOME A JOURNALIST DURING THE WAR?
124	MARIANNA VEHOVA Journalism education in Moscow 2022–2023
133	FEDOR OTROSCHENKO Demagogue Magazine: from pandemic to warfare
145	SVETLANA BRONNIKOVA (with the participation of MIRA MIHINEN) Masha Karp: «What is peace, or Why is Orwell so relevant in times of war?»
	UNIVERSITY LIFE
162	ELENA LUKYANOVA Free University Chronicles. Spring semester 2024
184	HASAN GUSEINOV, VITALIY LEIBIN Ukraine between Russia and Europe

Номер журнала «Палладиум» посвящен интеллектуальному, информационному и образовательному контексту, в котором готовилась и разворачивалась агрессия Российской Федерации в Украине. Авторы номера — студенты и профессора Свободного университета, и некоторые их статьи возникли в ходе занятий Медиашколы в 2022–2024 учебном году.

Некоторые авторы выступают, по просьбе редакции, под псевдонимами: поскольку Свободный университет объявлен «нежелательной организацией», мы вынуждены использовать протокол безопасности.

Магистерская программа Медиашколы Свободного университета включала, среди прочего, курсы по политической риторике, критическому анализу пропаганды. С началом войны все — и преподаватели, и студенты — оказались в ситуации включенного наблюдения. То и дело мы слышали, что некоторые наши студенты «переезжают в более комфортные юрисдикции», но были и другие примеры: журналисты видели для себя профессиональный шанс как раз в том, чтобы стать свидетелями происходящих в российском обществе изменений. К концу 2023 года выяснилось, что война, последовательно и неуклонно разжигаемая с весны 2014 до начала 2022, оказывает влияние на систему журналистского образования. Вопросы ремесла отодвинулись на задний план, а в фокусе внимания оказалась идейная и эстетическая подготовка российского общества к войне с Украиной.

Анализу этой подготовки посвящены первые три статьи номера — политолога Алексея Березина о русско-украинских стратегических нарративах, филолога Гасана Гусейнова об исторической и культурной специфике антиукраинской риторики в императорской, советской и постсоветской России, и эссе юриста Льва Задова о глубинной связи войны и аномии.

Основной сюжет второго раздела номера — образование во время войны. Мы благодарны редакции «The Moscow Times»

за разрешение перепечатать в полном виде исследование профессора Свободного университета Аси Штейн, посвященное образованию в диаспоре. Перспективам наднационального образования в Европе, подвергнутым испытанию войны, посвящена статья Юрия Сенокосова, философа, известного деятеля просвещения.

Третий раздел номера посвящен воздействию войны на образование в РФ. Отдавая себе отчет в том, что основной удар российской военной машины пришелся по Украине, где армия и примкнувшие к ней уголовники убили десятки тысяч людей, миллионы превратив в беженцев, редакция сочла своим долгом попросить наших студентов из РФ рассказать о том, чему свидетелями они стали в стране-агрессоре. Как на глазах менялось содержание учебных курсов и атмосфера в ведущих российских учебных заведениях. Об этом — статья Марианны Веховой. В статье Федора Отрощенко, посвященной истории журнала «Демагог», представлена судьба издания, которое ухитрилось спастись от последствий пандемии и, возможно, избежит печальной участи большинства эмигрантских изданий.

Завершает этот блок интервью, которое Светлана Бронникова взяла у автора недавно вышедших по-русски и по-английски монографий о судьбе Джорджа Оруэлла в России. Маша Карп, в 1990-е годы — сотрудница радиостанции Би-би-си, много лет работала над исследованием противостояния между выдающимся английским писателем и советским государством. Карп начинала работу над книгой, когда могло показаться, что основные положения Оруэлла относительно устройства тоталитарного сознания постепенно приобретают налет академической патины. Но не тут-то было: формула «война это мир», выращивание нового сознания с помощью «новояза» — вирулентны, и на наших глазах происходит изменение сознания у нескольких поколений людей в РФ и в российской диаспоре, в других странах, куда устремились беженцы из Украины и РФ. Мы благодарны редакции «Новой Газеты Европа», напечатавшей сокращенную версию работы Светланы Бронниковой.

Редакция благодарит издание «Полит.ру», заблокированное в РФ, за разрешение перепечатать дискуссию, которая состоялась на страницах издания в далеком уже 2004 году. Тема

дискуссии — Украина между Европой и Россией, ее участники — Гасан Гусейнов и Виталий Лейбин. Нам показалось, что некоторые мысли, высказанные тогда по следам первого Майдана и оранжевой революции в Украине, не утратили своей актуальности и позволяют по-новому взглянуть на происходящее в Восточной Европе после 24 февраля 2022 года.

По традиции завершает номер журнала «Хроника Свободного университета» Елены Лукьяновой.

Кюлле Писпанен,
декан Медиашколы Свободного университета

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ

Стратегические нарративы России и Украины, или Культура отмены истории

Алексей Березин

Введение

«На карте Европы XVII века нет Украины, большинство населения Киева в XIX веке составляли русские, Украину придумал Ленин, государство Украина — искусственный конструкт империи Габсбургов и Польши для разрушения России...» Эта информация сегодня в российском медиа-пространстве подается как вполне приемлемая для оправдания российского вторжения в Украину. Эти доводы приводит президент России, чиновники, эксперты, медиа, а вслед за ними, разумеется, повторяют обыватели.

«Историческое обоснование» неполноценности украинского государства стало одним из трендов в российской международной политике. Вокруг этих тезисов последние годы, особенно после Майдана 2014 года, выстраивалась и внешняя политика в отношении Украины и происходило внедрение нарративов об искусственности украинского государства в обществе и на уровне государства.

Абстрагируемся от моральной и правовой стороны подобного объяснения вмешательства в дела суверенного государства. Отвлечемся и от содержания этих тезисов — ложные они, или истинные. Лишь обратим внимание на очевидный факт: апелляция к истории стала в российской политике оправданием военных действий в отношении другого государства, а выдранные из контекста исторические факты, а зачастую и исторические вымыслы, становятся приоритетнее международного права и определяют внешнюю политику государства.

Анализ контента российских медиа, заявлений руководителей России, депутатов и вообще ньюсмейкеров в широком смысле слова позволяет сделать вывод, что исторические

конструкты стали не просто нарративами, вокруг которых выстраивается внешняя политика государства. Эти нарративы стали стратегическими, ими оправдывают практически всю политику современной России. Если выходить за пределы проблематики статьи, то можно заметить, что исторические претензии и обиды России на страны так называемого «коллективного Запада» также легли в основу стратегических нарративов, хоть и не в той степени, как в отношении Украины.

За рамками статьи оставим также вопрос «почему именно Украина?», почему именно в ее отношении исторические нарративы являются «рабочими». Ведь в отношении других стран мирового сообщества российский правящий класс не демонстрирует столь же очевидной заикленности и «не расчесывает прошлое» при выстраивании внешней политики.

Довольно популярной стала версия, что позиция государства сформировалась лишь вследствие особого отношения к данной теме президента Владимира Путина. Как пишет Татьяна Становая, нет никаких признаков, что российская элита воспринимала и воспринимает проблему Украины как экзистенциальную для России. «Для Путина это крайне эмоциональная и личная тема с его заикленностью на идеях исторической справедливости, исконно русских земель и желании освободить братский украинский народ от приватизированных Западом антироссийских «оккупантов». Но такой подход в российском руководстве не разделяют даже многие ястребы, не говоря уже о технократах, для которых несравнимо важнее закончить войну без поражения, что предполагает гораздо более широкий спектр возможных вариантов «победы»¹.

Так или иначе, но историческая обида и претензия России к Украине превратилась в стратегический нарратив, и последствия этого стали трагедией для обеих государств и вызвали поистине тектонические сдвиги для обоих государств, и отразились на судьбах других стран мира.

1. Становая Т. Без неизбежной победы. Как российская элита начинает выбирать между ситуациями проигрыша. URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88043>.

В рамках данного эссе попробуем доказать, почему выбор стратегических нарративов, основанных с оглядкой на историю, является не просто бесперспективным для сосуществования стран, но и может стать бомбой замедленного действия, рано или поздно разрушающей межгосударственные отношения. Сегодня очень часто говорят о «культуре отмены», и автор эссе настаивает на том, что в выстраивании стратегических нарративов современным обществам в будущем придется научиться «культуре отмены» исторических претензий и обид в международных отношениях. И нынешняя Российско-украинская война — существенный для этого повод.

Стратегические нарративы. Когда дискуссии бессмысленны

Для начала определимся, что мы понимаем под стратегическим нарративом. Розель определил стратегические нарративы как «средство, с помощью которого политические акторы создают общее значение прошлого, настоящего и будущего международной политики для формирования поведения внутренних и международных акторов». Это широко цитируемое определение использовалось, чтобы показать, как стратегические нарративы всегда преднамеренно создаются политическими акторами, чтобы влиять на свою целевую аудиторию и способствовать выработке их политики².

Развивая эту мысль, допустим, что в контексте международных отношений, посредством стратегических нарративов акторы формируют собственные убеждения, задачи на международной арене, формулируют собственные интересы. Таким образом, стратегические нарративы — инструмент, с помощью которого политические деятели формулируют позицию по конкретному вопросу и формируют восприятие и действия внутренней и международной аудитории.

В современных европейских медиа нередко распространены сведения, что укоренению «кремлевских нарративов»

2. Roselle, L., Miskimmon, A., O'Loughlin, B. (2014) "Strategic narrative: A new means to understand soft power", *Media, war & conflict*, 7(1), p. 74.

способствует распространение фейков в СМИ и их поддержание. Фейки действительно являются большой проблемой и для международной политики, однако в нашем контексте важной проблемой являются стратегические нарративы, основанные на исторических исследованиях, и которые в ограниченном представлении вполне могут быть истинными, находить обоснования в исторических исследованиях, поскольку в каждом случае изучения нарративов мы имеем дело с литературной обработкой исторического явления, своего рода экспертным перфомансом. Проблема не в том, что презентация событий прошлого может основываться на ложных сведениях, а в том, что оно так или иначе субъективно и на нем уже лежит печать прошлых исследователей прошлого.

На эти свойства исторического знания обращал внимание еще Юрий Лотман. «Взгляд историка — это вторичный процесс ретроспективной трансформации. Историк смотрит на событие взглядом, направленным из настоящего в прошлое. Взгляд этот по самой своей природе трансформирует объект описания»³. Историческое знание, особенно которое ложится в основу нарратива, изначально может являться конструктом, а вследствие самой природы упрощения нарратива для обывателя проходит еще через множество трансформаций. В итоге мы имеем логические причинно-следственные связи, сюжет, исторические свидетельства, они определенным образом упорядочиваются, добавляется интерпретация историка, и всему целому придается некая стройная осмысленность. «Хаотическая для простого наблюдателя картина событий выходит из рук историка вторично организованной»⁴.

В свою очередь, Шеховцов обращает внимание на то, что российские стратегические нарративы отражают подлинные, глубоко укоренившиеся взгляды российского руководства на Украину. Они демонстрируют определенную внутреннюю логику и в целом довольно последовательны. При этом сам факт того, что они могут быть логически последовательными, не означает, что они являются правильными или верными. Это

3. Лотман Ю. Культура и взрыв. М.: Гнозис. С. 33.

4. Лотман Ю. Там же, с. 34.

лишь указывает на то, что они могут быть хорошо структурированными и продуманными⁵.

Этот подход представляется релевантным к формированию нарративов, основанных на событиях прошлого, и в этом видится огромная проблема современных международных отношений, поскольку государство, одержимое стратегическими нарративами, имеющими в основе своей «исторические факты», может представлять угрозу для своих соседей и всему мировому сообществу.

Вообще, по мнению автора этих строк, в идеале стратегический нарратив государства должен быть ориентирован исключительно на настоящее и в будущее, в перспективу. Однако в случае России он опирается практически исключительно на прошлое, поскольку любой реверанс в пользу героев и подвигов прошлого грозит усилению противоречий между государствами.

Ситуация усугубляется тем, что и Украина, при обилии позитивных нарративов о своем будущем («Украина — это Европа», и т.п.) в отношении России также выбрала стратегию противопоставления собственных исторических нарративов, исторических обид и претензий. Это и обвинение в геноциде украинцев во время Голодомора, и уничтожение украинского языка и культуры, «присвоение» Россией украинских деятелей культуры и т.д. Разумеется, эта «холодная война» стратегических нарративов могла бы и не разрешиться в итоге военными действиями, она могла длиться сколь угодно долго — мало ли соседей рисуют друг из друга экзистенциального врага. Однако, как показала практика последних лет, ружье все-таки может выстрелить. В нашем случае, к сожалению, стратегические нарративы, основанные на исторических претензиях, обеспечили вполне обоснованные для правящего класса России причины

5. Шеховцов А. Матрица нарративов: как понимать и расшифровывать российскую пропаганду. URL: <https://re-russia.net/analytics/055/>.

для вторжения, достаточно вспомнить статью Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев»⁶.

Показателен при этом факт, что официально президент России поставил свои цели в войне в Украине как «демилитаризация» и «денацификация»⁷. Но столь абстрактным объяснением трудно привлечь людей на войну и побудить к ее поддержке, а потому и попытка представить войну как «Новую отечественную»⁸ были обречены на провал. И это тоже вполне объяснимо, так как тема демилитаризации и денацификации не формировалась годами в качестве стратегических нарративов России в отношении Украины. Они не осели в головах ни элиты, ни даже лояльного власти населения. По личным наблюдениям автора этих строк, сторонники продолжения военных действий России в Украине редко вообще упоминают эти цели в качестве основных. Они говорят именно об искусственности Украины («нет такой страны и никогда не было»), исторической справедливости, о «нашей земле», обиде, что Украина, дескать, забыла свои традиции, корни, повернулась на Запад, то есть по сути обращаются к тезисам, в той или иной мере упомянутым и в выше указанной статье Путина.

Государству остается опираться именно на эти нарративы для доступного понимания населением. А поскольку специальная-военная операция оказалась не столь молниеносной, как видимо представляли изначально ее авторы, в презентации военных событий добавляется столь узнаваемая «приправа» для повышения большей эмоциональности восприятия: «нацисты», «боевики Зеленского», «каратели», «бандеровцы», что позволяет вызывать в головах потребителей контента ассоциации с вой-

6. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев»: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>.

7. Обращение Президента Российской Федерации, 24 февраля 2022 года: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

8. «Новая Отечественная война»: Медведев дал определение СВО, 21.01.2023: <https://crimea.ria.ru/20230121/novaya-otechestvennaya-voyna-medvedev-dal-opredelenie-svo--1126509437.html>.

ной 1941–1945 гг. Доходит до утверждений, что «начатая 82 года назад борьба с фашизмом продолжается и сегодня»⁹.

Поскольку стратегический нарратив по своей природе продуман, логичен и, что самое важное, множество раз повторен на разных уровнях, переубедить носителей подобных утверждений крайне сложно. Вера в нарратив становится по-истине религиозной верой в высокую идею. Выразитель подобных нарративов приведет в доказательство своей правоты массу фактов, которые, к слову, не обязательно окажутся ложными, но подобраны они будут с той избирательностью и последовательностью, которая потребует от потребителя информации большой массив знаний, чтобы уловить нестыковки в подобной конструкции.

В этом и состоит неконструктивность самой идеи выстраивать стратегические нарративы вокруг исторического прошлого, поскольку во главу угла ставится не разум, а чувства и вера. Более 20 лет назад Дэвид Кэмпбелл в своей статье «Метабосния — нарратив боснийской войны» проанализировал ряд нарративов, рожденных трагическими событиями на Балканах, приводя разный взгляд на конфликт в целом, так и на ряд нюансов, которые фиксировали в своих работах непосредственные участники конфликта с разных сторон, журналисты, военные эксперты, чиновники и т.д. Кэмпбелл, приводя разные интерпретации событий, тем самым поднимал проблему объективности и истинности исторических событий. Все они приводили свои личные факты и ощущения той войны. Кэмпбелл, собрав воедино эти повествования, сделал вывод, ссылаясь, в том числе на Хейдена Уайта, согласно которому законченное историческое исследование содержит не только набор исторических фактов, но и литературную форму. История хоть и не является вымыслом, однако исторические нарративы — это

9. Сергей Кравчук: Начав борьбу с мировым фашизмом 82 года назад, наша страна продолжает её и сегодня, 22.06.2023. URL: <https://amurmedia.ru/news/1528499/>.

«словесные фикции», перформанс, а исторические точки зрения — акты воображения автора¹⁰.

Решая проблему объективности, Кэмпбелл делает вывод, что для исследователя встает проблема «видеть по-другому и хотеть видеть по-другому», находить точки соприкосновения в нарративах, что само по себе является серьезной дисциплиной и готовит интеллект к его будущей объективности.

Именно поэтому сегодня рациональная политическая дискуссия с оппонентами на тему российско-украинских отношений на базе стратегических нарративов, построенных на конфронтации, невозможна. Истинных нарративов, рассматриваемых в различных контекстах, на самом деле очень много, и они лишь усугубляют пропасть. Это тот случай, когда историческая истина оказалась врагом международных отношений.

Почепцов дает оценку понимания чужих нарративов как зачастую совершенно невозможную. Он ссылается на точку зрения Маана: «То, что мы не понимаем, говорит о том, что сообщение не несет значения. Значение возникает в голове получателя. Эффективное сообщение запускает уже существующее значение в сознании». Такое понимание коммуникации, по мнению Почепцова, пересматривает весь ее процесс. «С одной стороны, в сообщении нет смысла, возникающего в результате его переработки. С другой стороны, этот смысл уже есть в нашей голове. Его активируют и перезапускают. Маан в своей работе указывает, что все события сводятся должным образом для определенных целей»¹¹.

Именно поэтому столкновение нарративов не может быть эффективным. Почепцов уверен, что пропагандистская нарративная война мифологическая, то есть опирается на более глубинные структуры. Она опирается на то, что трудно опровергнуть, но также тяжело это доказать. «Это такое вербальное

10. *Campbell D. MetaBosnia: Narratives of the Bosnian War // Review of International Studies* (1998), 24, p. 262.

11. *Maan A. Calls to Terrorism and Other Weak Narratives*. URL: http://www.ajitkaurmaan.com/uploads/2/6/7/9/26794704/calls_to_terrorism_and_other_weak_narratives.pdf.

пространство, которое трудно сверять с реальностью. Оно всегда пишется по расчету нашей победы и нашей правильности. Всем остальным здесь нет места среди победителей. Отсюда любовь к нарративам любой государственной пропаганды¹².

На практике легко продемонстрировать, как практически любой сегодняшний стратегический нарратив России в отношении Украины найдет подтверждение (достаточно убедительное для уже явного его сторонника) даже в недавней истории. Опять-таки абстрагируемся от правовой и моральной стороны дела и представим себе нарративы, которые российские медиа ретранслируют как минимум с 2014, а многие СМИ и с 1990-х годов¹³. На них можно прекрасно отследить, какое значение приобретает одно и то же сообщение.

Украинцы и россияне — одна нация, объединенная в русском мире

- Доводы за: конечно же да, мы жили в одной стране, у нас есть родственники на Украине, кто посмеет разлучить меня с моей теткой. А я кто такой — у меня папа украинец, мама русская, и т. д. Города Украины строили русские цари.
- Доводы против: конечно же нет. Украина строит свое государство и годами добивалась независимости от России, наш язык ближе к польскому и белорусскому, чем к русскому, наш народ по другому относится к свободе, русским не понять и т. д. Неважно, ПРИ КОМ были построены города, их строили предки сегодняшних украинцев.

Украина не является независимым государством

- Доводы за: Украина всегда зависела от поставок российского газа, Украиной управляют американцы (в этом случае можно продемонстрировать фотографию Джо Байдена 2014 года, на тот момент вице-президента США, который сидит

12. Почепцов Г. Не читайте чужих нарративов // Укринформ. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/3596443-ne-citajte-cuzih-narativiv.html>.

13. Analysis of Russia's information campaign against Ukraine. URL: https://stratcomcoe.org/cuploads/pfiles/russian_information_campaign_public_12012016fin.pdf.

в кресле премьер-министра Украины и общается с постмайданными лидерами Украины во главе премьерского стола), в вашем Кабмине целый этаж был занят ЦРУшниками, и вы по уши погрязли в западных кредитах...

- Доводы против: Украина сама уже выбрала шесть президентов, у нее свободные демократические конкурентные выборы, в ходе которых до конца не известен победитель. В стране сформирована собственная система сдержек и противовесов, своя бизнес- и политическая элита. У нас свой государственный язык, история, валюта и территория. Мы лишь хотим включиться в глобальную систему на правах равноправного развитого демократического государства...

Великая Отечественная война продолжается, фашисты в Украине еще не уничтожены, в Киеве фашистский режим

- Доводы за: на Украине ежегодно празднуют день рождения Бандеры с факельным шествием, в региональных парламентах сидят представители националистических партий, почитаются убийцы и пособники Гитлера...
- Доводы против: в Украине действительно есть националисты, но они не влиятельны в политике, националистические лидеры набирают на выборах считанные проценты или даже доли процентов голосов. Многие из них вообще ставленники Кремля...

Россия видит Украину со своей стороны, а Украина со своей стороны. Поэтому прав Маан, когда пишет, что в ситуации противостояния было бы ошибкой рассматривать нарратив оппонента как рациональную конструкцию, интерпретацию сообщения любой потребитель нарратива выберет исходя из представлений собственной идентичности¹⁴.

Схожей позиции придерживается и Эрикссон. Ничто так не убедительно, как история. Нет формы аргумента, нет логического процесса, который может тронуть нас так же, как ис-

14. Maan A. Narratives Are About "Meaning", Not "Truth". URL: <https://foreignpolicy.com/2015/12/03/narratives-are-about-meaning-not-truth/>.

тория, потому что история побуждает нас идентифицировать себя. Видеть себя в истории, частью которой он является»¹⁵

Таким образом, мы приходим к выводу, что нарративы противоположных сторон действительно выглядят иррациональными в глазах оппонента. А если подобный нарратив выходит на уровень международных отношений, то и опасен для мирного сосуществования государств.

Не зря Джеймс Верч признает, что мы порой не осознаем силу стереотипов и нарративных шаблонов, которые оказывают влияние на конфликтующие стороны, и называет это одним из наиболее загадочных и опасных феноменов в международных отношениях¹⁶. В этих словах нет ни капли преувеличения, о чем говорят многочисленные конфликты, в основе которых лежат старые мифы, исторические обиды, стереотипы либо интерпретации исторических событий. Российско-украинская война стала одним из таких трагических явлений.

Украинские и российские нарративы в преддверии 2022 года

Как говорилось выше, не только Россия оказалась в плену своих исторических претензий. Украина, возможно и на субъективный взгляд, пусть в меньшей степени, до февраля 2022 года в отношении России также выстраивала стратегические нарративы, обращаясь к историческим претензиям и обидам.

В книге «Русскому об азербайджанцах» А. Севастьянова и А. Горянина приведет любопытный термин «клиобесие». Явление, которым авторы объясняют бесконечность армяно-азербайджанского противостояния:

К войне привели многие причины, но самой первой среди них следует назвать «клиобесие», опаснейшую болезнь интеллигенции — болезнь, оказавшуюся, увы, заразной

15. *Irvin-Erickson, Douglas*. Genocide Discourses: American and Russian Strategic Narratives of Conflict in Iraq and Ukraine // *Politics and Governance*. 2017. Vol. 5. Issue 3. P. 130–145. DOI: 10.17645/pag.v5i3.1015.

16. *Wertsch, James, V.* Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2017. P. 248.

и для простых людей. Клио, если кто забыл, — муза истории. Клиобесие редко существует само по себе, оно почти всегда сочетается с лютой ненавистью к другой нации или нациям. Клиобесие проявило себя на Кавказе еще до отмены цензуры. Азербайджанский писатель Максуд Ибрагимбеков рассказал: «Разговариваю с парнем-армянином, подложившим самодельную бомбу в городской автобус маршрута № 106 в Баку. Зачем ты это сделал, ведь погибли люди, причем разных национальностей, заживо сгорела пожилая женщина-армянка? Оказалось, он читал книгу Зория Балаяна «Очаг», а там написано, что азербайджанцы — кочевники-мусульмане, турки — значит, надо их убивать».

Следует признать, что и российское и украинское общества к войне пришли уже изрядно накрученными этим самым клиобесием. Во внешней политике государств исторические нарративы стали основой для обеих сторон. Разумеется, толчком для их пышного расцвета послужила потеря Украиной Крыма, однако и до 2014 года противопоставление России и Украины находило отклик и в российском и украинском обществе, среди экспертов и правящего класса.

Для того, чтобы понять атмосферу, в которой вызревало полномасштабное российское вторжение в Украину, необходимо проанализировать стратегические нарративы, которые лежали в основе российско-украинских отношений после Майдана 2014 года. В 2014 году Россия ввела войска в Крым и объявила полуостров частью РФ. Также были поддержаны самопровозглашенные республики Донбасса «ЛНР» и «ДНР». Сосредоточимся на интерпретации этих событий со стороны России и Украины.

Украинское руководство придерживалось точки зрения, что это международный конфликт и война между Россией и Украиной. При этом важно сделать оговорку, что значительная часть украинского политикума, преимущественно русскоязычного юго-востока, называло тогда конфликт гражданской войной¹⁷, и лишь после 2022 года в стране произошла консоли-

17. Примечательно, что в Википедии на запрос на украинском языке о конфликте на Донбассе мы видим прежде всего статью «Російсько-українська війна (з 2014)», в которой пишется о россий-

дация общественного мнения. Сегодня гражданской войной конфликт не называют даже некогда приверженцы такого подхода — представители «Оппозиционного блока» или «Оппозиционной платформы».

Российские власти не рассматривали Крым как составную часть проблемы потери украинских территорий, в то время как в Украине проблема Крыма увязывалась с Донбассом и потеря Крыма рассматривалась как начало «Российско-украинской войны». Это, к слову, было также одной из проблем Минских соглашений. Украинские власти нередко заявляли о невозможности решать судьбу Донбасса в отрыве от Крыма, что для России было неприемлемо, опять таки по причине сформированного нарратива, что «Крым всегда был в составе России».

В Украине за годы противостояния с 2014 года в свет вышло немало работ, в которых центральной темой проходит нарратив о российско-украинской войне¹⁸. Заслуживает внимания брошюра Украинского института национальной памя-

ской интервенции, в то время как статья на русском языке своим названием придает конфликту совсем другой смысл — «Вооружённый конфликт на востоке Украины» (до 2022 года), что тоже указывает на разные интерпретации конфликта в украиноязычной и русскоязычной среде, а после 2022 статья была исправлена на «Война в Донбассе». URL: <https://tinyurl.com/27esffab> (дата обращения 03.07.2023); [https://uk.wikipedia.org/wiki/Російсько-українська_війна_\(з_2014\)](https://uk.wikipedia.org/wiki/Російсько-українська_війна_(з_2014)) (дата обращения 03.07.2023).

18. См. Мартин Брест «Пехота», «Пехота-2» и «Пехота-3», Александр Мамалуй «Военный дневник (2014-2015)», Геннадий Фимин «Доброволец «Сумрака», Алексей Пайкин «Неудобные зарисовки гибридной войны», Андрей Красильников «Как я стал бандеровцем. Тень платана», Станислав Кульчицкий и Лариса Якубова «Триста лет одиночества: Украинский Донбасс в поисках смыслов», Юрий Карин «Вторжение в Украину», Евгений Положий «Иловайск», Ирина Штогрин «Ад 242. История мужества, братства и самопожертвования», Максим Вихров «Дикий Восток. Очерк истории и настоящего Донбасса», Александр Михед «Я смешаю твою кровь с углем», Роман Зиненко «Война, которой не было. Хроника Иловайской трагедии», Сергей Захаров «Дыра», Светлана Еременко «Терриконы под самолетом», Сергей Дзюба, Арсений Кирсанов «Позывной «Бандерас», Юлия Илюха «Восточный синдром» и т. д.

ти¹⁹, «2014: начало российско-украинской войны». Повествование начинается с того, что весной 2014 года РФ аннексировала территорию Крыма и Севастополя, а также части Луганской и Донецкой областей: «Враг захватил примерно 7 процентов украинской территории»²⁰. Раскрывая предпосылки войны, авторы называют противостояние России и Украины экзистенциальным, истоки которого необходимо искать еще в противостоянии царской России и гетманской Украины и напоминают, что еще в 1659 году украинские казаки в союзе с крымскими татарами разбили московское войско, что вошло в историографию как «Битва при Конотопе». Затем, на протяжении истории, украинские силы не раз противостояли России, в том числе в гражданской войне. Россия неоднократно пыталась развязать войну против Украины, в том числе еще в 2003 году, спровоцировав конфликт вокруг Тузлы. Агрессия проводилась не только в отношении Украины, но и Грузии в 2008 году, а захват Крыма и вторжение на земли Донбасса стали логичным продолжением имперской политики. Таким образом, по версии историков, Украина все последние века отражала атаки России и воевала с ней за независимость, а Россия пыталась ее покорить.

Здесь мы сталкиваемся с получившим во время независимости Украины историческим событием, которому мало уделялось внимания в советской историографии. Речь идет о «Конотопской битве», которая сама по себе также стала важным нарративом в современной Украине.

О том, что украинские историки актуализировали битву при Конотопе после распада СССР, пишет Татьяна Таирова-Яковлева, отмечая, что истоки актуализации битвы кро-

19. Украинский институт национальной памяти — центральный орган исполнительной власти по реализации государственной политики в сфере восстановления и сохранения национальной памяти, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Министра культуры.

20. Кулик Р, Майоров Р. 2014: початок російсько-української війни. Украинский институт национальной памяти. С. 2. URL: <https://uinp.gov.ua/elektronni-vydannya/broshura-2014-pochatok-rosiysko-ukrayinskoyi-viyny>.

ются в политических событиях в России и Украине, а также в стремлении Украины найти в исторических событиях новую идентичность. Яковлева утверждает, что сегодня и в России и в Украине продолжают традиции советского времени, в результате чего история «подгоняется» под политическую повестку. Российские историки склонны представлять всех украинских гетманов, которые восстали против Московии, как негативные фигуры. В свою очередь украинские их коллеги используют исторические события под нарратив «противодействие московскому агрессору»²¹.

Следует признать, что отсылка к Конотопской битве появилась не вчера, и ее значение, как одной из главных битв за независимость Украины, рассматривал уже Михаил Грушевский, председатель Центральной Рады УНР 1917–1918 годов²². Поэтому нарратив о том, что Украина на протяжении истории отстаивала свою независимость от восточного соседа, является отнюдь не новым.

Точка зрения об исторической недоговороспособности России получила распространение еще до майданных событий 2014 года. В 2009 году украинский философ Андрей Окара, поясняя значимость Конотопской битвы для украинской идентификации, утверждал, что логика московско-украинских конфликтов кроется в нежелании российской власти рассматривать Украину в качестве субъекта переговоров, и Россия принимает лишь вассальную присягу Украины²³. Победа при Конотопе доказывает, что с Украиной надо говорить на равных, и в этом заключается историческое значение этого события.

21. См.: The Battle of Konotop 1659. Exploring alternatives in East European History / Oleg Rumyantsev and Giovanna Brogi Bercoff (eds.). Yakovleva-Tairova T. The Konotop Battle: 350 years later. Milano: Ledizioni, 2012. P. 119–124. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/disegni/article/view/2890/3079>.

22. См.: Грушевский М. С. История Украины. Донецк: ООО «ПКФ «БАО», 2011. С. 251–254, гл. 85 «Борьба с Москвой».

23. Окара А. Конотопская битва-350: как и зачем это было // Украинская правда. 24.07.2009. URL: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/okara/4a6987a9c6cb5/> (дата обращения: 25.07.2020).

Нарратив, что Украина веками добивалась независимости, а Москва этому препятствовала, и в 2014 году, воспользовавшись слабостью центральной власти в Киеве, оккупировала часть территорий и намеревается подавить украинскую независимость, являлся главенствующим к 2022 году.

Примечательно, что со стороны европейского экспертного сообщества редко прослеживались объяснения российской агрессии именно самой исторической сущностью России. В частности, Сабина Фишер в брошюре «Конфликт в Донбассе» представляет ситуацию как международный конфликт: Россия аннексировала Крым, а затем раздула конфликт на Донбассе до настоящей войны²⁴. При этом Кремль удачно использует лояльные политические организации на территории Украины, которые проводят нарратив Кремля о внутреннем, гражданском конфликте Украины. Донецкая и Луганская народные республики обладают формальными признаками государств, однако это «русские творения, контролируемые Москвой»²⁵. Обращает внимание более сдержанный политический язык, который не возносит конфликт России и Украины в разряд экзистенциальных.

В России, разумеется, главенствовала другая интерпретация конфликта. Суть нарратива состоит в том, что Россия вновь вынуждена защищать свои рубежи от западных стран, которые заинтересованы в сокращении пространства «Русского мира». Соответственно, в России руководство и дипломатия опиралось на нарратив о защите России от вмешательства извне. На эту тему в России за последние годы вышло немало книг, которые в тех или иных вариантах ретранслируют этот нарратив²⁶.

24. *Fischer Sabine*. The Donbas Conflict. Opposing Interests and Narratives, Difficult Peace Process // German Institute for International and Security Affairs. Berlin. April, 2019. P. 33.

25. Ibid.

26. См.: Александр Проханов «Убийство городов», Борис Рожин «Война на Украине день за днем», Михаил Поликарпов «Игорь Стрелков — ужас бандеровской хунты. Оборона Донбасса» и «Игорь Стрелков. Битва за Донбасс. Разгром карателей. Хроники сражений», Дмитрий Зеркалов «Фашизация Украины», Лев Верши-

В книге военного эксперта Леонида Ивашова довольно концентрированно выражен этот нарратив в сборнике статей «Радикальная доктрина Новороссии», главы которой уже сами по себе названы как нарративы, которые можно регулярно услышать из уст российских политиков и в медиа: «Украина единой уже не будет», «Украина, которую мы потеряли», «После Украины они дождут Белоруссию», «Ждет ли Украину распад», «Военно-политическая доктрина борьбы за Новороссию». В Украине произошел госпереворот с явным вмешательством извне. Война на Донбассе спровоцирована прежде всего США, чтобы, с одной стороны, рассорить Россию с Европой, обосновать сохранение баз НАТО и, возможно, увеличить концентрацию войск в Восточной Европе в целях сдерживания амбиций России и использовать Украину для развязки большой мировой войны. Донбасс же встал на защиту своей русской идентичности и получил материальную и моральную поддержку России. Ивашов четко поляризует Украину на две части — Запад и Восток, где Восток — пророссийский, и выступает за союз с РФ, в то время как чуждый «Русскому миру» Запад (прежде всего Галичина) стремится к интеграции с Западом, а потому раскол Украины неизбежен. О гражданской войне пишет и историк Михаил Поликарпов, добавляя, что со стороны населения Донбасса — это национально-освободительная война²⁷.

Исходя из этого, мы видим, что в российском нарративе Донбасс, а то и вся юго-восточная Украина — часть «русской цивилизации». Западная Украина же по сути «отравила» остальную часть страны, однако к большинству украинцев она не имеет отношения, поскольку сформировалась под влиянием Польши и Австро-Венгрии. В этом нарративе заметно, что по-

нин «Евромайдан. Кто уничтожил Украину?» и «Украина — вечная Руина», Андрей Манчук «Кровь Донбасса», Егор Холмогоров «Карать карателей. Хроники Русской весны», Александр Широкопад «Битва за Новороссию», Сергей Глазьев «Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне?», Алексей Самойлов «Ложь и позор украинства» и др.

27. Поликарпов М. Игорь Стрелков. Битва за Донбасс. Разгром карателей. М.: Книжный мир, 2015.

зиция России состоит в том, чтобы раздвинуть границы «русского мира» за пределы Российской Федерации.

На элемент «защиты» обращает внимание Джеймс Верч, отметив, что Владимир Путин воспроизводит российский нарративный шаблон: Россия веками отражала агрессию иностранных захватчиков. Именно поэтому различные события интерпретируются в России как внешние угрозы, даже если кто-то рассматривает их как русских. В итоге многолетних пересказов военных историй появился нарратив об из века в век повторяющемся изгнании агрессора²⁸. Причем в случае с Донбассом, интервенции подверглась не сама Россия, а этнические русские за рубежом. По мнению Путина «Раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка, сделать объектом принудительной ассимиляции»²⁹.

В самопровозглашенных республиках Донбасса и усилением коммунистических и националистических сил после 2014 года появилась схожая с российской интерпретация конфликта, поскольку после Майдана достаточно популярна была идея об образовании отдельного субъекта международного права — Новороссии или «более справедливого», чем в РФ, русского общества.

Станислав Ретинский, секретарь по идеологии Компартии ДНР пишет, что ошибочно было бы воспринимать конфликт как цивилизационный и как место столкновения «пророссийского Юго-Востока и «прозападными» регионами Украины. Конфликт — лишь продолжение борьбы за социализм, часть антиимпериалистического фронта, поскольку глубоких противоречий между капиталистической Россией и Западом нет. Это противостояние против капитала, началось как внутреннее, а переросло в международное³⁰. Здесь

28. Wertsch, James, V. Op. cit. P. 239.

29. Обращение президента Российской Федерации // Президент России. 18.03.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 25.07.2020).

30. Ретинский С. Г. Донбасс в мировом противостоянии. Классовый подход. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 21.

и империалистическое противоречие между Россией и США, Россией и США, ЕС и США, и нюансы вроде конфликта бывшего президента Януковича с олигархами и мелкой буржуазией. Антимайдан в Донецке был, по мнению Ретинского, не столько против Киева и евроинтеграции, а против олигархов, в интересах которых и произошел переворот в Киеве³¹. Конфликт стал международным, поскольку США заинтересованы в уничтожении промышленного потенциала Донбасса, его угледобывающей отрасли, чтобы поглотить энергетический рынок Украины, а затем и Европы, на котором до сих пор сильны позиции России³². Германия в этом противостоянии склоняется на российскую сторону, в которой она видит более слабого конкурента, нежели США. Поглощение европейского энергетического рынка американским капиталом ослабит позиции ЕС.

О пролетарском характере событий в Донбассе пишет первый т. н. «народный губернатор» Донецка Павел Губарев. В книге «Факел Новороссии» говорится о «православном социализме» — именно так характеризует он строй будущего государственного образования на территории Донбасса. «Либеральному капитализму» Европы Губарев противопоставляет «Православный социализм» — строй без олигархов, при котором поддерживают не просто бедных и слабых, но делают ставку на молодых и здоровых, «ради трехдетной русской семьи, как минимум»³³. Если не заикливаться на словах Губарева о православии и своеобразной духовности, то можно обратить внимание, что позиция противников центральной власти в Киеве после майдана изначально концентрировалась против олигархии, что не случайно, так как именно Донбасс представлял собой самый олигархический регион Украины и смену власти в Киеве сторонники Губарева и других апологетов Новороссии видели именно как конфликт олигархов.

Несмотря на кардинальные различия во взглядах, частично нарратив Донбасса — «Антимайдан — восстание рабочих и горожан» отмечает журналистка Соня Кошкина в книге

31. Там же, с. 30.

32. Там же, с. 31.

33. Губарев П. Факел Новороссии. СПб.: Питер, 2016. С. 299.

«Майдан. Нерассказанная история». В главе «Как мы потеряли Донбасс», она так описывает события весны 2014 года. По ее словам, и по форме, и по сути собрания людей на Востоке Украины напоминали майдан. Но «майдан наоборот» — проявление недовольства людей, убежденных, что их позицию не слышат в Киеве, а их малая родина «недолюбленная». Если в столице Украины произошла буржуазная революция, то на востоке — пролетарская. «Но в Киеве тогда это не поняли и не знали что с этим делать», — признает Кошкина, в последствии отмечая, что недовольством протестующих Донбасса воспользовалась Россия³⁴. В контексте проблемы важно, что в начале XXI века на волне поиска идентичности Украины, и особенно после «Оранжевой революции» 2004 года, в результате которой уроженец Донбасса Виктор Янукович проиграл третий тур выборов Виктору Ющенко, в Донецке также занялись поиском собственной идентичности. Владимир Корнилов в работе «Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта» обращает внимание, что не только Донбасс, но и другие регионы восточной Украины по сути своей украинскими не являются. Корнилов, ссылаясь на архивные данные и публикации XIX — XX веков, отмечает, что украинскими на Харьковщине, промышленном Донбассе, Екатеринославе остаются разве что села, в то время как заводские районы и города заселены русским населением, да и вся промышленность торговля носят общерусский характер³⁵. Об этом также писали с учетом различных нюансов истории Дмитрий Табачник в 2009 году (в 2010 году Табачник стал министром образования при президенте Януковиче) или Петр Толочко в 2012³⁶. Этот нарратив в будущем очень точно совпадет со словами Владимира Путина, что на востоке Украины находятся земли, которые «никогда Украине

34. Кошкина С. Майдан. Нерассказанная история. Киев: Брайт Стар Паблшинг, 2015. С. 393.

35. Корнилов В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта. Харьков: Фолио, 2011. С. 33.

36. См.: Толочко П. Украина в оранжевом интерьере (2012); Табачник Д. «Мир без Украины?» (2009).

не принадлежали»³⁷. Нарратив, что Украина — искусственно созданное государство, благодаря «подаркам Ленина-Сталина» по сути стало официальной позицией российского государства.

Однако тему о подавляющем большинстве русских на Донбассе поднимали и в «противоположном лагере». Правда, объясняли они этот факт иначе. Британский историк и политолог украинского происхождения Тарас Кузье не концентрируется на XIX веке, но зато отмечает, что после Второй мировой войны на Донбасс приехали 3,5 миллиона рабочих, в основном русских, среди которых «преобладали мужчины с сомнительным прошлым»³⁸. Урбанизация привела к тому, что на исконно украинских территориях стало работать больше русских, чем в других частях Украины, и те воспринимали себя как члены советской, но не украинской семьи³⁹.

Затянувшийся на годы конфликт на Донбассе вызвал и целую волну литературного творчества. Вопрос, конечно, открытый — насколько литературные свидетельства оказывают влияние на международные отношения, однако следует признать, что репрезентация нарратива через художественные образы, биографические свидетельства и дневники усиливает его влияние, создавая значительную массу исторических (иногда условно исторических) свидетельств и способна формировать позицию читателя.

Ряд примеров демонстрируют, что в работах, выпущенных журналистами и непосредственными участниками событий, так или иначе повторяются нарративы, которые преобладают в политической среде. Причем характерно, что в литературных произведениях язык повествования и оценки зачастую уже более радикальные.

37. Часть Украины является российской территорией, с которой РФ разберется — Путин. URL: <https://www.5.ua/ru/myr/chast-ukrayni-iavliaetsia-rossyiskoi-terrytoryei-s-kotoroi-rf-razberetsia-putyn-205043.html> (дата обращения 25.07.2020).

38. Кузье Т. Война Путина против Украины. Революция, национализм, криминалитет. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2018. С. 242.

39. Там же, 247.

В частности, в Украине выходят книги, общий посыл которых в том, что не только украинцы, но и граждане Украины, считающие себя русскими, также отправляются на войну и воюют против «северного соседа» за свободу⁴⁰. В книге военного корреспондента Сергея Лойко «Аэропорт» через вымышленных, а иногда условно вымышленных героев (в книге упоминается российский канал «Снег», из «потемкинской деревни путинской свободы слова», губернатор Дыркин и т.п.) транслируется ряд политических меседжей, которые сегодня широко распространены в Украине. В частности, ответственности России за войну на Донбассе и слишком нерешительные действия западных стран в отношении РФ и лично Владимира Путина⁴¹.

40. См.: *Якорнов Д.* То АТО Дневник добровольца. URL: <https://www.rulit.me/books/to-ato-dnevnik-dobrovolca-read-491641-2.html>: «Возникает вопрос — а чего это я вообще рвусь воевать. Небось, типичный укрофашист, истребитель снегирей и распинатель младенцев? Напротив, я этнический русский (папа — с Урала), никогда и помыслить себя не мог с оружием и против любого насилия, в том числе обоих Майданов. На выборы не ходил ни разу с момента получения паспорта, а на случай полной безнадёги с такими правителями готовился к переезду на пмж в Европу. Однако в марте 2014-го стало ясно, что наши внутренние дразги — ничто перед внешней угрозой, стоимость активов и покупательная способность резко упали, а соседка РФ в одночасье превратилась в четвертый Рейх (совпадение текущего тоталитарного режима РФ в мельчайших деталях с нацистской Германией мне видно прекрасно, будет время — аргументирую). «АТО» — это война на истощение: кто быстрее развалится, Украина или бензоколонка, и, пока более вероятно первое, нужно не дать Украине, Киеву и моей семье стать частью «русского мира». Впереди у «русского мира» только углубление изоляции, кризисы и безнадёга, и немаловажно, сколько ещё территории Путин и К° сумеют оттяпать перед кончиной».

41. *Лойко С.* Аэропорт. Главная книга о войне, которой не должно было быть, и о героях, которые хотели жить, но умирали». Киев: Брайт стар пабблишинг, 2016: «Журналисты западные мало отличаются от своих политиков. Ключевое слово у них при этом ЯКОБЫ. Якобы русские, якобы вторглись. Задолбала уже эта якобы политокорректность. Чтоб они писали и как, если бы немцы валяли ваньку, как Путин, и не признавали вторжения» (с. 195); «В стране, где даже по самым «объективным» опросам Путина поддерживали 86 процентов населения, легко можно было без значительно

В свою очередь, нарративы о влиянии стран НАТО, США и зарубежных наемниках, которые воюют на стороне Украины, находят отражение в книге ополченца Андрея Савельева «Война в 16. Из кадетов в диверсанты»⁴². В самопровозглашенных республиках Донбасса выходит Литературно-художественный альманах «Территория Слова», который также значительную часть литературных произведений посвящает конфликту, общая идея которых, с Донбассом воюют либо «укрофашисты», либо обманутые русские⁴³. В рассказе «Укол рапиры» описывается стычка между оставшимся в живых украинским военным и группой ополченцев. В ходе общения они обмениваются репликами о смысле войны, и в конце концов украинский военный подрывает себя гранатой, пытаясь убить всех, но погибает

ущерба режиму бросить в топку войны процентов 10–15 самых одиозных, самых непредсказуемых, самых долбанутых, включая ряженных казаков» (с. 223); «Путин не может предложить своему народу ничего позитивного, поэтому чтобы удержаться у власти он все время уже 15 лет предлагает одно и то же — войну. Сначала с бандитами и террористами, которых он же сам создает и пестует, а теперь и с остальным миром. Этого никогда бы не произошло, если бы народ сказал НЕТ на выборах, так, что подтасовывать бесполезно. Но российский народ все время говорит путинской войне Да» (с. 283)

42. Савельев А. Война в 16. Из кадетов в диверсанты. М.: Книжный мир, 2019. С. 439: «Стрельба не умолкала, но в какой-то момент я начал слышать выстрелы в 10 метрах от себя, причём сзади. Такое впечатление, что стреляли аккуратно в меня. Я быстро развернулся и направил ствол автомата в стреляющего. Им оказался ополченец из нашей крымской группы «Гусь». Увидев наконец моё лицо, он искренне удивился и стал испуганно материться. „Вандал“, ты чего в натовской каске? Я перепутал тебя с противником, чуть не убил». Действительно, до этого я где-то «намутил» нашлемник с американской расцветкой и «Гусю» в пылу боя померещился правый сектор. Благо, что он оказался настолько «косым», что не попал в меня с расстояния плевка. После этого я выкинул, нафиг, эту каску вместе с РПП, который у меня болтался между ног, в траву и пополз дальше без них».

43. Литературно художественный альманах «Территория слова». 2019. № 1. С. 9.

лишь один. Рассказ заканчивается фразой ополченца: «какой же ты украинец, ты самый настоящий русский».

Даже беглый анализ литературных источников обращает внимание на то, что, основываясь на нарративах своих сторон, происходит дегуманизация противника и четкое противопоставление «нас» и «их». Эту же идею мы находим в книге Павла Губарева⁴⁴, что на территории Донбасса столкнулись «хорошие русские» с «плохими бандеровцами», цель которых, опять-таки, совпадает с давней целью Запада — захватить «Русский мир».

Заключение

В России и в Украине распространена идея, «кто не знает своего прошлого, тот не имеет будущего». Однако анализ нарративов демонстрирует, что акторы политического процесса слишком увлеклись игрой в историю, спродуцировав за последние годы высочайшую концентрацию нарративов о страхах прошлого, трагедиях, обидах, что лишило стороны мирного сосуществования и понимания будущего.

Анализ нарративов, получивших распространение в Украине и России в связи с конфликтом на Донбассе, подтверждает опасения Верча, что нарративы являются опасным феноменом в международных отношениях. Сразу же обращает на себя внимание тот факт, что самые распространенные нарративы Украины и России и до начала активных военных действий вообще не несли в себе положительной повестки и смыслов, направленных на развитие двусторонних отношений. Здесь налицо и конфликт интерпретаций, и даже отсутствие

44. См.: Губарев П. Факел Новороссии. СПб.: Питер, 2016. С. 304: «Вспомните, как зверствовали отщепенцы от Русского мира, новые бандеровцы — «укры» в Донбассе! Вспомните их изуверские расправы. Это поведение нерусское, это воскрешает в памяти садизм западных крестоносцев, звериную жестокость западных войск во время Тридцатилетней войны 1618–1648 годов, маниакальные зверства испанской инквизиции, жестокость британских колонизаторов, а особенно — чудовищные преступления гитлеровцев. Это западная по типу жестокость. А теперь вспомните, как человеколюбиво относятся к пленным в ДНР и ЛНР, как лечат раненых бойцов ВСУ. Это та самая всечеловечность, заложенная в нас Сергием Радонежским и воспетая Достоевским».

каких-то попыток мирного сосуществования, поскольку нарративы, которые транслируют в Украине и России, являются взаимоисключающими.

Опираясь на представленную теорию и практику, можно сделать вывод, что заданные стратегические нарративы и не могли вывести российско-украинские отношения к позитивным результатам. В нынешней же ситуации активных военных действий радикализация позиций экспертного сообщества, медиа, лидеров общественного мнения, активистов и их активное участие в производстве политического контента тем более не предполагает мирного процесса. Пока исторические нарративы остаются главенствующими, в лучшем случае можно говорить лишь о превращении горячей войны в холодную.

В дни, когда территория Украины подвергается бомбардировкам, даже наивно было бы говорить о каком-то сближении российских и украинских нарративов. Однако рано или поздно обеим сторонам придется выстраивать новую модель взаимоотношений.

На эту проблему обратил внимание исследователь Рауф Карагезов, изучая нарративы Азербайджана и Армении в карабахском конфликте. Он приходит к выводу, что порой надо уметь отказываться от «копания в истории», забывать исторические обиды и не оставаться в плену вражды и ненависти. Анализируя возможности создания общих нарративов Азербайджана и Армении путем постепенного сближения и видоизменения нарративов за счет постепенных компромиссов по более незначительным проблемам (что в конечном счете должно привести к «общей истории Кавказа»). Однако и этот тезис в контексте украино-российских отношений сегодня не внушает оптимизм. Карагезов признает, что найти такие нарративы хоть и возможно, однако сомнительно, что стремление найти такие точки соприкосновения вызовут одобрение со стороны общества и т.н. «партии войны»⁴⁵. Это справедливо

45. Карагезов Р. О роли коллективной памяти и исторических нарративов в карабахском конфликте: социокультурный анализ // Большой Кавказ 20 лет спустя. Ресурсы и стратегии политики идентичности. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 126.

сегодня и по отношению к России и Украине. Убежденность в высокой значимости истории, заикленность на недопущении «фальсификации» исторической памяти, причем в обеих странах, приводят на практике политический процесс к вооруженному конфликту.

В контексте увлечения историческими нарративами современных государств чрезвычайно важно заметить, что при выработке будущей модели взаимоотношений России и Украины актерам придется уйти и от «позитивной» исторической повестки. По крайней мере, той, которая до сих пор нередко и в российском и украинском обществе — о «братстве народов» и т. п. Исторический опыт демонстрирует, что идеи об «общих традициях», «общих корнях», «братстве народов», лежащие в основе межгосударственных отношений, легко трансформируются в нарративы о «предательстве» высоких идей, в случае даже малейшего изменения внешнеполитических приоритетов одного из акторов. Что, в свою очередь, опять-таки порождает межгосударственный конфликт. В этой связи стратегические нарративы в идеале вообще не должны затрагивать прошлое государств, должны быть заменены идеями гуманизма и прав человека.

Выходя за пределы украино-российского конфликта, следует и шире поставить вопрос о будущем международных отношений. В практике общения в социальных сетях существуют приемы «игнорирование бота», «не кормить тролля», не включаться в дискуссию, которая направлена лишь на изматывание собеседника. Увы, но современные международные отношения порой напоминают дискурс интернет-троллей, в котором каждый сосредоточен исключительно на себе и «питается» доводами против, генерируя все новые и новые порции ненависти. А ведь именно по такой схеме и идет взаимодействие государств, взявших на вооружение исторические нарративы.

Разумеется, в нашей современности актерам международных отношений придется вырабатывать модели общения со странами, которые используют исторический ресентимент в качестве стратегических нарративов. Поскольку приведенная теория и практика подтверждают, что найти общие нарративы на базе исторических обид и претензий невозможно, задачей

государственных и международных структур — выработать модели отношений, в которых главенствующими станут стратегические нарративы направленные исключительно в будущее, в прогресс, права человека. Возможно, это звучит сегодня наивно и прожектерски, однако, на взгляд автора, это лишь вопрос политической воли.

Пришло время, когда из истории пора прекращать конструировать фетиш, являющийся доводом в международных отношениях. Простой пример: современный этикет в процессе эволюции общества пришел к норме, что спорить на тему религии — дурной тон. Споры об исторических обидах, как и доводы о некой исключительности и величии, тоже должны стать дурным тоном, о чем в будущем будет попросту неприлично говорить на международной арене.

DOI: 10.55167/d1c992e2bde3

Война языков и агрессия Российской Федерации против Украины

Гасан Гусейнов

Задача статьи — описать механизм, с помощью которого российскому обществу удалось убедить себя само в том, что все украинское неполноценно — и язык, и государство, и культура, и сами люди. Без этого большого консенсуса война, разгоревшаяся 24 февраля 2022 года, не могла бы ни начаться, ни продолжаться вот уже почти три года.

Есть несколько серьезных исследований русской имперской, советской и постсоветской языковой политики в Украине. Так, в 2009 году, по итогам работы исследовательской группы в университете Фрайбурга (2006–2008) вышел сборник статей под редакцией Юлианы Бестерс-Дильгер¹, посвященный текущей языковой политике в Украине на историческом фоне, в том числе, и российской языковой политики. Работы общего характера рассматривают языковую политику широкими мазками, без столь важной для понимания языковой стихии детализации².

В данной статье я рассматриваю лишь один аспект многоплановой проблемы — основные фазы восприятия украинского языка и украинства в русской культуре, как официальной, так и не официальной, под одним углом зрения — отношения

1. *Besters-Dilger, Juliane* (ed.). *Language Policy and Language Situation in Ukraine: Analysis and Recommendations*. Frankfurt u.a.: Peter Lang, 2009; *Kappeler A.* *Ungleiche Brüder. Russen und Ukrainer vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. München: C.H.Beck, 2022.

2. См., напр.: *Plokhy, Serhii*. *Lost kingdom: a history of Russian nationalism from Ivan the Great to Vladimir Putin*. Penguin Books, 2018; *Lenore A.* *Grenoble. Language Policy in the Soviet Union*. Springer Dordrecht, 2003; see esp. Chapter 3 «The Slavic Republics and Moldova», p. 65–93.

к украинскому языку как не вполне серьезному, потешному явлению. Начав с замечаний Владимира Набокова о Николае Гоголе как писателе, которому повезло, по мнению Набокова, не остаться украинским, а стать русским, я затем более подробно останавлиюсь на трех эпизодах из истории русской языковой и культурной политики более чем столетней давности. Спор между идеологом империи П.Б. Струве и идеологом сионизма Владимиром Жаботинским 1911 года, отчет В.Г. Короленко об открытии памятника украинскому поэту Ивану Котляревскому в 1916 году. Дискурс неполноценности украинского языка и характера угроз, которые видели в украинстве императорская Россия, сталинский Советский Союз и постсоветская Российская Федерация, позволит лучше понять культурную подоплеку новейших шагов для подавления украинского языка и украинской государственности.

Внушить презрение через осмеяние: Гоголь и Набоков

Через украинские ворота вошел в русскую литературу Николай Васильевич Гоголь. Этот его путь из малороссов в русские ярче всего описал в очерке «Николай Гоголь» Владимир Набоков³. Для Набокова почти все раннее творчество Гоголя — «оперная романтика и старомодный фарс». Так вышло, что и сам Гоголь видел свое украинство в двойном зеркале: как имперец и пушкинист, Гоголь считал Россию и великорусский язык объемлющей силой славянства. Если угодно, войдя в русскую литературу, он закрыл за собой украинскую калитку. Свой гений и весь свой украинский, как теперь бы сказали, ресурс Гоголь отдал русской поэзии.

В период создания «Диканьки» и «Тараса Бульбы» Гоголь стоял на краю опаснейшей пропасти (и как он был прав, когда в зрелые годы отмахивался от этих искусственных творений своей юности). Он чуть было не стал автором украинских фольклорных повестей и красочных романтических историй. Надо поблагодарить судьбу (и жажду писателя обрести

3. *Nabokov, Vladimir. Nikolai Gogol. Norfolk, Connecticut: New Directions Books, 1944; см. русский перевод Елены Голышевой (1987): Набоков В. Роман, рассказы, эссе. СПб.: Энтар, 1993.*

мировую славу) за то, что он не обратился к украинским диалектизмам как средству выражения, ибо тогда бы он пропал⁴.

В доказательство Набоков приводит и разбирает письмо Гоголя к матери от 24 июля 1829 года. Три сообщения, любого из которых хватило бы для обморока у маминьки, — он бросил службу, он уехал за границу, он намерен добиться всемирной славы литературным трудом, — Гоголь упаковал в гениальную риторическую конструкцию. Первым делом он сочинил для матери историю о неразделенной любви к некоей особе, даже имени которой нельзя называть. Он бросил службу, потому что в его положении продолжение службы означало бы «несчастье и бесчестье». Таким образом, заграничное путешествие становится единственным и счастливым выходом и для него, и для матери и сестер. Сообщив, что встретиться им придется только через два-три года, Гоголь добавляет и цель письма:

Принося чувствительнейшую и невыразимую благодарность за ваши драгоценные известия о малороссиянах, прошу вас <...>, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования. Сочинение мое, если когда выдет, будет на иностранном языке, и тем более мне нужна точность, не исказить неправильными именованиями существенного имени нации. <...> В замену опишу вам быт и занятия добрых немцев, дух новизны, странность и прелесть еще доселе мною невиданного и всё, что произведет сильное впечатление на меня⁵.

Становится понятно, почему два года спустя, в ответ на «Вечера на хуторе близ Диканьки», критика увидит в Гоголе фокусника. Н. Полевой напишет: «Едва ли удастся ему поддеть нас на эту штуку. Что у вас за страсть быть Вальтер-Скоттиками? Что за мистификации? Неужели все вы, г. г. сказочники, хотите быть великими незнакомцами? Пишите, сколько вам угодно, да пишите свое, или хоть не перенимайте чужих ухваток, кото-

4. Nabokov, Vladimir. Op. cit.

5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 10 под ред. В. В. Гippiуса. Письма, 1820–1835, с. 145–151; электронное издание: <http://gogol-lit.ru/gogol/pisma-gogolya/letter-98.htm>.

рые, право, не к лицу вам. Вальтер Скотт умел поддерживать свое инкогнито, а вы г. Пасичник⁶, спотыкаетесь на первом шагу...» Рудый Панько, по приговору Полевого, не «молодой хохол», а «переодетый москаль». Цитирую по книге «Гоголь» Игоря Золотусского — советского литературного критика, для которого гоголевское украинство не более чем локальная метка русского писателя⁷.

Набоков противопоставляет настоящего, как бы вненационального Гоголя «Ревизора» и первого тома «Мертвых душ» двум другим Гоголям. Первый, ранний, Гоголь счастливо сбежал от своей Малороссии и от Рудого Панька в русскую литературу. А второй, поздний Гоголь, несчастливо превратился в русского проповедника и моралиста. Книга Набокова, вышедшая в переводе на русский язык уже только в 1980-е годы, объясняет и то трагическое обстоятельство, что гоголевское украинство осталось для Набокова целиком в области водевильного веселья. Пушкинский веселый смех над этнографическим юмором Гоголя стал камертоном отношения не только к Гоголю как к писателю, но к украинству как веселому ручью, впадающему, так сказать, в океан великой русской литературы.

В замысле Набокова никакой шовинизм даже и не замечен, как не наблюдали его в отношении поэта, никогда от своего украинства не отрекавшегося, — Ивана Петровича Котляревского, автора «Енеиды, перелицованной на украинский язык» (1794). Однако перелицована эта поэма так, чтобы быть немного понятной и великорусскому читателю.

Бурлескное, водевильное, потешное украинство и стало культурной основой идейного русского антиукраинства, с которым пытались как-то сладить украинские просветители XIX века, но так и не добились успеха: смертельная серьезность проигрывает смешному, опера проигрывает водевилю.

Шутовская маска так приросла в глазах русских к украинской поэзии, что и на протяжении всего советского периода

6. «Пасичнику Рудому Панько» Гоголь приписал роль собирателя «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

7. Золотусский И. П. Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1979. Цит. по: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0230.shtml.

цензорам ничего не стоило поддерживать градус украинской потешности. В советское время насмешка над украинством, над украинским языком, над недалеким весельчаком-украинцем преподносились как теплая дружеская улыбка. Такая уж у них, у «хохлов», натура — дать русским посмеяться над их потешным диалектом⁸.

Спор В. Е. Жаботинского с П. Б.Струве

Серьезное политическое обсуждение вопроса о том, являются украинцы (малороссы), великороссы и белорусы частью одного русского народа, или это три разных народа, разгорелось в Думе в 1911–1913 гг. Подробная дискуссия между великорусской шовинистической и национально-антиимперской позициями состоялась в 1911 году между П. Б. Струве и В. Е. Жаботинским на страницах «Русской мысли». В контексте новой войны, начавшейся ровно сто лет спустя, и нашей темы отмечу только три аспекта спора. Первый — практический. Перед Первой мировой войной признать в украинцах и белорусах самостоятельные народы, такие же, как русский, значило сделать первый шаг к роспуску империи как преимущественно русского государства. Вот почему Струве настаивает на том, что русские — общее имя для трех этнографических групп — великороссов, малороссов и белорусов, — при этом общим языком для всех трех народов является великорусский. Второй аспект — культурно-экономический. П. Б. Струве утверждал, что ставить в империи на одну доску «великую русскую культуру» и «слабые и незначительные» культуры других национальностей — значит «распылять силы и средства государства». Третий аспект — привычная насмешка над малыми народами, которая сто лет назад прерывалась, когда речь заходила об украинцах. Вот как пишет об этом Жаботинский:

Смело можно сказать, что разрешение спора о национальном характере России почти всецело зависит от позиции, которую займет тридцатимиллионный украинский народ.

8. В советской массовой культуре проводником такого отношения оказался знаменитый дуэт Тарапуньки (Юрий Тимошенко, 1919–1986) и Штепселя (Ефим Березин, 1919–2004).

Согласится он обрусеть — Россия пойдет по одной дороге, не согласится — она волей-неволей пойдет по другому пути. Прекрасно поняли это правые в Государственной Думе. Когда решался вопрос о языках инородческой школы⁹, они, смеху ради, голосовали даже за каких-то «шайтанов» и «казанских греков»; они даже не подняли рук против еврейского языка, очевидно, желая сделать весь законопроект ненавистным и неприемлемым для начальства; но когда речь зашла об украинском языке, они отбросили и паясничество, и хитроумные расчеты и просто подняли руки против, ибо почуяли, что тут самое опасное место, решительный шаг, при котором ни шутки шутить, ни лукаво мудрствовать не придется¹⁰.

Отчет В. Г. Короленко об установлении памятника Ивану Котляревскому в Полтаве в 1916 году

Сам шовинистический угар обретал на излете императорской России черты гротескные. В 1916 году В. Г. Короленко описал в очерке «Котляревский и Мазепа» торжества по случаю установления памятника поэту Котляревскому в Полтаве.

Губернатор, кн. Урусов, был в отпуску. Должность его фактически выполнял вице-губернатор. Ироническая судьба пожелаала, чтобы эта роль выпала на долю потомка знаменитого писателя, и тоже литератора, г-на Фонвизина. Г-н Фонвизин присутствовал официально на открытии памятника и купно с городским головою Трегубовым лично сдернул завесу с бронзового бюста. Но затем он «благоразумно» удалился,

9. «Инородцами» в Российской империи называли представителей неславянских народов, и вопрос о начальном образовании на языках этих меньшинств обсуждался на заседаниях Государственной Думы. Не считались инородцами и евреи. См. подробнее: Пулькин М. В. «Инородческая школа» в XIX — начале XX вв.: проблемы трансформаций педагогической практики (по материалам Европейского Севера России) // *Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал*. [Петрозаводск] 2021, № 1; URL: <https://st-hum.ru/content/pulkin-mv-inorodcheskaya-shkola-v-xix-nachale-hh-vv-problemy-transformaciy-pedagogicheskoy>.

10. Жаботинский Вл. Фельетоны. СПб, 1913. С. 219–220. URL: https://imwerden.de/pdf/zhabotinsky_feljetony_1913__ocr.pdf.

чтобы не проявить излишнего участия в чествовании памяти поэта, писавшего на «языке Мазепы»...

Вице-губернатор «шепнул» городскому голове Трегубову, что украинские речи для русских подданных неудобны и с таким напутствием благословил беднягу председательствовать и запрещать украинский язык на празднике украинского поэта, — нелепость, на время доставившая бедному городскому голове комическую известность далеко за пределами России. За что же в самом деле ставят памятник Котляревскому? И для чего было разрешать это преступное торжество?

Хитрый вице-губернатор «завел» бедного городского голову, как органчик, а сам скрылся за кулисы. Дальше все разыгралось так, как и должно было разыграться. Первыми прочитали свои приветствия зарубежные представители разных просветительных обществ украинской Галиции. Эти приветствия были на украинском языке и сошли благополучно. Галичане говорили плавно, красиво и свободно. Было видно, что за рубежом, в Австрии, речь Котляревского и Шевченка давно уже стала орудием публичного, научного и политического слова, орудием культурной борьбы за самостоятельность одного из славянских племен под натиском иноязычной культуры. Но... лишь только та же украинская речь раздалась из уст наших, российских, а не австрийских, украинцев, городской голова с перекошенным от испуганного усердия лицом, сославшись на какой-то никому не известный приказ администрации, тотчас же запретил чтение адресов. Началась дикая сцена: один за другим выходили представители разных просветительных учреждений и групп русской Украины с готовыми адресами на украинском языке, начинали чтение, и... тотчас же бедный манекен, плясавший по ниточке администрации, прерывал его и повторял шаблонную запретительную формулу. Один из ораторов произнес бурную речь, отметив печальную роль этого представителя общественного учреждения, и швырнул на стол пустую папку, — самый адрес, написанный на «запрещенном» языке, он предварительно и демонстративно вынул. Вместо торжества, вышла печальная трагикомедия. Выходило таким образом, что язык Котляревского и Шевченка, привлечший в русскую Украину зарубежных паломников, законен только в Австрии. На своей родине, у своей колы-

бели он запрещен. Распоряжением полтавской администрации он оказался высланным в административном порядке в австрийские пределы, без права возвращения в русское отечество. Этот грубый и дикий эпизод как бы говорил представителям зарубежной интеллигенции: вы считаете нашу Украину метрополией и центром вашей культуры и вашей речи. Мы этого не желаем; пусть он остается у вас, за рубежом; пусть лучше все наши украинцы, ценящие сокровище родной речи, паломничают к вам во Львов, к вашим школам, музеям и университетам. А у себя мы этого не допустим. Мы лучше создадим новый признак «неблагонадежности» и «измены» и применим к ним привычную политику родного Мымрецова¹¹, станем и здесь «тащить» и «не пущать». Мы ставим памятник Котляревскому лишь по недосмотру Мымрецова. Но отныне за постановкой памятника, — язык Котляревского лишается права въезда в наши пределы и навсегда остается «зарубежным»...¹²

Привожу столь обширную цитату из сочинения В. Г. Короленко, памятуя о том, что всего два году спустя, в результате поражения России в мировой войне, распад империи приведет к возникновению сначала независимого Украинского государства, а потом и Украинской ССР в составе неомперского СССР. Украинский язык вернется в это государство на несколько советских десятилетий формально уже на других основаниях — не как запрещенный диалект, а как язык союзной республики. Но, как оказалось, этот статус был предоставлен украинскому языку лишь формально.

От советского империализма к русскому национализму

Ключевое официальное событие русской истории и в царскую эпоху, и в советскую, и в постсоветской Российской Федерации называется «Воссоединением Украины с Россией», 1654 года. А в

11. Мымрецов — персонаж очерка Глеба Успенского «Будка» (1886), будочник, низший полицейский чин, на языке первой трети XX в. — воплощение бессмысленного произвола.

12. Короленко В. Г. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 8: Литературно-критические статьи и воспоминания; Исторические очерки, с. 373–380; URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1020.shtml.

постсоветское время одной из главных тем российских властей стала «защита русского языка от украинского». Это понимание никуда не ушло и из российских довоенных СМИ¹³. Оно фактически оказалось продолжением русификаторской политики XVIII–XIX вв.

В 1693 г. Московский патриарх запретил Киево-Печерской лавре печатать на украинском языке книги. С 1709 года царь Петр издавал указы, запрещавшие печатать книги на украинском языке, а все печатаемое велел переводить на великорусский язык.

С середины XVII века во всех школах левобережной Украины и в Киево-Могилянской академии украинский язык был запрещен в классах. К началу XIX века исчезли сотни украинских школ. При Екатерине на смену ликвидированным украинским школам пришли русскоязычные «народные училища». Результатом стало колоссальное падение грамотности вообще: к концу XIX века только 13% украинцев умели писать и читать¹⁴.

В 1863 году, во время польского восстания, министр внутренних дел России Петр Александрович Валуев распорядился запретить «малороссийское наречие»: «Большинство малороссов сами весьма основательно доказывают, что никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может, и что наречие их, употребляемое простонародьем, есть тот же

13. Павел Тарасенко, Кирилл Кривошеев. «Веками украинцы пытались добиться права на свой собственный язык». Верховная рада приняла закон о госязыке // Коммерсант-Ъ. 25.04.2019. Подробнее об этом см. в работах Рикарды Вульпиус: *Vulpius, Ricarda*. Языковая политика в Российской империи и украинский перевод Библии (1860–1906) // *Ab Imperio*. 2005. Nr. 2: 191–224; Она же. „Inseln der Autonomie beseitigen“. Kirchenverfolgung und Holodomor. In: *Osteuropa (Vernichtung durch Hunger. Der Holodomor in der Ukraine und der UdSSR)* // *Osteuropa* 54, Nr. 12: 72–89.

14. «В Малороссии грамотность была развита гораздо более, чем в Великороссии: там при каждой приходской церкви обыкновенно была школа. При Екатерине II школы в Малороссии были закрыты, и неграмотность распространилась снова». *Рубакин Н.* Грамотность // *Новый энциклопедический словарь (Брокгауз-Ефрон)*. СПб, 1913. Т. XIV, стлб. 712. Там же — статистика за 1897 год.

русский язык, испорченный влиянием на него Польши». Последовавший за Валуевским циркуляром¹⁵ Эмский указ 1876 года был еще жестче¹⁶.

Нет у «малороссов» своего государства, утверждает эта идеология, не бывать и языку их. Если разрешишь язык, то придется разрешить и свое государство.

Руководствуясь этой мыслью, все российские, а потом и почти все советские руководители видели в украинском языке угрозу для цельности империи и союза. И сейчас еще живы украинцы-узники советских лагерей, отсидевшие не один десяток лет за желание практиковать, изучать и распространять украинский язык и украинство¹⁷.

Один из самых ярких эпизодов запрета украинского языка в СССР — переписывание украинцев в русских, предпринятое на Кубани, куда еще при Екатерине переселили часть Запорожского казачества. Родным называло украинский язык большинство населения этого края еще в 1929 году. И сейчас еще местные жители помнят о прожившей всего полтора года Кубанской Народной Республике¹⁸, о сотнях украинских школ, работавших до начала 1930-х годов. Зачем украинские школы

15. David Saunders. Russia and Ukraine under Alexander II: The Valuev Edict of 1863 // The International History Review. Vol. 17 (1995). Issue 1. P. 23–50.

16. Jaroslaw B. Rudnyckyj. The Ems Ukase of 1876 and the problem of linguicide // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. Vol. 4 (1976). Issue 2. P. 153–155.

17. См. подробнее: Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. 4-е изд., испр. и доп. Харьков: Фолио, 2018. В этом же контексте следует рассматривать и судьбу крымских татар как национального меньшинства в Украине: Platen, Maximilian von. Die Rückkehr der Krimtataren in ihre historische Heimat. Mannheim, 1997, 6 S. URL: <https://www.ssoar.info/ssoar/handle/document/4703>.

18. Советская версия: Кубанско-новороссийская операция 1920 // Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 309–310; российская версия: Новикова Л. Г. Кубанская рада // Большая российская энциклопедия. 2016. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2118103; украинская версия: Д. Д. Білий. Кубанська народна республіка // Енциклопедія історії України: Т. 5: Кон — Кю / Редкол.: В. А. Смолій

гражданам, в паспортах которых в графе «национальность» в 1936 году появится запись «русский»? В историографии СССР на этот счет сложился консенсус: национальная политика строилась на балансе между взаимоисключающими тенденциями. СССР абстрактно мыслился как наднациональное образование, в котором происхождение человека не имеет значения. Фактически, однако, все этнические группы были распределены по различным ступеням привилегий. Быть представителем титульной этнической группы союзной республики было почетнее, чем представителем автономии (например, грузин в этой иерархии стоял «выше» осетина, а армянин — «выше» гагауза). Вместе с тем, когда из записи в паспортах большинства населения того или иного региона исчезала прежняя местная титульная национальность, исчезали и школы, преподававшие данный язык как родной. Именно так на Кубани, да и вообще повсюду на юге РСФСР/РФ исчезли украинские школы.

Советская система имела в целом противоречивый характер: с одной стороны, процветала официальная доктрина «русско-национального двуязычия», но в случае близкородственных языков она действовала плохо. С ростом поощряемого Сталиным после Второй мировой войны русского национализма это стало заметно и из-за границы. Так, Т. С. Элиот в 1948 году описал особенности формирования нового советского империализма, преобразуемого в русский национализм, словно резюмируя полемику В. Жаботинского с П. Струве, начавшуюся в самом начале века:

Новейший тип империализма — российский — является, возможно, наиболее изобретательным и наилучшим образом рассчитанным на процветание в соответствии с духом современности. Российская империя, по всей видимости, усердно старается избегать слабостей предшествующих ей империй: одновременно она проявляет и большую беспощадность, и большую бережность к тщеславию подчиненных народов. Официальная доктрина — доктрина полного национального равенства — видимость, которую России легче сохранять в Азии благодаря восточному складу русского нрава и благо-

(голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. К.: В-во «Наукова думка», 2008. С. 435.

даря отсталости — по западным меркам — развития самой России. Делаются очевидные попытки сохранить подобие местного самоуправления и автономии: цель здесь, я подозреваю, — дать всем местным республикам и странам-сателлитам иллюзию своего рода независимости, в то время как подлинная власть исходит из Москвы. Бывает, что иллюзия блекнет, когда местная республика внезапно и самым постыдным образом низводится к положению своего рода провинции или не имеющей самоуправления колонии; иллюзия, однако, сохраняется — и это с нашей точки зрения наиболее интересно — путем старательного поощрения местной «культуры», культуры в ущербном смысле этого слова, то есть всего того, что живописно, безвредно и отделимо от политики, как, например, языка и литературы, местного искусства и местных обычаев. Но так как Советская Россия должна сохранять подчиненность культуры политической теории, успех ее империализма приведет, по всей вероятности, к сознанию своего превосходства у того из ее народов, который политическую теорию породил; можно, следовательно, ожидать, что, пока существует Российская империя, все больше будет утверждаться господствующая — русская культура, при подчиненных ей национальностях, уцелевающих не как народы, с каждому из них присущим культурным своеобразием, но как низшие касты. Как бы то ни было, русские оказались первым народом нашего времени, ставшим сознательно направлять культуру политически и наносить удар в любой точке культуры любого народа, над которым они стремятся установить господство. Чем выше развитие чужой культуры, тем последовательнее попытки ее уничтожить путем устранения среди подчиненного населения тех элементов, которыми эта культура наиболее осознана¹⁹.

Самоуверенность и дирижизм советской государственной философии Элиот прослеживает от книги Льва Троцкого «Литература и революция», переведенной на английский

19. Т. С. Элиот «Заметки к определению понятия «культура» (1948). Перевод Е. Жиглевич и Т. Н. Красавченко, с. 142–143. *T. S. Eliot. Notes towards a Definition of Culture*. London, 1948, p. 92–93. URL: <https://dn790007.ca.archive.org/o/items/in.ernet.dli.2015.159230/2015.159230.Notes-Towards-The-Definition-Of-Culture.pdf>.

в 1925 году²⁰, до послевоенной политики Сталина. Эта прочная основа и поддерживала широкую и особенно административную неприязнь к самостоятельной политике бывших советских республик, а в первую очередь — Украины.

Мифология культурной и государственной неполноценности Украины держалась как на административных шагах властей, так и на образованном обществе. Крупнейшая русская поэтесса XX века Анна Ахматова носила фамилию Горенко, была этнической украинкой, но не любила ни свое украинство, ни язык своих предков²¹. Это ее отношение к Украине и украинскому языку подхватил и Иосиф Бродский²².

С начала 1990-х гг., уже после роспуска СССР, все попытки независимой Украины вернуть себе отнятое столетней русификацией (не географическую Кубань, а только право в Киеве писать, читать и учиться по-украински), представлялись в российских СМИ как притеснение русского языка. Критики украинской языковой политики забывали об одном: у русского языка была своя метрополия — Российская Федерация. При этом и в Украине — даже после аннексии Крыма и пер-

20. T. S. Eliot. Ibid. P. 89.

21. В «Записках об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковская пишет: > Опять почему-то вернулись к Киеву, и я спросила, любит ли она Шевченко. > > — Нет. У меня в Киеве была очень тяжелая жизнь, и я страну ту не полюбила и язык... «Мамо», «ходимо», — она поморщилась, — не люблю. > > Меня взорвало это пренебрежение. > > — Но Шевченко ведь поэт ростом с Мицкевича! — сказала я. > > Она не ответила. > > (Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. 1938-1941. М., «Согласие», с. 54)

22. Друг Бродского Томас Венцлова 22 ноября 2007 года так объяснил антиукраинское стихотворение Бродского. На мой вопрос, как он относился к примитивному шовинизму Бродского (матерные стихи о независимости Украины и т.п.), Венцлова ответил: > — Он мне это прочитал. Ну, я спокойно относился. Я ему сказал, что ему можно это опубликовать — прочитать в Киеве. Его, конечно, линчуют, но будет честно. Но стихи эти не печатал. А к литовцам и полякам Бродский относился хорошо. > > — А к эстонцам и латышам? > > — Латышей он считал виновниками октябрьской революции, а эстонцев презирал — «чухонцы»... Ну, были же у Пушкина «Клеветникам...» Он просто в этой традиции был. > > (URL: <https://memoriosus.livejournal.com/36727.html>)

вого этапа вторжения на Донбасс в 2014 году — продолжали выходить книги на русском языке, русскоязычные студенты и школьники учились пользоваться двумя языками. Некоторые города (Харьков, Донецк, Одесса) оставались преимущественно русскоязычными. Свободно заполняли украинский эфир и куда более мощные по уровню финансирования российские телеканалы. Но российские идеологи и многие промосковски настроенные украинцы действительно хотели, чтобы все оставалось так, как было в Российской империи времен Валуевского циркуляра и Эмского указа²³.

Но поскольку в самой Украине споры о языках Украины велись в другой плоскости и в целом не затрагивали повседневную жизнь тех регионов Украины, которые считались русскоязычными, внимание к реальным процессам сосуществования нескольких близкородственных языков было вытеснено за пределы политической дискуссии. Такие явления, как суржик, балачка или трасянка — имевшие массовое распространение в Украине и Беларуси промежуточные формы разговорного языка, не вписывались в черно-белый конфликтный дискурс²⁴. Это привело к неожиданному карикатурному изменению официальной российской доктрины «защиты языка»: теперь предлагалось защищать от украинского государства уже не русский, а сам украинский язык, точнее — «классический советский украинский язык».

23. Упорство антиукраинских настроений в раннем постсоветском обществе рассмотрено в моей статье: *Guseinov, Gasan. The Russian-Ukrainian Conflict. Tradition and Prospects // Anthropology & Archeology of Eurasia. Vol. 32, 1993. Issue 1. P. 53–65. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2753/AAE1061-1959320153>.*

24. *Del Gaudio, Salvatore. On the Nature of Suržyk: a Double Perspective // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 75. München — Berlin — Wien, 2010; Вахтин Н., Жиронкина О., Лисковец И., Романова Е. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве. Европейский университет в СПб, 2003. URL: <https://web.archive.org/web/20130503063307/http://old.eu.spb.ru/ethno/projects/project3/list.htm>.*

Вернуть «классический советский украинский язык»?

Пятого апреля 2023 года российские новостные агентства сообщили миру, что в РФ подготовили новую «линейку учебников украинского языка».

«Глава Минпросвещения еще в августе [2022 года] говорил, что в регионах Донбасса школьники смогут изучать украинский язык. [...] Минпросвещения России создало учебное пособие по «классическому украинскому языку» для учеников младших классов, также разрабатывается такое пособие для учеников средней школы, сообщил ТАСС замминистра просвещения Александр Бугаев.

«Преподавание у нас ведется на русском языке, но изучение украинского как родного, равно как и других языков народов России, — мы для этого создадим все условия», — сказал он. В школах ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей дети смогут изучать украинский язык как родной или в качестве факультатива, однако итоговый формат будет зависеть от решения в каждом конкретном регионе, пояснил Бугаев. По его словам, в основном обучение в этих регионах ведется на русском языке. «Это правильно, когда человек имеет право по желанию знакомиться и изучать свой родной язык. Мы готовим тот учебник, который действительно отразит всю красоту, всю чистоту того традиционного украинского языка, который в советский период изучался в лучших наших педагогических традициях», — добавил собеседник агентства. ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области были включены в состав России в начале октября прошлого года по итогам проведенных там референдумов. До этого глава Минпросвещения Сергей Кравцов рассказывал, что ученики школ Донбасса смогут изучать украинский язык как родной. По его словам, к началу сентября российские военные контролировали территории, на которых расположены 1183 детских сада, 1376 школ и 203 колледжа. Тогда же Кравцов сообщил, что для этих школ разработают специальный учебник классического украинского языка.

Президент России Владимир Путин еще в 2018 году подписал закон об изучении родных языков в школах. Он позволяет родителям учеников выбирать язык, который их дети будут изучать как родной, перед поступлением в первый и пятый

классы: это может быть как русский язык, так и государственный язык одной из национальных республик»²⁵.

Последний тезис объясняет, что закон принимался как противоядие от превращения «автономных республик» РФ в бывшие «союзные республики» СССР, которые, как известно, были отпущены на свободу Беловежским соглашением 1991 года²⁶.

Утверждение заместителя министра просвещения Бугаева («Это правильно, когда человек имеет право по желанию знакомиться и изучать свой родной язык») примечательно тем, что проливает дополнительный свет на советскую языковую и национальную политику: да, все имеют право «знакомиться» со своим языком и даже «изучать» его, понимая при этом, что главным языком в стране должен быть и оставаться «язык межнационального общения», то есть русский. В идеологической литературе использовался термин «межнациональный русский язык». Особенно в своем качестве языка армии именно русский должен был сплавлять всех, независимо от «их права по желанию знакомиться» с родным языком²⁷.

25. Минпросвещения разработало учебник по «классическому украинскому языку» // РБК. 05.04.2023. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/04/2023/642cff429a79479f20ef6147>.

26. В Конституции СССР за союзными республиками, имевшими внешние границы, было закреплено право на выход из Союза (правда, без конкретизации юридических шагов в этом направлении), автономные же образования были этого права лишены под предлогом отсутствия внешних границ. Попытка в 1991 году Чечни выйти уже из состава Российской Федерации (после роспуска СССР у Чечни появилась внешняя граница) была жестоко подавлена Борисом Ельциным и Владимиром Путиным в ходе двух кровопролитных войн. О национально-государственной структуре СССР см. основополагающие книги Элен Каррер-д'Анкосс: *Hélène Carrère d'Encausse. Le Grand Défi: bolcheviks et nations, 1917–1930*. Paris: Flammarion, 1987; *La Gloire des Nations ou la Fin de l'Empire Soviétique*. Paris: Fayard, 1990.

27. См. об этом подробнее, например, в книге: Маринеску Д. И. Двухязычие — фактор сближения социалистических наций и народностей. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1975. С. 117–119.

С 2018 года обязательным для изучения на всей территории РФ остается только русский. Ответ председателя комитета Госдумы РФ по образованию Вячеслава Никонова объясняет, почему миноритарные языки, или родные языки населения национальных автономий, исключены из списка обязательных для всех жителей региона предметов:

— Если в субъекте Федерации кроме русского есть второй государственный язык, его изучение будет обязательным для всех школьников в регионе? Можно ли выбрать языком образования только русский?

— В соответствии с предлагаемыми поправками в Закон «Об образовании в РФ» изучение государственного языка субъекта Федерации не будет обязательным для всех школьников этого региона, это будет выбор семьи за несовершеннолетнего обучающегося²⁸.

После 24 февраля 2022 года наступил щекотливый момент — в РФ поступило украинское население с очередным не русским родным языком.

РФ принимает украинцев в качестве нового национального меньшинства.

РФ решает, какой именно украинский язык «классический и чистый».

РФ начинает на русском языке обучать «классическому традиционному чистому и красивому украинскому языку» как родному в школах оккупированных ею территорий Украины.

Ключевое положение, однако, это — язык преподавания.

«Преподавание у нас ведется на русском языке, но изучение украинского как родного, равно как и других языков народов России, — мы для этого создадим все условия», — отметил Бугаев.

Конфликт между родными языками нерусских народов РФ и русским языком как государственным запрограммирован и здесь.

28. Шесть вопросов про законопроект об изучении национальных языков // Госдума РФ, 19.06.2018. URL: <http://duma.gov.ru/news/27352/>.

Как пишет газета «Ведомости» в заметке за 6 апреля 2018 года²⁹, «в конституции ДНР и ЛНР в качестве государственного языка указан только русский язык. Уставы Запорожья и Херсонской области после их вступления в состав России [30 сентября 2022 г.] еще не приняты».

Классический украинский язык, каким его хотят представить в научной и учебной литературе, не совпадает с тем вариантом, который реально используется на Украине, рассказала «Ведомостям» доцент кафедры славянской филологии Воронежского государственного университета Елена Давыдова. По ее словам, причиной этого является «пестрый этнический состав населения» и разнородность территорий, вошедших в состав советской Украины.

«В Киеве каких-то 20 лет назад на украинском говорило не более 10% жителей. Грамотное молодое поколение предпочитало русский. Несколько иной была ситуация в сельской местности. Сегодня ситуация изменилась — выросло поколение, для которого знать и уважать свой родной язык не зазорно», — подчеркнула она, добавив, что украинский язык может быть также интересен специалистам из среды профессиональных филологов».

Судя по словам эксперта из Воронежа Елены Давыдовой, российская армия защищает поколение простых украинцев, «для которых знать и уважать свой родной язык не зазорно», от того «грамотного молодого поколения» киевлян, которое всего лет двадцать назад «предпочитало русский». Здесь — явное противоречие, ведь получается, что из-под контроля Москвы вышло как раз поколение киевских носителей «свободного русского». И новая политика в отношении Украины — это избавление ее от бывших «антисоветчиков», которым предстоит вернуться и к «государствообразующему» русскому, и к советскому «чистому украинскому».

29. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/04/06/969703-minprosvescheniya-razrabotalo-uchebnoe-posobie-po-ukrainskomu-yaziku-sovetskogo-obraztsa>.

Государствообразующий язык вместо межнационального

Почти ровно за год до вторжения в Украину, 21 февраля 2021 года, в РФ отмечали Международный день родного языка. Организаторы Всероссийской переписи населения РФ выпустили пресс-релиз, в котором остановились на этом больном для всего многоязычного мира вопросе: на каких языках и о каких языках говорить с россиянами в такой важный для всей страны день.

На сайте госуслуг появилась электронная анкета. Решил принять участие в переписи и я. Последняя моя перепись случилась еще в советском 1979 году. К нам с женой пришла дружелюбная переписчица с анкетой, которую, правда, нам заполнить не позволила, зато подарила чистый бланк. Чистый бланк я впоследствии сдал в архив. Всем гражданам разрешалось называться кем угодно, с паспортом никто не сверялся, и мы с женой, хоть у нее в советском паспорте было написано «русская», а у меня «азербайджанец», сказались евреями, и переписчица с живейшим сочувствием так и записала. Родным языком зимой 1979 года мы назвали русский, и я с интересом прочитал весной 2021 года, сорок два года спустя, заголовок материала на всех официальных сайтах: «Назови свой родной язык на переписи населения».

Сейчас вопрос о родных языках жителей РФ стоит куда острее, чем в 1979-м стоял вопрос о языках народов СССР. Тогда, в теории, все было довольно просто: есть «язык межнационального общения» — русский. Он же — родной язык и большинства русских, и большинства других более или менее русифицированных в рамках советизации наций, народов, национальностей и народностей (все это — кусочки официальной советской иерархии), населявших СССР. Если сопоставлять иерархию народов и иерархию языков, то в советское время было ясно: русские — самый крупный народ СССР. Пусть русский язык являлся в стране главным языком и всех других народов, по крайней мере — так называемым вторым родным. Но зато и каждый другой язык на уровне официальной политики всячески поощрялся, да и само множество национальных

языков считалось большим общим всесоюзным богатством. Например, всё население союзных республик или автономий в составе РСФСР должно было изучать местные языки в обязательном порядке.

В 2018 году в России все так называемые миноритарные языки ее народов утратили свой статус. Отныне изучение их — дело добровольное, факультативное, поддерживаемое властями только на словах.

В документах переписи есть языки главные — те, на которых можно загрузить и заполнить анкету, — а есть и все остальные, или те, которые можно упомянуть в ответах на вопросы о других языках или о своем родном языке. Не исключено, что в разделе родной язык можно написать вообще все что угодно. Вот они, эти главные языки переписи (по состоянию на 22 октября 2021 года):

- английский,
- башкирский,
- бурятский,
- китайский,
- корейский,
- татарский,
- тувинский,
- узбекский,
- чувашский,
- якутский.

Интересно, что в этом перечне нет ни одного славянского языка, зато присутствует сразу несколько тюркских. Нет ни одного языка народов Кавказа — ни российского Северного, ни бывшего советского Закавказья, а ныне Южного Кавказа. Нет финно-угорских языков. Может быть, дело в численности говорящих на языке людей? Но на тувинском говорят меньше 300 тысяч, а, например, на чеченском — миллион триста тысяч жителей России.

Из языков ближнего зарубежья вообще присутствует только узбекский. Прекрасно, что есть английский, китайский и корейский, но как объяснить, почему нет других языков,

на которых могли бы объясняться живущие в России армяне и грузины, молдаване и украинцы.

«Владеете ли Вы русским языком?» — № 10 в переписном листе. Респонденту будет задан дополнительный вопрос: «Используете ли Вы его в повседневной жизни?». В обоих случаях будет предложено два варианта ответа — «да» или «нет». Следующий вопрос — № 11 — «Какими иными языками Вы владеете?». Здесь респондент может назвать до трех вариантов языков: они записываются в свободные ячейки — это делает переписчик со слов респондента или сам участник переписи на портале Госуслуг. Ниже можно дополнительно сообщить о владении жестовым языком глухих. <...> По каждому указанному языку участник переписи может дать уточнение в ответе на следующий вопрос: «Какие из них используете в повседневной жизни?»

В памятке для переписываемых³⁰ сказано: «Сами переписные листы заполняются только на русском языке, а вот вспомогательные документы будут переведены на шесть национальных языков, а также четыре иностранных — английский, китайский, корейский и узбекский. Это будет своего рода подсказка, где вопросы переписного листа дублируются на иностранном языке, а также приведены правила заполнения. В случае опроса лиц, не знающих русского языка, переписчик укажет в документе респонденту нужную строчку, а респондент выберет в переводной части вариант ответа. Затем переписчик, ориентируясь на русскоязычную версию, занесет этот ответ в переписной лист».

Итак, «шесть национальных» и «четыре иностранных» языка — путь РФ от федерации к унитарному национальному государству и центру русского мира. Не исключено, что данный произвольно составленный список языков подчиняется не политической, а технической логике, поскольку верстка страницы была запрограммирована без учета реального чис-

30. Назови свой родной язык на переписи населения // Официальный сайт администрации муниципального образования Веревское сельское поселение Гатчинского муниципального района Ленинградской области 21 февраля 2021. Цит. по: <http://verevo.gtn.ru/info/statistika/nazovi-svoj-rodnoj-yazyk-na-perepisi-naseleniya.html>.

ла языков в РФ. Однако и в таком случае невозможно понять, почему крупнейший (после русских) народ бывшего СССР — украинцы — не увидели в переписном листе своего языка. Как уже было сказано, никакие славянские языки России в перечень не попали. Организаторы переписи 2018 года, повернув колесо истории, снова оказались в 1911 году, когда официальная имперская идеология включала малороссов, белорусов и великороссов в общую рубрику — русские. Русские и стали в новой редакции Конституции единственным государствообразующим этносом из входившей в состав СССР группы славянских этносов.

Мы рассмотрели три вида официального обращения с украинским языком в официальной русской политической культуре — от грубого подавления и вытеснения (в духе известных указов XIX века), через осмеяние украинства как неполноценно-фольклорного и советского «официального расцвета», а на деле — постепенного вытеснения из политического обихода. Новейшая попытка, захватив Украину, «вернуть украинцам правильный, или классический, советский украинский язык» — это, возможно, последняя фаза русского периода украинской истории. В данной статье я лишь проследил определенные фазы подавления и осмеивания украинского языка. Эти фазы до некоторой степени заранее и подготовили население Российской Федерации к войне, начавшейся в 2014 году с аннексии Крыма и разгоревшейся до масштабов общеевропейской трагедии 24 февраля 2022 года.

DOI: 10.55167/1c90899d3bcb

Немезис аномии и войны vs мимесис здесь и сейчас (эссе о стратегических нарративах)

Лев Задов

Я с детства не любил овал!
Я с детства угол рисовал!
П.Коган. Гроза (20.01.1936)

Эта история о ддящемся бесконечно множестве букв «О» русского алфавита, которые оказались нулями арабской арифметики, или о том, что не зная алфавита, не постичь арифметики — получишь *nullum absolutum*.

Вот это бесконечное множество букв «О» русского алфавита, с которых начинается этот магистральный сюжет. Не с «А» как с начала, как в недружественных алфавитах, а вот так — особенно, именно с «О», потому что все они, эти «О», вставляются в одно Общее понятие «ОПЕРАЦИЯ»/«специальная военная» или операция прикрытия/внедрения, Операция по Освобождению и т. д.:

1. Отторжение/Отказ от усвоения образцов этической и правовой культуры античной цивилизации... 2. Особая/Особенная цивилизация... 3. Особый путь особой цивилизации... 4. Операция прикрытия Особого пути и особой цивилизации... 5. Обнуление этики и права (у нас своя Правда... 6. Одобрение — разрешение на Насилие в ходе спецОперации военно-криминальной карнавализации действительности для придания характера народности и Общего праздника и Облегчения вербовки неофитов — проявление аутоиммунного мимесиса... 7. Обучение и выучка беспомощности и... 8. Обучение и выработка навыков конкретных видов насилия... 9. Обучение и Освоение правового и этического аутизма как черт Особенного народного характера... 10. Охрана традиций Особенно-сти во всем и традиций аномии и этически-правового аутизма

как Особенного национального достоинства и достояния... 11. Опрожнение социальной семантики и социальной действительности... 12. Остранение социальной действительности до усвояемой и легко узнаваемой непонятности... 13. Обнуление способности различения антиномии Добра и Зла... 14. Обнуление Эроса... 15. Отравление танатоманией и постоянная государственная и добровольно-патриотическая реституция Аномии...

...Далее — заход на следующий круг исторически своеобразных Особенных итераций спецОперации.

Иными словами, о том, как стратегический нарратив социальной семантики аномии, выражаемый в языковой политике, воплощается в магистральном сюжете институционально-народного агрессивного перформативного аутоиммунного мимесиса, сакрально разрешающем всеобщее насилие и приводящем к обнулению права и этики, создающему невозможность Эроса в институционализированной и опривыченной феноменологии выморака беззакония и танатомании как возможные и необходимые предпосылки для окончательного решения задачи по обнулению самого Эроса, и, в итоге, седиментируется в важнейших архетипах коллективного опыта и коллективной памяти, которые в качестве традиций требуют постоянной защиты и воспроизводства.

Потому что движение по окружности нуля является замкнутым, самодостаточным, самовоспроизводящимся и в силу этого — вечным.

Речь идет об описательной феноменологии такого магистрального сюжета.

Несмотря на то, что по общему процессуальному правилу, формально существующему и в Особых цивилизациях, общеизвестные факты подлежат Освобождению от доказывания, автор считает необходимым подчеркнуть, что настоящие тезисы следует понимать в вопросительной/вопрошающей форме эссе, а не в утвердительно-императивной наукообразной форме категоричности доказывания.

Ниже приводится тезисная схема цикличности бесконечно повторяемых цепочек «О» в одной отдельно взятой стране.

Стратегическая цель Особой цивилизации — авторитарная/тоталитарная власть навеки вечная — выражается через стратегический нарратив и достигается следующим Особым Путем в процессе развертывания Магистрального сюжета:

1-я итерация (как исторический, юридический, медицинский психосоматический факт):

1) Отторжение этических и правовых образцов культуры античной греко-римской (иудейской, буддистской, индуистской и т. д. — не имеет значения, важно, что ни-ка-кой!) цивилизации. 1а) Напротив, присваивание себе античных образцов и избирательно-выборочная апроприация и гипер-акцентуация на авторитарных/тоталитарных античных образцах античности является благодатной почвой для конструирования Особого Пути (Sonder Weg). 2) Это — Основа Особой цивилизации, молодо и заразительно алчущая динамичного развития на нулевом фундаменте. 3) Особый Путь как дорожная карта Особой цивилизации, предполагающая 4) Особый Путь как Обнуление Этики и Права, как не имеющих образцов и примеров и создающих свой Закон как свою Правду. 5) Обнуление Права является введением в качестве Основного перманентного Закона Аномии как национальной Росс-Галахи, предусматривающего репрессивные меры по реституции Аномии в короткие периоды попыток свержения беззакония/коллективного забвения истинных традиций/уменьшения доли репрессивных норм и увеличения доли реституционных норм. 6) Обнуление Этики и Права обуславливает возможность и необходимость насилия как неотъемлемой части Аномии — неизбежно и безотзывно ведет к... 7) специальной амбулаторной неинвазивной бесшовной Операции по Обрезанию души мимоходом на ногах, неважно на каком отрезке Особого Пути: по дороге ли в Кремль; в университет ли (так в Особой цивилизации называют профессионально-технические училища, самые престижные из которых готовят офицеров запаса и Освобождение от призыва на действительную военную службу по охране особой цивилизации и/или для участия в мелких спецОперациях); в Омчак или Сусуман... 8) Обнуление Права и Этики жестко предусматривает всеобщую примитивизацию, упрощение и ОПРОЩЕНИЕ семантики и действительности всех сторон жизни и ведет

в таком виде к таким когнитивным искажениям, при которых самое бытие Эроса становится невозможным, то есть... 9) к полному Обнулению Эроса и к... 10) Остранению и Опрощению жизни до вы-жи-ва-ния при Отравлении Танатоманией и банализации смерти... 11) Обнуление права и Этики, реституция аномии с необходимостью порождают Операции по Освобождению других территорий/других народов/собственного населения, взятого в заложники и т. д. и т. п. и, соответственно, экспорт аномии за рубеж...

2-я, 3-я, 4-я итерация... Итераций, стремящихся к бесконечному множеству в течение более, чем тысячи лет, — и непрекращающиеся суггестивно- и кроваво-насильственно повторяемые в перманентных условиях проведения СВО против своего собственного населения и экспортируемые как стратегический ядерный комплекс Аномия-Насилие за рубеж.

Само принятие религии Единобожия было изначально проведено в Особой цивилизации в ходе Особой Операции внедрения Особым путем насилия. Насилие вошло таким образом в традиции, права и охраняемые государством интересы самого государства, церкви и паствы, нормализовалось, хабишуализировалось и, наконец, банализировалось в повседневности.

Некоторые итоги и механизмы:

Итог: Особенная опасность формирования паттернов и нарративов Особого Пути находится как при полном отторжении, отказе от восприятия образцов какой-либо античной культуры (Россия), так и, напротив, при восприятии массовым сознанием той или иной страны этих образцов как только ее собственности, а себя — как имеющих право на наукообразный поиск отражений собственной нетерпимости, агрессивности, ресантимана и на «революционное» переосмысление, реставрацию и придание новых/иных коннотаций и смыслов национальной Особности наследуемым античным образцам и избирательное возрождение отживших авторитарных форм и методов правления и их предельное для современности «совершенствование» до национально сублимированных форм тоталитаризма (Италия, Германия, Венгрия, Испания, Португалия, Греция, Камбоджа...). Но это всегда отказ от наследования этических канонов и демократических основ права, создание

своей этической и правовой системы аномии на основе собственной Особенной «легитимности» и сакральности как «новой, революционной» системы права, и непропорциональный рост репрессивных норм в ущерб реституционным в условиях враждебного окружения извне и вовне.

В обоих случаях — отказа от античных образцов или «научообразного» наследования им — соответствующая античная цивилизация используется лишь как средство достижения и укрепления легитимности авторитарной власти или диктатуры, но не как средство эстетической, этической, правовой культуры и культуры имеющих политических институтов и воспитания гражданской ответственности, просвещения и солидарности.

Итог: аномия как перманентный Особенный Основной закон Беззакония может вводиться как на основании «творчески» приспособленного для нужд авторитарного правления и/или диктатуры античного наследия, так и на основании полного отказа от какого-либо античного наследия и создания в противовес ему своего собственного Особенного Кодекса и Канона.

В таких постоянных условиях возобновляемой аномии Особенная роль предназначается Особенной языковой политике, обосновывающей необходимость радикальной смены и/или обнуления «устаревшей» системы этических правил и правовых институтов и введения соответствующей условиям тотального враждебного окружения новой «революционной» системы правоотступничества и главенства беззакония.

Итог: для стран, так или иначе избирательно наследовавших соответствующей античной цивилизации, периоды аномии, получающие актуальное национально окрашенное авторитарное/тоталитарное социально-политическое оформление, имеют возможность окончания и перехода в гражданское общество, так как способность к катарсису еще не (полностью) утрачена. И, соответственно, в поколениях может восстанавливаться способность к эмпатии, отвращению к себе, стыду, покаянию.

Для стран, возникших на «отречение от старого мира» и его «устаревших и отживших» этических и правовых норм, таких внутренних возможностей практически нет.

Итог: стратегический нарратив имеет характер институционального агрессивного перформативного аутоиммунного мимесиса, и становится в таком виде институционально-народным аутоиммунным мимесисом.

Итог: такой стратегический нарратив социальной семантики языковой политики является Двойным (многослойным-матрешечным — Особым для Особой цивилизации) Посланием, направленным на:

1. обнуление законов гражданского и публичного права путем Обнуления реституционных норм;
2. непропорциональное до тотальности увеличение доли репрессивных норм во всех сферах жизни;
3. сублимация механической солидарности как противодействие развитию и усложнению;
4. полное непонимание и игнорирование достоинства личности;
5. нормализацию и банализацию злокозненности в отношениях государства и индивида, и индивидов — между собой;
6. введение, нормализацию и хабитуализацию всеобщей подозрительности и стимулирование доноительства;
7. каждая страна, каждый народ охраняет свой Основной Закон, и традиции этого закона. Россия охраняет традиции своего Основного Закона Особой цивилизации — Росс-Галахи.
8. 9. 10... N... = в конечном счете, формирование и самодостаточное воспроизводство Особого человека, самостоятельно, инициативно и творчески продолжающего свой и Родины Особый Путь аутоиммунного мимесиса.

Итог: такой стратегический нарратив с необходимостью банализирует нетерпимость такого государства, такой религии, такого населения ко всем другим государствам, религиям, населением, а не только к исходным — христианству, иудаизму, Византии, и тем населением, которые были первоначально на территории образования особой цивилизации. Православие Московского Патриархата становится с необходимостью

не только традиционно антииудейским, но в целом — антихристианским.

Но вот кто и/или что необычайно сближает такое государство, такую религию, такое оставшееся население с любым Другим, так это кто и/или что постоянно или временно манифестирует свою, Особую, аутоиммунность. *Similis simili gaudet*. Так появляются: православно-исламский фундаментализм, православно-китаизм как близнецовое проявление си-путизма, православно-чучхеизм, трампо-православие, — и другие политические виды и плоды вспыхивающей между аутоиммунными организмами братской любви, столь характерные для национальных и особенных по форме и тоталитарных по существу режимов.

Итог: стратегический мимесис, вводящий Аномию в качестве Основного Закона, содержит метасообщение о *сакральном* государственно-церковном *разрешении* на деятельное, а не желаемое в воображении, насилие и его естественные первородные конкретные индивидуальные или групповые поведенческие проявления: убийства, погромы, изнасилования, нанесение увечий, пытки, грабежи, кражи, угоны, разбои, мародерства и т. д. и т. п., — «Все, как мы любим» (Владлен Татарский).

Итог: указанные выше поведенческие проявления аутоиммунного мимесиса хабиитуализируются, банализируются в Магистральный Сюжет, ведущий к тотальному упрощению всех сторон жизни как выживания и предполагают и — сакрально и заманчиво — предлагают (в результате невозможности обнуленного Эроса) единственный выход — Смерть, нормализацию танатомании.

Итог: этот стратегический нарратив аутоиммунного мимесиса вполне адаптивно и защитно-психологически формулируется по причине нежелания и отторжения — как исходного отказа от труда подражания, недостижимости — и потому невозможности — подражания образцам этической и правовой культуры любой античной и современной более успешной цивилизации, которое составляет ядро комплексов неполноценности. Все эти комплексы в совокупности преодолеваются восприятием себя как Особенной цивилизации.

Дорожная карта особого пути Особой цивилизации предусматривает Особый путь, изначально Освобожденный от этики и законов, установленных свободными людьми демократическим путем, а не данных свыше очередным Наместником Б-га. Поэтому метасообщение аутоиммунного стратегического нарратива Аномии является прямым императивом о сакральном метаразрешении на метанасилие при формальном запрете конкретных проявлений индивидуального и группового насилия: «Мы наш, мы новый мир построим», — но не по Вашим нудным законам, а по нашим «Правдам».

Действовавшие ранее этические правила и законы не отменяются, они просто прекращают применяться, выхолащиваются и за ненужностью, не востребованностью обнуляются в процессах усиления и распространения репрессивных норм и уменьшения доли реституционных норм права.

Неудовлетворенное естественное желание подражания неким образцам, эталонам (мимесис) сублимируется в комплекс неполноценности, которые транспонируются в ресантиман как в неудовлетворенную тягу к первородному насилию, овладению и подавлению, доминированию, с одной стороны, и в мимесис подражания власти как социальный запрос, с другой.

Аутоиммунный мимесис — это всегда неразрешенные, неудовлетворенные комплексы неполноценности и связанный с ними ресантиман как запрос, ожидание, стремление к разрешению этих комплексов. В большинстве указанных составов уголовных и военных преступлений насильственного и ненасильственного характера (мошенничество) лежат однородные по психологической природе комплексы неполноценности — зависть, агрессия, ксенофобия, желание получить незаконным путем принадлежащее Другому/Другим и невозможность обладания, подражания чему-то, что есть у Другого, желание овладения, подчинения себе, доминирования, раз я не могу быть таким же богатым, желанным, умным, достойным, красивым, успешным и т. д.

Аутоиммунный мимесис предлагает простое решение: разрешено все, что было и есть формально запрещено.

Ввиду простоты такого решения-предложения аутоиммунного мимесиса от него трудно отказаться при существую-

щих традициях постоянной реституции аномии. А тот юридический факт, что я нарушаю какой-то закон, не имеет значения, законы вообще не имеют значения, потому что вот сейчас это разрешено и сакрально и социально одобряется: сейчас — мое время, я банкую! Да и власть так ведет себя, чем я-то хуже ?! Вот власть это, наконец, поняла, и дала мне возможность себя проявить и получить заслуженную награду. А если погибну, то семья не будет забыта. Это — Освежение отживших мертвых смыслов танатомании и придание танатомании новых смысловых импульсов.

Навязывание смысла ностальгии по СССР в сегодняшнем ресантимане является досадным вбросом и перерывом постепенности в замкнутом движении по окружности Особого пути Особой цивилизации и ничего общего с подлинным ресантиманом как неудовлетворенным аутоиммунным мимесисом Мета-Аномии и Мета-Насилия не имеет.

Поэтому мы называем такой мимесис институционально-народным, навязчивым, аутоиммунным, адаптивным, защитно-психологическим одновременно. Тесная институционально-народная связь и энтузиазм аутоиммунного ресантимана опробованы успешно за более чем тысячелетие в постоянном процессе военно-криминальной карнавализации погромов, грабежей, убийств, изнасилований, экспроприаций. Сам по себе аутоиммунный мимесис является манифестацией двоемыслия и группомыслия, является одновременно причиной и следствием двойного послания стратегического нарратива и содержит в себе предпосылки адаптивной живучести, креативности, каждый раз новой старой оригинальности следующих сцен и самодостаточного самовоспроизводства Магистрального Сюжета Аномии как Мета-Аутоиммунности, индивидуальной, групповой, популяционной.

Самое образование, становление, развитие Российского государства является многократно произошедшим, отложенным в коллективной памяти и коллективном опыте, и длящимся ныне разнонаправленным незавершенным неразрешенным мимесисом в одновременном органическом сочетании с отри-

цанием отрицания. Российское государство замышлялось как ПОДРАЖАНИЕ (импортозамещение):

- Богатой и могучей Византии;
- северным племенам и народам, откуда приходили варяги и Рюрики;
- монгольским кочевым племенам и союзам, которым юная Русь долго платила, дань и перенимала обычаи, рецепты, фискальные правила;
- позднее — роскоши западных монархий;
- Персидскому царству;
- богатствам из закрытых для внешнего понимания Китая и Индии;
- позднее — богатству и могуществу Османской империи.

Невозможность подражания (импортозамещения) одновременно и сразу всем таким разновекторным культурам порождает зависть и делает прямой мимесис неразрешимым и всегда незаконченным. Вследствие этой неразрешимости и неудовлетворенности мимесиса возникают, наряду с завистью, комплексы неполноценности «нам всегда хуже всех»; «у нас самый плохой климат, самые плохие земли» — значит, надо захватывать соседние земли, «там всегда лучше», которые в качестве психологических защит предлагают отрицание отрицания и ощущение себя в осажденной врагами извне и внутри крепостью. Поведенческим выходом в повседневности осажденной крепости могут быть только открытая демонстрация агрессивности и жестокое насилие к внешним и внутренним врагам.

В силу невозможности удовлетворения такого «прямого» мимесиса и комплексов неполноценности мимесис-то остается как естественное индивидуальное, групповое, популяционное проявление, но адаптивно принимает формы индивидуальной, групповой, популяционной аутоиммунитетности: выучить чужой язык невозможно, но есть выход- заставить чужаков говорить по-нашенски, по-русски...

И уже в такой опривыченной и ставшей нормой аутоиммунитетности входит в коллективную память и коллективный опыт как традиции Разрешения на Беззаконие и Насилие.

Совладать в хаосе такой разнонаправленной векторности с собственным языческим населением и соседями, воспринимаемыми в качестве таких же завистников и врагов можно лишь одним проверенным средством — жестоким насилием, которое манифестируется в результате разрешения на насилие и проявление открытой первобытной агрессивности.

Но в этом и находится несложный ответ для сложной задачи недовлестворенного прямого мимесиса (прямого импортозамещения, которое понимается исключительно буквально — как «Цап-Царап»):

Нужно противопоставить невозможности одоления множества хаосов собственный управляемый родной, отечественный, национальный Особенный Хаос — национальный Хаос Аномии (Беззакония-Правоотступничества), в котором только и можно легитимировать, нормализировать, хабиитуализировать и, наконец, банализировать насилие во всем (а также злоупотребление Отсутствующим у Другого правом, шантаж и мошенничество как мирные «ненасильственные добрососедские» формы проявления всеобщего беззакония).

Так складываются основы конструирования собственного Особого пути.

Если навязать собственный Особенный Хаос Беззакония другим народам, сакрально посвятив их в подельники-соучастники, то тогда можно ими овладеть и доминировать, — так технологически складываются основания миссии всеобщего братского военно-криминального карнавала, или феноменология открытости русской души, или — русская философия.

Без узаконивания постоянного повседневного беззакония применение и легализация — банализация насилия не достигается.

Одним из ярко выраженных проявлений беззакония и насилия во всем является языковая политика государства — политика несбывшегося и ставшего аутоиммунным мимесиса.

Со своей стороны, российское Православие представляет собой многократно произошедший в прошлом и длящийся ныне органический синтез такого же неудавшегося и потому аутоиммунного мимесиса (импортозамещения), отрицания отрицания, комплексов неполноценности.

Российское Православие прошло нелегкий путь разнонаправленных мимесисов:

- оно появляется как неудавшийся мимесис Христианству (как импортозамещение Христианства), которое, в свою очередь, выделилось миметически из первоначального иудаизма как религии Единобожия и сформировалось на отрицании иудаизма. Соответственно, и Православие отрицает теперь уже не только иудаизм, но и Христианство вследствие невозможности прямого мимесиса из-за разности культур и отторжения культуры греко-римской античной цивилизации, а также непризнания российского христианства своим, нежелания российской церкви подчиняться Патриарху, находящемуся вдали от России и т. д.;
- из отрицания Христианства как религии Западной части Римской империи возникает Восточное — Византийское христианство, которому и стремится теперь подражать российское Православие;
- затем неразрешенным и незаконченным остается и мимесис (импортозамещение) по отношению в Византийской конфессии Христианства;
- остальные религии, помимо отвергнутого изначально иудаизма вследствие Огромного числа повседневных норм: буддизм, индуизм и ислам отвергаются как чуждые, непонятные, и потому — враждебные ереси (ср. «ересь жидовствующих»)
- этому огромному числу законов, норм, толкований иудаизма, буддизма, индуизма, ислама противопоставлен один простой и понятный любому закон — закон беззакония.

Таким образом, новая русская религия называет себя Православием (т. е. единственно правильным Прославлением Б-га) и формируется на отрицании, ненависти к инаковости, ощущению себя в осажденной крепости, импортозамещении пилпула, разнообразия мидрашей и сложности арабской и китайской философии собственным не допускающим инакомыслия богословием.

Иными словами, Особенность Российского Государства и Особенность Российского Православия имеют Общие СКРЕПЫ:

- ощущение себя в осажденной крепости в окружении врагов;
- отказ от принятых другими норм и правил как изначальный отказ от сложности мира (Эроса) и интенция к упрощению всего Особым путем достижения Верховенства Беззакония;
- нетерпимость, агрессивность;
- обоснованность применения насилия.

В этом — симметричность, органичность, взаимоизоморфность и армейское единообразие Российского Государства и Российского Православия.

В такой органичности Российская Власть и Российская Церковь по праву считают себя Особенной цивилизацией.

Такая органичность требует соответствующего институционального оформления и управления беззаконием и насилием.

В такой органичности — полное Единомыслие относительно необходимости Особого пути институционального беззакония и агрессии.

Из этого сочетания возможностей и необходимостей следует жизненная необходимая потребность и обоснованность Единой для Государства и Православной церкви Институциональной Политики Беззакония, Агрессивности, Насилия.

Из этого следует Единая социальная семантика и Единая языковая политика с Единым стратегическим нарративом Разрешения сакрально и легитимно установленного беззакония и Разрешения на различные формы насилия.

Из этого следует Единая перманентная социальная действительность банальности насилия, где слуге государеву сакрально на уровне государственного награждения и приобщения к гвардии можно «все, как мы любим»: убивать, насилловать, грабить, мародерствовать...Далее — везде.

Сама по себе такая усвоенная «выученная привычка к насилию» облегчает усвоение старых и всегда креативно

по-новому звучащих штампов и слоганов языковой политики. Социальная индифферентность населения как выученная беспомощность перед насилием — это всего лишь одна из реципрокных сторон выученной привычности к насилию, как ясное понимание, кто палач, кто — жертва, и наивно-мудрое предзнание того, что они могут поменяться местами.

Итог: поставленные цели могут считаться достигнутыми, мечты их создателей — скромно сбывшимися.

Все, что было интуитивно-наивно задумано в ощущениях Особой цивилизации при выборе Особого пути как Особого Закона тотального беззакония — Росс-Галахи, сохранении традиций Охраны традиций, — реализовалось, сбылось, усвоилось, достигло степени нормализации, хабитуализации, банализации и даже самовоспроизводимости.

К несбывшемуся можно отнести только Эрос, который в Особом Пути Особенной аутоиммуности стал НЕВОЗМОЖЕН.

Но ведь это — тоже успех:

Эрос ведь изначально планировали обнулить — мешал.

Так что тысячелетнюю деятельность российского режима как органического гармонического синтеза государства и религии по сценарной реализации стратегического нарратива и магистрального сюжета феноменологии и реституции аномии как аутоиммунного мимесиса можно и нужно признать успешной, хотя, конечно, недоработки есть, но они будут исправляться следующими поколениями.

Вполне эпигонски и миметически (подражательно) можно предположить: самодержавно-православная этика и кровь и вонь аутоиммунных поведенческих проявлений аномии тоталитаризма — связаны между собой, и средства обычной каузальной логики здесь бессильны: «Умом Россию не понять» (Ф. Тютчев).

Это не девиации, это не патология. Это — именно банализированные мерзости повседневности сбывшегося проекта злокозненной правоотступнической нормы аномии. Приходится ссылаться на немецкого психиатра Освальда Бумке: «Никогда не списывай мерзость нормы за счет патологии» (в его работе «Культура и вырождение», 1925) как результата неслучайной встречи экзистенциального и социального, социальной семан-

тики и социальной действительности в одной отдельно взятой стране, в которой карта не совпадает с ее территориями, а индивидуальное психологическое поле, как матрешка, насильно и вместе с тем органично помещено в концентрические психологические поля стратегического нарратива и магистрального сюжета беззакония.

В заключение — извлечение из еще одного стихотворения-экспертного заключения:

В дом заходишь, как
Все равно в кабак,
А народишко:
Каждый третий — враг.

<...>

«Кто ответит мне, что за дом такой?
Почему во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился,
Али жить у вас разучились?»

Двери настежь у вас, а душа взаперти,

<...>

А в ответ мне «Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл, мы всегда так живем.

<...>

Скисли душами,
Опрыщавели.
И еще вином
Много тешились —
Разоряли дом,
Дрались, вешались»
Долго жить впотьмах
Привыкали мы.
Испокону мы —
В зле да шепоте...
Под иконами
В черной копоти».

В.С.Высоцкий «Дом» («Что за дом притих, погружен во мрак»), 1974

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Об образовании в эмиграции

Ася Штейн

Проблемы языковой адаптации и языковой интеграции русскоязычных детей, уехавших после 24.02.22¹

Для тех, кто покинул свои дома после российского вторжения в Украину, становится окончательно понятным: эмиграция — всерьез и надолго, возможно — навсегда. И одна из важнейших проблем, с которыми сталкиваются уехавшие родители — как адаптировать детей к новым жизненным обстоятельствам. Уже год назад я начала исследовать, где, чему и как учатся увезенные дети. Результаты этого исследования были опубликованы на страницах *The Moscow Times*. Уже тогда стало ясным — хотя, впрочем, это очевидно и безо всякого исследования — что ключевой проблемой адаптации является язык новой страны. Без него дети не могут ни нормально учиться, ни встроиться в детское сообщество. И, если изначально существовал устойчивый миф о том, что дети впитывают язык буквально из воздуха, и уж с этим сложностей точно быть не должно, то довольно быстро стало понятно, что все не так просто: многие дети новый язык учить не хотят, а если и соглашаются, то его катастрофически не хватает для учебы в школе или хватает для учебы, но не хватает для дружбы...

В этом году я решила продолжить исследование, сосредоточившись на этот раз конкретно на проблеме языковой адаптации и языковой интеграции детей, оказавшихся вне России. К моему удивлению, исследование вызвало огромный интерес. На просьбу об интервью, размещенную в соцсетях, отозвалось почти 100 респондентов, еще 194 респондента ответили на онлайн-опрос. В среднем интервью длилось порядка 10–15 минут, но некоторые респонденты говорили значительно дольше. Я не

1. The Moscow Times. 24.02.22. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2024/05/26/eto-ne-moi-vibor-a-vash-yazik-novoi-zhizni-a131861>

прерывала: было видно, что тема оказалась актуальной и очень болезненной. «Мне давно хотелось поговорить об этом, — подчеркивает Вероника, — но, к сожалению, мало кто хочет это слушать: у свежих релокантов своих забот хватает, а те, кто уехал при других обстоятельствах, не очень понимают наши проблемы». В опросе приняли участие респонденты не только из России, но и из Украины, правда, по понятным причинам их было совсем немного. И я искренне благодарю тех, кто согласился ответить на мои вопросы.

Было совсем не до языка

Как показал опрос, большинство респондентов, 64,5%, уехало в 2022 году. То есть, у них уже есть некоторая временная перспектива и некоторый опыт жизни с детьми в иноязычной среде.

Значительная часть опрошенных уехала буквально сразу после начала войны, не имея ни конкретного плана, ни возможности подготовить детей к свалившимся на них переменам. «Уезжали через неделю после начала войны, совершенно не готовыми к новому языку, — вспоминает Анастасия. — Первый раз мы открыли хоть какие-то пособия в машине в сторону границы». Даже те, кто уезжал чуть позже, были слишком подавлены, чтобы организовать детям какие-то занятия, да и не до того было: требовалось готовиться к отъезду, собирать вещи и документы. «Было совсем не до языка, — отмечает Сергей, — к тому же, мы и не знали толком, в какую страну поедem». Но если у семьи и было время и ресурсы для занятий с репетитором, далеко не всегда это имело успех. «Когда виза стала назревать, — рассказывает Юля, — я нашла детям репетитора, но у них была жесткая стадия отрицания». И даже те дети, которые давно изучали язык (в основном, конечно, речь об английском и немецком), далеко не всегда оказываются успешными. «У сына к моменту отъезда английский был где-то на уровне B1, что не ужасно, но недостаточно для адаптации в чужой стране в его возрасте», — говорит Михаил. Конечно, многим предварительные занятия с репетитором в той или иной мере помогли. Так, по мнению Лизы, «репетитор внушил дочке уверенность в своих силах, помог преодолеть страх перед языком», а Ксения

рассказала, что уроки французского имели даже терапевтический эффект: «Дочка занималась французским со своей любимой вожатой из летнего лагеря, которой она очень доверяла. Хотя прошли они и не очень много, но говорили о всяких хороших и понятных им обоим вещах, поэтому французский ассоциировался с чем-то классным, это очень помогло в дальнейшем». Тем не менее, по данным опроса, больше половины детей (57,9%) вообще не изучали новый язык до отъезда из страны, а еще у 16.8% имели самые минимальные знания.

Стена из звуков

Собственно, почти в такой же ситуации находятся и сами родители. Больше трети опрошенных не знало языка, а 15,3% начало его учить незадолго до переезда. И лишь 12,2% опрошенных указали, что знают язык свободно. Это, опять-таки, касается, главным образом, английского и в ряде случаев — немецкого и французского. В целом же, родителям, как и детям приходится начинать с нуля. «Когда мы переехали в Финляндию, — признается Катя, — первые полгода это была просто стена из звуков, и лишь потом я начала узнавать в ней отдельные слова. То же самое было и у детей». Вероятно, это одна из причин, по которой многие родители не в состоянии оказать детям адекватную поддержку в новой стране. На втором месте — подавленность, депрессивное состояние в связи с эмиграцией и войной. «Весь прошлый год мы были сильно нехороши — рассказывают Ирина и Георгий — и она тоже была нехороша, все мы очень хотели домой и понимали, что это невозможно». Сказывается и отсутствие ресурса, который полностью расходуется на то, чтобы начать жизнь на новом месте с нуля. «Я постоянно думаю о том, что надо бы больше уделять внимания детям: играть в какие-то настолки на языке, читать вместе книжки или хотя бы уроки с ними делать. Но пока что сил, да и то с трудом, хватает на обустройство нашей жизни, поиск постоянной работы. А потом я просто падаю абсолютно опустошенная и туплю весь вечер в телефон», — сетует Вероника. Алина, преподаватель иврита, подчеркивает, как важна вовлеченность родителей в процесс погружения в новый язык. «Если мама довольна переездом, большая часть детей воспринимает его с энтузиазмом

и быстро интенсивно учит язык. Если от родителей идет меседж нам тут плохо, мы не знаем, будем ли мы тут оставаться, то у детей нет мотивации. Можно разбиться в лепешку, но нет никакого прироста». Но часто, сами дети отказываются от помощи родителей. «Я всегда их учила английскому, — жалуется Елена, — как преподаватель я с ними прекрасно лажу, я знаю, как их учить. Но они отказались учить иврит со мной». Часто даже попытка просто поговорить дома на новом языке вызывает категорический протест. «Если я пытаюсь говорить с ним по-испански, он просто молча разворачивается и уходит в свою комнату» — рассказывает Вера. Впрочем, далеко не все поддерживают эту идею. По словам Людмилы, «во французской школе сказали, что наша главная задача — сохранить детям родной язык. Учителя не рекомендовали контролировать изучение французского и, тем более, говорить по-французски дома».

Это не мой выбор

Согласно результатам опроса, значительная часть детей более или менее удачно адаптируется к новым обстоятельствам. Но ответы буквально на все вопросы анкеты показывают: примерно четверть, а то и треть детей, уехавших из России, переживают тяжелейший стресс, связанный с переездом. «Первые 2 месяца дети практически не выходили из комнат, они вообще замкнулись и не поддерживали никакого контакта», — делится Вера. Похожие истории рассказывают и другие респонденты: «Были три месяца нечеловеческой, непередаваемой депрессии со слезами, с криками, ребенок уходил в школе, в туалет запирался там и плакал», «Ребенок неуклонно полз в сторону депрессии, причем ребенок абсолютно не депрессивный», «Он просто сделал вид, что ничего не происходит, нет никакой новой страны, новой школы, нового языка. Вот просто схлопнулся — и все»...

Травматичный, не запланированный переезд, потеря привычной среды, любимых друзей и учителей часто приводит к отказу от изучения нового языка. Подростки в состоянии сформулировать это достаточно четко: «Он так нам и сказал, — вспоминает Надя, — это не мой выбор, а ваш. Я всего этого не хотела и не хочу». Маленькие дети, не понимая, что произошло, просто впадают в панику. Так Маргарита расска-

зала, что ее двухлетняя дочь, которая как раз начала бойко болтать, попав в иноязычную среду, пришла в полный ужас от того, что перестала понимать обращенную к ней речь: «Услышав на улице французский, она буквально впадала в истерику и кричала: „Мама, скажи им, чтобы они больше так не говорили!“». Похожий опыт и у Саши, мамы четырехлетнего Егора: «когда к нему обращались на испанском, он думал, что его специально дразнят, страшно, до слез обижался». Оля полагает, что не стоит форсировать новый язык. Столкнувшись с протестом дочери против иврита, она перевела ее в международную школу: «И так этот дичайший стресс от переезда, когда ребенок оказывается отрезан от всей своей прошлой жизни, поэтому мне не кажется, что это задача номер один — язык любой ценой. Он все равно придет, никуда от этого не денешься. Но можно не спешить. Подавляющее большинство этих детей просто не знает, как все сложится. Они не могут оценить, хотят ли они этого. Поэтому иногда имеет смысл поставить язык на паузу».

Даже при относительно успешном вхождении в новый язык дети больше всего страдают именно из-за того, что не в состоянии передать свои мысли и чувства, быть понятыми. По словам Марины, для сына лингвистическая адаптация стала самым травмирующим переживанием в жизни: «ты ни с кем не можешь говорить, не можешь никому объяснить, что ты чувствуешь, выстроить свои границы»... «Многие это недооценивают, — отмечает детский психолог Алина, — но я вижу, что часто для детей и особенно подростков невозможность выразить себя, как они привыкли, — это огромная проблема».

Приходится довольствоваться тем,
на что хватает знания языка

Если язык приходится учить с нуля, даже у очень успешных детей процесс идет не быстро. Во всяком случае, не так быстро, чтобы можно было бы с легкостью вписаться в учебный процесс в новой школе в новой стране. «Даже если он будет заниматься языком 24 часа, его уровень еще долго будет как у трехлетнего ребенка, а это не соответствует тому, что требует от него школа, — беспокоится Лида. — А это значит, что ни на что, кроме ближайшей к дому районной школы ему рас-

считывать не приходится». Это же волнует и Наталью: «Дочке вскоре предстоят экзамены, они здесь (в Великобритании) скорее языковые, чем математические. И если раньше математика всегда была ее козырем, то теперь его нет». И хотя почти треть респондентов (29,2%) уверена, что их дети в образовательном плане от переезда скорее выиграли, чем проиграли, а чуть больше трети (32,1%) полагают, что скорее выиграли, чем проиграли, 18,9% убеждены в противоположном. «Если раньше эти дети были отличниками, и мы только выбирали, в какой из топовых столичных школ лучше будут учить олимпиадные задачки решать, где латынь и поэтика, а где естествознание, то теперь они ходят в районную школу, учатся с трудом на тройки из-за катастрофического отставания в языке» — сетует Соня. «Родители тщательно подбирали школы, заботились о том, чтобы дети были в комфортной, ресурсной среде — делится своими наблюдениями психолог Владимир — сейчас эти дети оказались просто в обычной школьной системе, к которой они не привыкли, и это только углубляет травму внезапной эмиграции и болезненной языковой и культурной адаптации». По наблюдениям Александры даже неплохого по меркам петербургской спецшколы знания английского «явно недостаточно для того, чтобы полноценно учиться в Великобритании и поступить в более или менее приличные школы, в том числе и в дорогие частные». Вынужденная неуспешность демотивирует детей «В Киеве дочка поступила в сильнейший лицей, — рассказывает Оксана, — была в топе. Теперь у нее опускаются руки. Ей кажется, что если она не может учиться на прежнем уровне, то лучше и не учиться вовсе».

Не подружился ни с кем, кроме белок

Ситуация усугубляется тем, что дети, а особенно подростки, тоскуют по оставленным дома друзьям. «Интеграция была трудной, но не столько из-за языка, сколько из-за оторванности от друзей», — отмечает Юлия. 8% респондентов замечают, что их дети общаются только со старыми друзьями онлайн. «Приходя из школы, сын ложится на кровать и до вечера в телефоне с друзьями из России, — огорчается Марина — играют в онлайн-игры, параллельно общаются». Недостаточное зна-

ние языка нередко приводит к одиночеству. По мнению Алены, «Языка хватает для учебы, но не для дружбы». «Из окна видела школьный двор, и смотрела, как они гуляют на переменах, — рассказывает она. — Сначала Настю со всех сторон обступали одноклассники. А потом она просто перестала выходить на перемену. Стояла на крыльце и завтракала там в одиночестве. Ей просто не хватало речи, чтобы поговорить. И для меня это была просто жуть, потому что это ребенок, которому нужны люди. Нужно общение». О школьном одиночестве говорят многие респонденты. По словам Вероники, ее сын за «два года так и ни с кем и не подружился, кроме белок, за которыми он наблюдает во время перемен».

Мои дети оказались в полной мере эмигрантами

Особая ситуация складывается в центрах массовой релокации, где собирается много русскоязычных или украиноязычных детей. Они полностью замыкаются друг на друге и общаются только на родном языке. Больше 20% респондентов отметило, что основным языком общения со сверстниками у их детей остается родной (русский, украинский или оба сразу). «Мои дети оказались в полной мере эмигрантами, закукливающимися в своем русскоязычном мире», — жалуется Кристина. Школьные связи при этом оказываются вторичными или полностью отсутствуют. «Дочка не чувствует себя счастливой в школе, все ее подруги — только украинки, из других школ, — делится Ульяна, — при этом она активная социально, ей важны контакты. Первое время приводила домой одноклассниц-британок, но отношения не складывались». О сложности интеграции в детское сообщество говорит и Инна: «Друзей нашел через соцсети русскоязычных, гуляют, лазают по скалам, играют в настолки. Но в испаноговорящей среде он чужой». В международных школах ситуация проще, для детей общим языком оказывается английский, который, худо или бедно, знают все. Респонденты называют друзей своих детей из Китая, Индии, Ирана и других самых неожиданных стран. Местные дети в таких школах тоже хорошо знают английский. Если они вписываются в компанию, интеграция идет быстрее. Так получилось, что даже его французские друзья предпочитают английский, — подчеркивает

Сергей,- так что первоначально основным языком общения был именно английский. Но к концу года он обнаружил, что и по-французски ему общаться тоже комфортно.

Выбрали погружение в другую языковую среду

Впрочем, международная школа по карману не всем. «Мы были бы рады отдать ребенка в школу IB, но пока что нам едва хватает на жизнь. Так что приходится довольствоваться обычной городской школой, хотя ребенку там страшно некомфортно». Впрочем, некоторые, даже имея такую возможность, сознательно выбирают местные школы. «Решили взять альтернативный сценарий, погружение в другую языковую среду, поэтому сразу же отдали детей в местную школу, — рассказывает Лиля — так есть возможность наблюдать других людей, другую жизнь». «Мы хотим интегрироваться в новый язык, в новую культуру, — соглашается с ней Ксения, — бессмысленно идти в международную или русскую школу, так ты навсегда останешься в пузыре и никогда не станешь своим». Того же мнения придерживается и Татьяна: «Надо общаться с местными. Поэтому я стремлюсь не заукливаться в украинском комьюнити, активно поощряю детей дружить с немцами». Светлана придерживается противоположной точки зрения: «Я думала о том, чтобы перевести детей из русской школы в черногорскую. Но после года проживания и обучения здесь, я отказалась от этой мысли. Здесь нет интеграционных классов. В текущих реалиях мои дети не успеют выучить черногорский до хорошего уровня, но испытают большое количество стресса. Поэтому мы этот вариант пока для себя не рассматриваем. Стоимость обучения довольно высока, но приходится выбирать в пользу детей». Впрочем, по свидетельству Ларисы, «Реальное изучение языка и адаптация начались только после перевода в школу на языке страны после года в русской школе».

Школа не просто знает, что делать с этими детьми, она умеет это делать

В ряде стран существуют адаптационные программы, цель которых — помочь детям влиться в учебу на новом языке. Как отмечает преподаватель иврита Мирьям, «в Израиле отработан

механизм приема больших волн репатриантов. Есть в школах существует работающий протокол постепенного погружения в язык». Похожая ситуация и в других странах, где традиционно большой приток эмигрантов. «В Лондоне много детей с неродным английским, — рассказывает Майя, — это понятная для них проблема: в любой школе дети всех цветов и национальностей». Это подтверждает и Кристина: «У него в классе треть иностранцев, откуда угодно. Школа не просто знает, что делать с этими детьми, она умеет это делать». По мнению Любы, адаптационный класс в немецкой школе мало дал ее сыну в плане языка, но «психологически туда попасть было очень правильно. Он понял, что не он один не говорить по-немецки, что их таких очень много. Однако, — подчеркивает она, — было очень здорово, что мы быстро оттуда ушли, прогресс в немецком классе пошел быстрее». При этом только 15,2% респондентов указали, что занятия в интеграционном классе помогли ребенку адаптироваться. Многие родители отмечают, что часто помощь оказалась недостаточной или малоэффективной. «Идея отличная, — полагает Константин, — но реализация не очень — все дети вместе, без разделения на уровни, работает это не очень хорошо». О том же говорит и Галина: «Были дополнительные уроки иврита, но они были устроены очень странно, каждый месяц приходили новые дети, и все опять зубрили алфавит. Толку от этого было мало». Часть респондентов подчеркивает, что в преподавании используются устаревшие методики. Ольгу удивило, «что они не столько учились говорить, сколько переписывали тексты с доски. Учительница утверждала, что так они скорее усвоят грамматику, но никакого результата не было». Нередко речь заходит и о низкой квалификации учителей: «Учительница непонятно почему была на этом месте, готовилась прямо на уроке, давала спонтанные, непонятные детям задания, часто сидела, просто уткнувшись в телефон», — вспоминает Мария.

В данный момент у нас три репетитора

Вероятно, именно поэтому 22,3% респондентов указало, что их дети занимались и продолжают заниматься с репетитором, а иногда и с несколькими. «У нас сразу три репетитора: один отрабатывает разговорную речь, другой занимается академи-

ческим письмом и помогает разобраться в том, что написано в учебниках, третий преподает математику и физику на иврите», рассказывает Даша. Часто благодаря доверительным отношениям с репетитором удается преодолеть страх и отрицание нового языка. «У Алены был сильный протест против иврита, — рассказывает Даша, — но она одила к хорошему преподавателю, который был ей близок по-человечески русскоязычному. Не то, что изменил ее отношение к ивриту, но ради него она была готова стараться». Впрочем, и сами репетиторы тоже нередко вызывают отрицание у детей. «Поначалу они наотрез отказывались от репетиторов, — вспоминает Света, — думали, наверное, что война закончится или еще каким-то образом все обойдется. И лишь через год, когда поняли, что мы здесь всерьез и надолго, согласились заниматься». При этом преподаватель иврита Мирьям считает, что репетитор не решает всех проблем: «самую большую роль играют не репетиторы, а сами родители, которые каждый день садятся вместе с ребенком, и они вместе читает книжку на иврите, лезут в словарь, разбирают то, что написано». Психолог Микаэль полагает, что форсировать развитие событий бессмысленно и даже вредно: «Родители из России буквально помешаны на репетиторах и дополнительных занятиях. Им кажется, что при определенных усилиях в голову ребенка можно впихнуть за год столько языка, чтобы он стал ему родным. В результате дети перегружены, издерганы, а результата, которого ждут родители, нет. Но его и не может быть. На все нужно время. Так что лучше отпустить ситуацию и дать событиям идти своим чередом».

Стать своим помог волейбол

Но язык — далеко не главное или, во всяком случае не единственное, что влияет на интеграцию ребенка в детский социум. Как считает детский психолог Алиса, «важно не то, хорошо ли знает ребенок язык, а как он себя чувствует в среде, где он находится — неполноценным из-за отсутствия языка или знает, что он достаточно ценен и без безупречного знания языка. Спорт, знания по любому предмету, хобби, что угодно, где он может показать, что он крут». Это подтверждают многие респонденты: «Дочка летом попала в кружок по робототехнике на иврите, —

рассказывает Ханна, — там есть и ивритоязычные, и русскоязычные дети, все делают общее дело, надо работать в команде. Этот кружок дал толчок и ивриту, и раскрепощению, и проявлению лидерских качеств». Спорт тоже часто оказывается тем, якорем, который помогает закрепиться на новом месте. «Нас очень спасло то, что дети были спортсмены, — вспоминает Юлия, — я еще будучи в Москве нашла им клубы, и они сразу оказались в этой же знакомой среде, дети оказываются среди единомышленников, они понимают, что они должны делать». Любительский спорт тоже поднимает ставки среди сверстников. «Сын всегда хорошо играл в волейбол, — отмечает Полина, — вышел стал играть — его зауважали. Он почувствовал это уважение, начал и вникать, и вливаться». Наталья решила, что хорошим способом интеграции может стать летний лагерь: «Я принудительно всех детей засунула во все лагеря этого города, хочешь — не хочешь — тебе надо в лагерь. После этого дело действительно пошло на лад». Но эффект может и оказаться прямо противоположным: «Мы со скандалом выпроводили ее в лагерь. Ей не нравилась идея, что там говорят по-фински, к тому же в лагере отбирали телефоны и она не могла переписываться с друзьями из России. В результате она ни с кем там не общалась, никакого прогресса в языке не произошло, наоборот, она укрепилась в своем неприятии».

Вызов, которого никто не ждал

Итак, если судить по результатам опроса, не меньше четверти детей испытывают серьезные сложности с языковой адаптацией, вплоть до полного отрицания нового языка, и родители испытывают тревогу за их будущее и полагают, что в настоящем из-за недостаточного знания языка дети утратили те образовательные возможности, которые были у них до эмиграции. Что с этим делать? Для начала, хотя бы признать, что эта проблема существует, что дети, увезенные из своих любимых школ и от своих любимых друзей, и их родители находятся в тяжелейшем стрессе и им, помимо занятий языком, необходима особая поддержка и особое бережное сопровождение. А затем начать разрабатывать пути решения этого непростого клубка про-

блем. Ведь, оставляя их без внимания, мы рискуем получить еще одно потерянное эмигрантское поколение.

Библиография

- Балыхина Т. М. Научные теории и практика коммуникативной адаптации в новой языковой среде // Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 4. С. 9–17. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15273743>.
- Александрова Н. III. Родной язык, иностранный язык и языковые феномены, у которых нет названия // Вопросы языкознания. 2006. № 3. С. 88–100. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2006-3/88-100>.
- Deirdre Horgan, Shirley Martin, Jacqui O'Riordan, Reana Maier. Supporting languages: The socio-educational integration of migrant and refugee children and young people // Children and society. December, 2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/chso.12525>.
- Anne Harju, Annika Åkerblom. Opening up new spaces for languaging practice in early childhood education for migrant children // International Journal of Early Years Education. 2020. Vol. 28. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09669760.2020.1765087>.
- Alejandro Portes and Alejandro Rivas. The Adaptation of Migrant Children// The Future of Children. Spring, 2011. Vol. 21, No. 1: Immigrant Children. P. 219–246. URL: <https://www.jstor.org/stable/41229018>.
- Mervi Kaukko, Jane Wilkinson. Praxis and language: Teaching newly arrived migrant children to “live well in a world worth living in” // Tesol in Context, 2018. URL: <https://ojs.deakin.edu.au/index.php/tesol/article/view/834>.
- Sven Sierens, Piet Van Avermaet. Bilingual Education in Migrant Languages in Western Europe. URL: <https://tinyurl.com/2xr9dumv>.
- Michael Evans, Yongcan Liu. The Unfamiliar and the Indeterminate: Language, Identity and Social Integration in the School Experience of Newly-Arrived Migrant Children in England // Journal of Language, Identity & Education. 2018. Vol. 17. P. 152–167. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/15348458.2018.1433043>.
- Andrea S. Young. Language Awareness, Language Diversity and Migrant Languages in the Primary School (URL: <https://tinyurl.com/29d8ak8w>) // The Routledge Handbook of Language Awareness. Routledge, 2017. URL: <https://tinyurl.com/24nnau46>.
- Clyne, M., & Kipp, S. Pluricentric languages in an immigrant context. Walter De Gruyter, 1999. URL: <https://doi.org/10.1515/9783110805444>.
- Lee, J. S., & Wright, W. E. The rediscovery of heritage and community language education in the United States // Review of Research in Education. 2014. 38(1). P. 137–165.
- Yelenevskaya, M. An immigrant language in a multilingual state: Status and group competition (Russian in Israel) // Russian Journal of Communication. 2015. 7 (2). P. 193–207.

Zhou, M. Growing up American: The challenge confronting immigrant children and children of immigrants // Annual Review of Sociology. 1997. 23 (1). P. 63–95.

Русская школа в изгнании, первая серия: как работало советское образование²

В эмиграцию люди берут с собой самое ценное, хотя часто и не самое полезное с практической точки зрения: бабушкину фотографию и мамину чашку, младенческие прядки детских волос и отроческие дневники. Нынешняя эмиграция, начавшаяся после 24 февраля, забирает с собой школу.

Релоцируются учителя и целые школьные коллективы, в местах массовой релокации открываются новые школы и школки, а родители, выбирая, куда ехать, не в последнюю очередь отдают предпочтение тем городам и странам, где школы, открытые беглыми российскими учителями, есть. Это уникальный социальный феномен, не характерный ни для одной из предшествующих волн русской эмиграции.

Мы попытаемся разобраться в его причинах: что это за школы и учителя, и почему для уехавших родителей так важно сохранить для детей привычную образовательную среду. Начать придется издалека.

Прусский порядок

Русская школа всегда тяготела к прусской образовательной модели: единая система подготовки учителей, единые учебники и единая программа, единые каллиграфические стандарты, универсальные критерии оценивания, единая обязательная школьная форма... Все это позволило прусскому королю Фридриху Великому создать почти безупречно работавшую систему воспитания «винтиков», обладавших набором универсальных навыков и умений, необходимых для обслуживания военной и административной машины индустриального государства.

2. The Moscow Times. 19.01.2023. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2023/01/19/russkaya-shkola-v-izgnanii-ili-gde-vzyat-kachestvennoe-obrazovanie-a31355>

Знаменитая фраза о школьном учителе, выигравшем войну (а принадлежит она отнюдь не Бисмарку, как принято считать, а его современнику, географу и антропологу Оскару Пешелю) подразумевает именно учителя, воспитывающего идеальных солдат и чиновников по универсальным, заранее заданным лекалам.

Собственно, прусская школа удобна, в первую очередь, именно учителям. В классе идеальная тишина и порядок, одинаково одетые и причесанные дети ровненько сидят рядами, выполняя одинаковые действия. Задача учителя — пересказать заранее утвержденный учебник, по которому учился и он сам; объяснить новый материал по универсальному алгоритму, предложенному методикой; добиться, чтобы ученики четко отвечали на заранее известные вопросы и решали стандартные учебные задачи. Все индивидуальное, личное, спонтанное, не соответствующее стандарту в лучшем случае игнорируется, в худшем — жестко искореняется. «В школе надо не хотеть, в школе надо слушаться», «нечего рассуждать, делай, что говорят», — эти до боли знакомые любому советскому школьнику слова как нельзя лучше передают суть прусской системы обучения.

Вероятно, именно поэтому русская школа после очередной попытки реформ всякий раз возвращалась к привычной и удобной, хотя и не слишком эффективной, прусской модели.

Справедливости ради, следует отметить, что прусская система прекрасно справляется со своей основной задачей: быстро и окончательно ликвидирует безграмотность целого поколения.

Революционная школа и школьная революция

Историки в шутку говорят, что суровая система обучения в русских гимназиях стала одной из предпосылок русской революции. Шутки шутками, но буквально сразу после революции в России начинаются школьные реформы, поначалу больше похожие на праздник непослушания троечников, захвативших школу: отменяются оценки, звонки, школьная форма, расписание уроков, учебники, классы. Первым делом реформаторы с наслаждением отправляют на свалку истории древние языки — бич дореволюционных гимназистов. (Кстати

замечу, что отмена или существенная минимизация уроков латыни и древнегреческого была одним из краеугольных пунктов прусской школьной реформы.)

В 1920-е годы советскую школу бросало от «комплексного метода», блистательно описанного Вениамином Кавериным в «Двух капитанах», до лабораторно-бригадного, когда задание-проект выдавалось для самостоятельной работы сразу группе детей, бригаде или звену.

У-т-к-а

Помнится, мы проходили утку. Это были сразу три урока: география, естествознание и русский. На уроке естествознания утка изучалась как утка какие у нее крылышки, какие лапки, как она плавает и так далее. На уроке географии та же утка изучалась как житель земного шара: нужно было на карте показать, где она живет и где ее нет. На русском Серафима Петровна учила нас писать «у-т-к-а» и читала что-нибудь об утках из Брема. Мимоходом она сообщала нам, что по-немецки утка так-то, а по-французски так-то. Кажется, это называлось тогда «комплексным методом». В общем, все выходило «мимоходом».

Вениамин Каверин, «Два капитана»

Наиболее решительные реформаторы предлагали и вовсе отказаться от школ: пусть детей учит трудовой коллектив. И, тем не менее, если отбросить в сторону марксистскую шелуху и революционный задор, в двадцатые годы двадцатого века русская школа следовала самым передовым педагогическим идеям: Марии Монтессори, Джона Дьюи и других известных европейских и американских педагогов.

Мария Монтессори

Разработала систему обучения, основанную на работе детей с особыми игровыми материалами, которые помогают ребенку самостоятельно исследовать и познавать мир. Основные принципы Монтессори-педагогики:

- разновозрастные группы и классы;
- нет контроля и оценок;
- ученики самостоятельно выбирают вид деятельности, материалы и уровень сложности задач;

- дети свободно перемещаются по классу;
- учитель лишь помогает ребенку в организации его деятельности, объясняет правила работы с материалом, отвечает на вопросы.

В России интерес к системе Монтессори появился еще до революции. В 1910 году ей заинтересовалась Татьяна Сухотина-Толстая и даже создала в Ясной Поляне на основе новых идей небольшую школу для крестьянских детишек.

Но истинной и пламенной последовательницей Марии Монтессори в России была Юлия Ивановна Фаусек. В 1914 году она открыла при Петербургском коммерческом училище Монтессори-детский сад. В 1918–1924 годах в Советской России с легкой руки Фаусек начинает появляться сеть детских садов, работающих по системе Монтессори. Сама Фаусек начинает разрабатывать методику подготовки учителей. Однако довольно быстро система Монтессори становится объектом суровой критики — главным образом, из-за нежелания Фаусек вводить идеологическое воспитание — и в 1926 году оказывается под полным запретом.

Джон Дьюи

Американский педагог, главной целью видел воспитание личности, умеющей «приспособиться к различным ситуациям». Дьюи разработал так называемый «инструментальный метод», опирающийся на детский спонтанный исследовательский интерес: ребенок должен приобретать опыт в игровой и трудовой деятельности. Со временем этот опыт нужно систематизировать и теоретически переосмыслить. То есть, подводить теорию под уже имеющийся опыт, а не наоборот. Задача школы — выбирать для изучения наиболее важные явления человеческой жизни, упрощать сложные явления, делая их доступными для детского восприятия, создавать «единство мыслей и согласованность действий».

Основой работы Дьюи предлагал сделать проектный метод: учащимся предлагается на выбор несколько учебных проектов, выполняя которые, они получают необходимый опыт, который затем обсуждается и обобщается. Активным

сторонником проектного метода был Луначарский, который увлек идеями Дьюи Ленина и Крупскую.

В 1928 году Джон Дьюи лично приезжал в СССР, чтобы помогать в организации новой системы образования. Однако в начале 1930-х гг. Дьюи был объявлен пособником троцкизма, а его идеи попали под строжайший запрет.

Все то, что так ценится в современном образовании, начало развиваться, хоть и не без перегибов, уже в 1920-е гг.: интерес к личности ребенка, связь школы с практикой, исследовательская деятельность, экскурсии, лаборатории и полевые практикумы, возможность выбора уровня учебных программ, краеведческие экспедиции и театральные студии.

Но в конце 1920-х власть, испугавшись либерализма и свободомыслия, царивших в школах, начала возвращаться на привычные рельсы удобной и безопасной прусской системы.

Физмат оппозиция

В начале 1960-х гг. ситуация начинает вновь меняться. В 1963 году в Москве, Ленинграде, Киеве и Новосибирске открываются физико-математические школы. Собственно, альтернативное математическое образование, своего рода параллельная вселенная, спокойно существовала в недрах советского всеобщего образования. Математические кружки для школьников, которые вели молодые ученые-математики, появились еще в середине тридцатых годов. Одними из первых руководителей таких кружков были выдающиеся математики Израиль Гельфанд и Давид Шклярский. Кстати, кружок Шклярского посещал в отроческие годы и Андрей Сахаров.

Первые четыре математические школы, открытые в Москве, Ленинграде, Киеве и Новосибирске, были интернатами: идея состояла в том, чтобы талантливые дети из провинции, у которых нет возможности посещать математические кружки, получили доступ к качественному математическому образованию. Но довольно скоро стали открываться и спецшколы для местных детей. Тоже, конечно, в первую очередь, в крупных университетских городах.

С одной стороны, это была инициатива математического сообщества, в первую очередь Андрея Колмогорова, который

последовательно и упорно добивался открытия особых школ для математически одаренных детей.

С другой стороны, власти и сами были заинтересованы в качественных физико-математических мозгах, необходимых для восполнения провала в кибернетике и создания нового современного оружия.

Вероятно, только этим можно объяснить то невероятное вольнодумство и свободомыслие, которое царило в матшколах. И это касалось не только преподавания математических дисциплин, которое не имело ничего общего с унылой школьной программой. Гуманитарные предметы здесь тоже вели блестящие педагоги вопреки всем принятым в те годы школьным канонам. Так, например, в знаменитой Второй школе в Москве литературу преподавал писатель и правозащитник Анатолий Якобсон.

Типовые уроки по-тихому стараются заменить почти вузовскими лекциями и семинарами, классы — лабораториями, подростков здесь учат не механически выполнять типовые задания, а думать, сталкиваясь с тем, что задача может иметь больше одного решения или даже не иметь решения вовсе; попирают авторитеты. Здесь поощряют отчаянно спорить, в том числе и с учителями, отстаивая свою точку зрения.

Неудивительно, что к концу шестидесятых — началу семидесятых математические школы становятся не только главными рассадниками педагогической «ереси», но и всеобщего вольнодумства. По рукам почти в открытую ходит самиздат, среди преподавателей — много диссидентов. Так, например, Александр Кронрод, преподаватель математики школы №7, в 1968 году был в числе математиков, подписавших письмо против карательной психиатрии, а Анатолий Якобсон был одним из редакторов «Хроники текущих событий».

Филологический саботаж

Другим рассадником вольнодумства в шестидесятые и особенно в семидесятые стали языковые спецшколы, хотя задумывались они совершенно для иных целей. Проект первых школ с углубленным изучением иностранных языков появился еще в середине 1940-х гг., и в них предполагалось готовить бойцов

переднего края идеологического фронта: будущих дипломатов, пропагандистов и переводчиков для международных переговоров. Власти планировали набирать в такие школы детей с безупречным пролетарским происхождением. Но пролетарии отдавать детей в непонятные школы с усиленной программой не спешили. А вот партийная номенклатура быстро оценила, какие перспективы открывает образование с углубленным изучением иностранного языка, и стала всеми правдами и неправдами устраивать туда своих детей. Правда, в 1940-е и даже в 1950-е годы проект особо не развивался — главным образом из-за того, что власти не очень понимали, как бы так погрузить учеников в иностранный язык, но не показать им привлекательность заграничной жизни.

С началом оттепели, когда стали мало-помалу налаживаться контакты с Западом, идея обрела новую жизнь: стране была нужна интеллектуальная элита, задачей которой должен был стать экспорт идей победившего социализма. В Москве, Ленинграде и других крупных городах стали открываться специализированные школы с «преподаванием ряда предметов на иностранных языках».

С преподаванием ряда предметов дело сразу не пошло: выяснилось, что советская школьная программа в принципе практически не переводима на иностранные языки, да и подготовка предметников, в должной мере владеющих этими языками оказалась делом почти непосильным. И тем не менее, пять, а то и восемь часов иностранного языка в неделю, неплохой курс литературы, театральные кружки и творческие клубы на изучаемом языке, какое-никакое страноведение, — все это давало возможность неплохо, хоть и не идеально, выучить язык. Языковые спецшколы сразу же становятся пристанищем номенклатуры и городской интеллигенции: если в математических школах требовалась настоящая одаренность, то, чтобы попасть в первый класс вожаемой английской или французской школы, нужно было лишь пройти небольшое собеседование.

В спецшколах был довольно серьезный идеологический прессинг, в том числе и на уроках иностранного языка: требовалось заучивать наизусть так называемые «топики», готовые

тексты, в которых, главным образом, говорилось о преимуществе социалистического строя перед капиталистическим, а в старших классах еженедельно проводились уроки чтения и анализа газетных статей на изучаемом языке. И тем не менее, воспитание пропагандистов шло с трудом: в форточку, приоткрывшуюся в железном занавесе, в страну проникали пластинки Beatles и Rolling Stones, журнальчики Playboy, а чуть позже — и видеокассеты с западными фильмами, которые с удовольствием слушали, читали и смотрели умники из спецшкол. Благо, среди родителей было немало тех, кто выезжал за рубеж.

Эффект получился прямо противоположный ожидаемому: ученики спецшкол были твердо убеждены в преимуществах капиталистического строя перед социалистическим. Если в языковых спецшколах было меньше открытого вольнодумства, чем в математических, то в искусстве виртуозно саботировать и игнорировать идеологические разнарядки, сохраняя внешнюю лояльность, их ученикам не было равных.

Учителя-новаторы

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. начинается движение учителей-новаторов. Так с легкой руки Симона Соловейчика стали называть учителей, которые создавали внутри неповоротливой советской системы школы нового типа. Если математические и языковые спецшколы возникали и развивались преимущественно в столице и крупных университетских городах, то учителя-новаторы, напротив, работали по всей стране: вдали от высокого педагогического начальства экспериментировать было проще. Так, Михаил Щетинин работал сначала в Белгородском районе, потом в Краснодарском крае, Виктор Шаталов — в Донецке, Шалва Амонашвили — в Тбилиси, Игорь Волков — в подмосковном Реутове.

При крайнем разнообразии подходов и идей педагогов-новаторов объединяло стремление превратить ребенка из объекта педагогических манипуляций в субъекта, вокруг которого и для которого и создается учебный процесс. По большому счету, это был возврат к той самой субъектной педагогике 1920-х годов и, прежде всего, к идеям Льва Выготского: о зоне

ближайшего развития, где происходит творческое сотрудничество ученика и учителя, о формировании горизонтальных связей между учениками, об индивидуальных образовательных маршрутах и просто о нормальном человеческом отношении к детям.

В 1986 году Симон Соловейчик собрал неформальную конференцию учителей-новаторов, итогом которой стал манифест «Педагогики сотрудничества», где были изложены — пусть и в несколько наивной и декларативной форме — принципы, на которых должна была строиться школа будущего. Во многом этот манифест предопределил пути, которыми стала развиваться новая, перестроечная педагогика.

Вверх по эскалатору, ведущему вниз³

Возврат России к авторитаризму в последнее десятилетие сопровождался сворачиванием либеральных школьных реформ. Сохранение альтернативных авторских школ и вообще образовательных ценностей стало одной из форм сопротивления режиму, пусть и не самой заметной для людей, далеких от образования.

Вероятно, именно это стало причиной весьма неожиданного и пока не исследованного феномена: уезжая из России с началом войны, люди увозят с собой в эмиграцию свои школы. С таким, пожалуй, не сталкивалась еще ни одна волна русской эмиграции.

В нашем исследовании приняло участие около сорока человек. Это учредители новых школ и учителя, родители и ученики. Конечно, этого недостаточно для серьезного социологического исследования, но позволяет сделать выводы о размахе и уникальности разворачивающегося на наших глазах процесса.

Для респондентов этот разговор оказался чрезвычайно важным: люди говорили значительно больше, чем требовалось для интервью, очень волновались, казалось, что им важно

3. The Moscow Times. 23.02.2023. URL: <https://www.moscowtimes.ru/2023/02/23/vverh-po-eskalatoru-iduschemu-vniz-a34990>

выговориться. Именно поэтому мы постарались сохранить их прямую речь как бесценный документ эпохи. Но мы сохраняем и конфиденциальность некоторых участников исследования: все имена и личные данные респондентов кроме основателей и руководителей школьных проектов, изменены.

«Я открыла школу, чтобы не сойти с ума

Новые школы начали открываться всего спустя несколько недель после начала войны. Многие респонденты подчеркивали, что для них самих это стало способом спастись от депрессии и паники.

Марико Монахова, директор-основатель черногорской школы «Адриатик Нови», открыла школу просто чтобы не сойти с ума: «Когда я приезжала по вечерам домой, я садилась на террасе, смотрела на плывущие по заливу паромы и понимала, что жизнь продолжается и мы должны вытащить детей из этого ужаса. И вот сейчас я понимаю, что меня отчасти это спасло».

Елена Чегодаева, основательница Свободной школы в Ереване, переехала в Армению 3 марта, школа открылась 4 апреля: «В тот день я впервые с начала войны перестала плакать, у меня было относительно хорошее настроение. Мой молодой человек сказал, что надо организовать школу. Я люблю все организовывать, и я согласилась. Потом плакать было уже просто некогда: через две недели мы уже открывали в обычной ереванской шестикомнатной квартире школу для наших первых сорока учеников».

Назвать черное черным, а белое — белым

Учителя хороших школ были одними из первых, кто стал покидать страну уже в первые дни после начала войны. Не в последнюю очередь из-за того, что для многих сразу стало понятно: даже те хрупкие ростки свободной педагогики, которые еще оставались в стране, неминуемо будут раздавлены, работать как прежде уже не получится. Как сказал Дмитрий, учитель математики одного из московских лицеев, «еще задолго до начала войны было ощущение, что мы все, пытаясь спасти остатки нормального образования, словно бежим вверх по идущему вниз эскалатору. Когда началась война, мне стало казаться, что

эскалатор стремительно летит вниз, и теперь бежать вверх надо с утроенной силой».

С ним согласна Ирина, преподаватель английского языка: «Сразу же появилось ощущение, что надо срочно уезжать, как из горящего вертолета выпрыгивать. Не выпрыгнешь — так и будешь всю жизнь стоять и смотреть — Поэтому я решила рискнуть: ради того, чтобы белое было белым, а черное — черным, чтобы отказаться от двойной бухгалтерии и двойной жизни».

Когда началась война, в школе «Le Sallay Диалог», проходила очная сессия в Турции (школа работает в очно-заочном режиме, чередуя периоды дистанционной учебы с двухнедельными очными сессиями). Вспоминает Екатерина Кадиева, основательница школы: «Почти все наши учителя сказали: мы, пожалуй, в Россию назад не полетим. Пришлось срочно придумывать, куда релоцировать команду, как делать им легальные ВНЖ. Тоже кстати сильная история — улететь с чемоданом ручной клади на две недели в Турцию и больше никогда не вернуться домой...»

Россию покидали не только рядовые учителя: многие респонденты подчеркивали, что занимали высокие позиции в системе образования: участвовали в разработке актуальных проектов Министерства образования («Айти полигон», «Мат-вертикаль»). Один из респондентов отметил, что занимался стратегическими разработками для системы дистанционного образования «Фоксфорд».

Школьный оркестр

Спасение учителей, внезапно оказавшихся выброшенными из любимых школ, — одна из задач, которую ставили перед собой основатели эмигрантских школьных проектов. Их костяк составили учителя лучших московских и петербургских школ: «Новой школы», Европейской гимназии, школы «Летово», «Интеллектуала», Лицея имени Вернадского, «Белой вороны», «Апельсина», московской 57 и петербургской 610 школы. Высочайший профессионализм оказавшихся в релокации учителей отмечают практически все респонденты: и сами учителя, и родители, и ученики.

«Для меня огромным открытием было то, насколько профессиональны учителя в моей школе, — говорит Марина, преподаватель математики, — иногда зацепишь, как с детьми работают, что делают, как продумана и построена у них программа — для меня просто новый мир открывается каждый раз!»

Лиза Пантелеева, основательница частной школы в Фетихие, довольна, что ей удалось собрать у себя сильных учителей из хороших школ: «Мы школу открывали практически на коленке, но удалось выцепить классных педагогов. Мы собрали очень прикольную команду энтузиастов с горящими глазами, которые в первых рядах уехали из страны».

Анна Пучкова, директор школы «Проектор», подчеркивает, что ей нужны не только выдающиеся именитые педагоги: «Школа — это оркестр. В нем должны быть не только звезды, но и те, кто будет им аккомпанировать».

Устроиться на работу в хорошую школу не так-то просто: предложение сейчас существенно превышает спрос. Преподаватель биологии Геннадий рассказывает, что хотел бы устроиться в школу в Тбилиси, но пока что у него это не получается, и он вынужден продолжать зарабатывать репетиторством, главным образом подготовкой к ЕГЭ онлайн: местный рынок подобных услуг мал, и цены на них значительно ниже московских.

Некоторые респонденты отметили невысокую, по московско-петербургским меркам, зарплату учителей. Анна и Алексей, супружеская пара педагогов из Москвы, преподающая в одной из частных школ Тбилиси, возражают: получают, по местным понятиям, немало, к тому же они вообще считают себя «редкими птицами»: релокантам крайне трудно найти работу по специальности.

При приеме на работу может быть серьезное тестирование. Елена Чегодаева просит кандидата провести лично для нее урок: «Я веду себя, как самый сложный ребенок в классе, который скачет, вертится, орет, нарушает правила, не делает домашнюю работу. И я смотрю, как они справляются».

В школе «Проектор» разработана программа стажировки кандидатов: «У нас есть двухнедельный онбординг-курс, который проходит каждый педагог, приходя к нам: наши ценности, принципы. У нас есть большое количество прописанных

гайдов, хендбук для педагогов. Каждые каникулы у нас один день бывает полноценный тренинг для педагогов. Мы туда встраиваем те темы, которые нам кажется максимально актуальными».

Несмотря на демократизм и прозрачность, педагоги авторских столичных школ иногда чувствуют себя неуютно в новых условиях. Главным образом из-за отсутствия прочных горизонтальных связей и отсутствия принципа делегирования ответственности. «В моей старой школе мое мнение было важно, если я видела проблему, шла к администрации, предлагала решение и говорила, что я это решу. Здесь я пришла в систему, которая уже сформировалась, и от меня нужна скорее исполнительность, чем какое-то метавидение», — рассказывает Анастасия, учитель одной из релоцированных школ.

Старые школы в новых обстоятельствах

Русские школы вне России существовали и до войны. «Адриатик колледж» в Черногории, «Проектор» в Тбилиси, «Le Sallay Диалог» — давние, хорошо известные школьные проекты с прекрасной репутацией. С началом войны им пришлось существенно измениться. Главным образом, из-за колоссального наплыва учеников.

«Адриатик колледж» открыл два новых филиала: в Баре и в Херцег-Нови, готовится открытие третьего, в Подгорице. Существенно расширилась тбилисская школа «Проектор»: с 120 до 320 учеников. Весной, вспоминает директор школы Анна Пучкова, пришлось открыть для вновь приехавших детей вечерние подготовительные классы.

Некоторые школы существенно пересмотрели концепцию. «Мы приняли решение не играть ни в какие-то игры — рассказывает Сергей Кузнецов, основатель школы «Le Sallay Диалог», — и сразу выступили со стейтментом по поводу происходящего, заявили свою позицию: что думали, то и написали, мы иначе поступить не могли ни по политическим, ни по этическим соображениям. Из этого следовало, что мы больше не можем учить детей, живущих в России. И не потому, что российские дети не заслуживают хорошего образования, но я не знаю в какой момент тот факт, что ребенок учится в шко-

ле, руководство которого делает подобные заявления, навлечет на ребенка и его родителей серьезные неприятности. Так что в течение двух недель после начала войны мы приняли решение, что от российского куррикулума мы отвызаемся и подготовкой к ОГЭ больше не занимаемся». Большинство учеников «Диалога» также переехало из России, заключает Кузнецов.

Сарафанное радио релокации

Родители, покидая Россию, часто выбирают страну по школе. «Некоторые люди приезжают в город потому, что по сарафанному радио сказали, что там хорошая школа, — рассказывает Елена Чегодаева. — А были и такие, которые ездили по странам и смотрели школы, им понравилась наша, и они решили остаться».

Об этом же говорят и родители: «Мы приехали в Грузию летом, выбрав школу. Это была одна из основных вещей, которая нас интересовала. Информацию искали в интернете, в соцсетях. Составили список школ, потом поговорили с теми, кто понравился и выбрали то, к чему душа легла», — рассказывает Вероника.

Часто определяющую роль играет личное знакомство с организаторами или учителями. «Мы узнали, что наши любимые учителя переехали в Черногорию, — говорит отец троих детей Николай, — поэтому у нас не было никаких сомнений: перебираемся туда. Хотя в жизни детей и произошли огромные перемены, у них сохранилось главное: кусочек их родного лица».

«Большинство людей, которые учатся в „Адриатик Нови“, — говорит Марико Монахова, — это или мои знакомые или знакомые знакомых, или они со мной в походы ходили, или на моем онлайн-курсе занимались. Многие приехали, наблюдая в соцсетях за тем, что мы делали».

Все без исключения респонденты повторяли слово «ценности» — те самые, что создавались, бережно хранились и размножались в демократических авторских школах последние тридцать лет.

Свобода мысли

Большинство респондентов безусловной ценностью называли свободу мысли. Рустам Курбатов, основатель и директор школы «Открытый ковчег», формулирует это так: «Свобода — в том, что ученик не повторяет за учителем, а спорит с ним, высказывает свое непонимание, недоумение. Свобода думания. Свобода действия — делать только то, о чем ты подумал и делать только то, что ты захотел. Это значит, что ученика нельзя принудить делать домашнее задание, отвечать на уроках.

Марико Монахова также считает, что важнейший навык, которому должна научить школа — это умение самостоятельно мыслить, самостоятельно работать с информацией. «Мы хотим вырастить из них людей, которые сами будут принимать решения: что для них это важно, что им это надо. Чтобы для них возымело смысл строительство этого дома, они должны понимать ценность каждого кирпичика, который они закладывают».

Именно такую школу искала для своих детей Надежда: «Мне не так важно, сколько академических знаний впихнут в моих детей, сколько дадут свободу говорить, думать, выражать свое мнение».

Гуманистический подход

«На одной из лестниц нашего школьного здания, — вспоминает Марико Монахова, — мы проводили мастер-класс по граффити, и человек, который его проводил, написал три очень важных слова: безопасность, поддержка и внимание. И кажется, это то, что нужно нам всем, причем не только детям. Каждого человека нужно заметить, каждый должен чувствовать себя в безопасности: психологической, физической, эмоциональной, и каждому нужна поддержка».

Алина, преподаватель физики, отмечает, что базовым принципом в ее школе является нулевая толерантность к насилию и любым проявлениям национализма.

Нина, учитель начальных классов, говорит, что ей важнее всего, чтобы у детей нормально сформировались ценности, ориентиры и отношение к учебе. «Я не суперсторонник си-

стем, где миллион правил, школьная форма, детям надо много учиться. Я отдаю предпочтение человечности, социальным навыкам».

Анна Пучкова полагает, что современные образовательные подходы — не навороченные компьютерные классы и уроки робототехники: «Мы очень верим в софт-скиллз, самоопределение, целеполагание, планирование, умение работать в команде».

Марико Монахова считает важным через волонтерские проекты интегрировать детей в жизнь общества, которое их принимает: «Мы стараемся быть максимально деликатными, мы стараемся помогать городу. На каникулах каждый должен что-то сделать для города: кто-то газету, которую развешивают на досках объявлений, кто-то идет собирать мусор, кто-то починит скамейки в парке, кто-то приведет в порядок заброшенный стенд с туристической картой на набережной. Я оказалась тут и считаю нужным приносить помощь тем, кто остался без точки опоры и интеграция в общество, которое меня принимает».

Индивидуальная траектория

«У нас очень персонализированный подход к каждому ученику, — констатирует Екатерина Кадиева. — У нас с самого начала были очень маленькие группы, и они могут быть мультивозрастные. В одной группе могут быть дети 11-12-13 лет в зависимости от стартовых знаний. Один ребенок может быть в более сильной группе по математике и менее продвинутой по литературе. И это позволяет нам, если ребенок талантливее по одному предмету, двигать его вперед, но не быстрее, а глубже. Мы убеждены, что мало кто умеет в 10 лет определить уровень одаренности ребенка. То есть я бы сказал, что мы не принимаем одаренных и талантливых детей. Мы выпускаем одаренных и талантливых детей».

Вера, чьи дети учатся в «Адриатик-колледже», радуется, что на детей заметно меньше давят, чем это было в их московской школе, что между учителями и учениками — очень дружелюбные и мягкие отношения: «Для нас очень важно, что здесь пониманием относятся к дисграфии среднего ребенка.

А у старшей есть возможность заниматься по продвинутой программе по математике, обгоняя класс. Дети расслабились и стали получать удовольствие от школы».

Вне конкуренции

Не менее значимой ценностью кажется отсутствие конкуренции, какого бы то ни было рода рейтингов.

Рустам Курбатов считает, что выдающиеся академические успехи чаще всего бывают связаны с вовлечением ребенка в конкурентную гонку за высшие места в рейтинге: «Те самые лучшие результаты — они достигнуты помимо воли ребенка. Ребенок-то этого не хотел, заставили. Не нужно обольщаться и не нужно признавать эти результаты».

«Мы не устраиваем гонку на выживание, — утверждает Анна Пучкова, — я считаю, что педагогика в том и заключается, чтобы найти подход к каждому. Кому-то мы ставим более легкие задачи, кто-то решает олимпиадные, и у нас есть дети с особенностями и их прогрессом мы гордимся не меньше, если не больше, чем прогрессом тех учеников, которые показывают олимпиадный уровень и углубленные знания по какому-то из предметов».

Марико Монахова подчеркивает: в ее школе детям не ставят оценок и не задают домашнюю работу, потому что дети могут чувствовать себя свободно, лишь когда чувствуют, что им не прилетит, их никто не станет ругать за ошибки.

Михаил, чьи дети учатся в Ереване, был приятно удивлен, когда вместо табеля с оценками сына получил развернутый и очень доброжелательный отчет: «Очень важно, что сначала очень подробно рассказывалось об успехах и достижениях, отмечались не только академические успехи, но и человеческие качества, и лишь потом очень деликатно говорилось о том, что еще пока не получается».

Некоторые учителя сетуют, что безоценочная система, которая практикуется в большинстве новых школ, дается им нелегко: это куда более трудоемкий и для многих непривычный процесс, чем оценивание по пятибалльной шкале.

По мнению Марико Монаховой, в нынешней ситуации, когда дети пережили тяжелейший стресс, связанный с эми-

грацией, «говорить об академических результатах и высоких достижениях бессмысленно» — ребенку надо сначала почувствовать себя в безопасности.

Школа как способ снять стресс

По мнению Евгении, психолога одной из релоцированных школ, это во многом связано с тем, что дети не принимали участия в принятии решения о переезде: «из доступной среды, где они все понимали, им было хорошо, у них была куча друзей, перевозят туда, где ничего этого нет.

Елена Чегодаева вспоминает, что детям, оказавшимся прошлой весной в Ереване, очень хотелось учиться, общаться между собой. Именно поэтому она и решила как можно скорее открыть школу.

Марико Монахова чувствовала, что школа станет спасением не только для детей, но и для взрослых: «Я понимала, что такая школа точно единственное, за что люди могут зацепиться, что мы взрослые просто сходим с ума от событий не можем делать простые вещи, связанные с бытом, а уж заниматься воспитанием детей вообще невозможно».

И учителя, и родители, заметили, что подростки переживают релокацию болезненнее, чем малыши. Как считает учительница начальных классов Александра, «[приехавшие в] Турцию после сентябрьской мобилизации выглядят более дезадаптированными, чем те, кого привезли еще весной: «Представьте себе: ребенок только пошел в первый класс, стал привыкать, и вот его забрали из школы увезли в другую страну, и он снова начал учиться только в ноябре!»

Подростки реагируют гораздо острее. Это заметила Светлана Водолазская, автор онлайн-проекта Creative Thinking: «Я чувствовала себя не математиком, а психологом на выгуле. С февраля они приходили с вопросами, как жить дальше, надо ли нам готовиться или будет ядерная война, и мне нужно было транслировать уверенность, что атомная война неизвестно еще будет ли, а экзамен точно будет и надо не лежать лицом в подушку, а продолжать жить».

Анна Зиндер, соавтор онлайн-проекта «Блуждающая традиграда», сочувствует родителям: они и сами нуждаются

в психологической помощи, а ведь редкий подросток сочувствует родителям, скорее, в силу возраста он их обвиняет. И поддерживать ребенка в этот момент должна именно школа!

Сделать это, правда, непросто: доверие подростка, еще предстоит завоевать. «Один мальчик мне сказал, — рассказывает учительница английского языка Ксения, — прошло полгода, и наконец-то поверил, что все действительно мной интересуются, а не просто делают вид. Я благодаря этому даже готов начать учиться».

Наталье было очень важно, чтобы дети после переезда оказались в максимально комфортной среде, именно поэтому они выбрали «Адриатик колледж»: «Для них и так экстренный отъезд травматичен, а здесь они попадают в среду, максимально близкую к той, в которой они находились дома. Здесь есть и люди, близкие по духу их родителям, и некоторые их московские учителя, и даже бывшие одноклассники, случайно здесь оказавшиеся. Это все создает подушку безопасности».

Уютная русская школа в центре массовой релокации выходцев из России — далеко не единственный вариант устройства школьной жизни на новом месте.

DOI: 10.55167/b953efe8obbe

Истоки и перспективы наднационального образования

О гражданском обществе, демократии и мировом праве

Юрий Сенокосов

Невозможно строго объяснить [...] возникновение западной цивилизации... Несколько раз новое должно было погибнуть, но не погибало.

Г. Померанц. Выбор XXI века

Говорят, что после появления компьютера социальные сети заменили гражданское общество. И в это можно поверить, не зная, что гражданское общество начинает свою жизнь с метафоры света в одном из поэтических посланий древнеримского поэта Горация (65 год до н. э. — 8 до н. э.).

Чтобы резать человека, разбойник встанет до света, говорится в Послании. Так неужели ты не проснёшься, чтобы уберечь себя? Стоит ли уподобляться глупцу, ждущему, когда мимо него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег? Не лучше ли немедленно начать упорядочивать свою жизнь, нежели ждать, пока она кончится? Тот, кто начал, сделал уже половину дела. Дерзни мыслить. *Sapere aude!* Решись?

Можно ли знать, чему не учился и о чём не думал? О государстве, которое может вызывать уважение своей силой, а не ненависть своим произволом. О власти, достигающей поставленных целей не из страха или недоверия перед народом, а из знания того, как сохранить общественное спокойствие. О необходимости свободы — во всех случаях жизни — публично пользоваться своим умом.

«*Sapere aude!* — имей мужество пользоваться собственным умом!» — провозгласил спустя почти 2000 лет после Горация Иммануил Кант в эпоху Просвещения. Что он имел в виду? Ведь заставить человека стать просвещенным невозможно.

Социальные сети не заменили гражданское общество, так как его нельзя заменить после того, как оно появилось во время встречи лицом к лицу власти и будущих граждан. И их разговора на равных в Англии в июне 1215 года, когда бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Magna Carta — Великую хартию вольностей. С этого и начинается история будущей западной демократии с её верховенством права, разделением властей, независимой судебной системой и защитой меньшинств.

То есть, иначе говоря, с *ограничения* власти короля и предоставления привилегий рыцарству, верхушке свободного крестьянства и городам.

Казалось бы, ясно и просто, но почему-то в такой стране, как Россия (и не только), этого не произошло. Хотя ответ, казалось бы, тоже очевиден, и мы вернемся к нему. А пока коротко о Великой хартии, которая содержит 63 статьи, и две из них, по словам Дэнни Данцигера и Джона Гиллингэма, авторов книги, посвященной её 800-летию, «и сегодня звучат с прежней силой, выражая стремление человечества к свободе».

39. Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдём на него и не пошлём на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны.

40. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их.

«Благородство идей, — пишут авторы юбилейной книги, — и удивительная стройность формулировок, их выражающих, возвели этот законодательный документ в ранг культовых, бессмертных творений. Америка чтит Великую хартию вольностей как краеугольный камень свободы в её современном понимании. Великобритания относится к ней с не меньшим почтением. Великую хартию всегда считали юридическим документом, одновременно основополагающим и в высшей степени романтическим; образ мятежных баронов, обуздав-

ших власть ненасытного монарха, вполне отвечает британским представлениям о справедливости и честной игре»¹.

Это современная оценка Хартии и ее явного успеха, история которого полна между тем драматизма, начиная с отказа короля Иоанна от ее исполнения. Однако текст Хартии не исчез и продолжал свой поистине триумфальный путь несмотря на продолжавшиеся конфликты, разногласия и войны. Самое яркое свидетельство этому — появление в Англии парламента через 50 лет после её подписания.

Чтобы успешно править страной, нужна поддержка общества.

По словам историков, король Генрих III, сын Иоанна, продолжавший конфликтовать с баронами, в 1264 году проиграл это противостояние, и бароны «взяли его под опеку», организовав особый совет из девяти членов. Потому что прецедент (так рождается будущее прецедентное право) уже был. Прежние бароны, восставшие против короля Иоанна, предвидели его нежелание следовать Хартии и заложили в документ механизм своей защиты в 52 статье.

Если кто был лишен нами [королем], без законного приговора своих пэров, (своих) земель, (своих) замков, (своих) вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов.

Кто были эти двадцать пять баронов? Статья 61 гласит:

Бароны должны избрать двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают [соглашается король, подписывая Хартию]... чтобы, если мы или наш юстициарий, или бэйлифы наши, или кто-либо из слуг наших, в чем против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим... тогда те двадцать пять баронов совместно с общиной всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению.

1. Данцигер Д., Гиллингэм Д. 1215. Год Великой хартии вольностей / Пер. с англ. В. Болотникова и А. Климина. Эрвез, 2009. С. 13.

Таким образом, после того, как Великая хартия вольностей была скреплена королевской печатью и в стране был провозглашен мир, «совет двадцати пяти» приступил в Лондоне к работе. Он состоял из врагов-оппонентов Иоанна и теперь всё зависело от их решения, так как речь шла не просто о государственной реформе, а об «уничтожении суверенитета короны, — утверждают Данцигер и Гиллингэм. — Ни один король не пошел бы на это. А посему согласие Иоанна являлось не чем иным, как тактическим ходом, рассчитанным на то, чтобы выиграть время»².

Во взаимоотношениях Церкви (духовной власти) и Государства (секулярной, свободной от церковного влияния, светской власти) тогда существовали проблемы, обойти которые можно было лишь с помощью взаимных уступок. Но такая возможность появится позже, и король Иоанн только делал вид, что подчиняется условиям Великой хартии. Используя свою власть, он не делал никакого различия между баронами, церковью и народом. И, возможно, баронам не удалось бы поднять против него восстание, если бы не столкновение короля с церковью. А также его конфликт с главой католической церкви — папой Иннокентием III, который продолжался с 1208 по 1213 год, когда Иоанн присягнул на верность папе, и в июле 1215-го тайно отправил в Рим просьбу отменить хартию.

На это стоит обратить внимание, учитывая продолжавшуюся борьбу в Европе за будущую демократию, включая такие ее исторические вехи, как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

39-й статьей Великой хартии английские бароны фактически заставили короля Иоанна признать, что он первый, но среди равных ему. А при короле Генрихе III и появившемся особом совете из девяти членов, взявших управление государственными делами в свои руки, в 1265 году состоялся первый созыв Парламента Англии, в котором участвовали дворяне (бароны и графы), духовенство (епископы и аббаты) и по два горожанина от каждого крупного английского города.

2. Там же, с. 291.

Разумеется, английские бароны стремились с помощью хартии защитить прежде всего свои имущественные интересы и владения от произвола королевской власти. Остальным подданным она не прибавила сразу прав и свобод. В пределах феодального поместья воля барона продолжала сдерживаться обычаем и условиями хозяйственной жизни, и лишь постепенно эти условия менялись в направлении завоевания тех прав, которые провозгласила хартия. Важно было юридически сформулировать принципы экономической и гражданской свободы, открывшей дорогу к появлению парламента как института сословного представительства, остававшегося, по словам Ричарда Пайпса, до конца XV века «прислужником» короны, затем превратившегося в её партнера и, наконец, после 1640 года — в её господина³. Именно тогда, во время революции, на основе предшествующего исторического опыта, появилась первая концепция разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

«Можно, таким образом, сказать, — отмечает Пайпс, — что конституционное развитие Англии шло под гром барабанов её финансовой истории. Это классический и наглядный пример того как богатство частных лиц налагает ограничения на власть государства» (с. 165).

Решающую роль в Английской революции XVII века сыграл упомянутый «господин», так называемый долгий парламент (1640–1653), ставший центром оппозиции абсолютистской политике первых Стюартов. Во время революции и гражданской войны, перехода Англии от монархии к республике, закончившегося смертью Кромвеля (1658), и затем вновь реставрации монархии Стюартов (1660), парламент был восстановлен в дореволюционном виде, и в стране начали формироваться известные политические партии вигов и тори. Виги, пришедшие к власти после «Славной революции» (1688–1689), добились ограничения власти монарха и расширения полномочий парламента.

3. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 164.

Согласно Биллю о правах (1689), король в Англии больше не имел права приостанавливать действие законов или их исполнение без согласия парламента, и еще один закон 1694 г. устанавливал ежегодные заседания парламента и регулярные выборы в палату общин.

Так из средневекового сословного собрания английский парламент постепенно превратился в высший законодательный орган конституционной монархии — Британской империи с правилами подачи и утверждения законопроектов — биллей; принципами работы согласительных комиссий и т. д.

Не говоря уже о парламентских свободах: свободе слова (высказывания делегатами мнений, не опасаясь преследования), свободе доступа парламентских делегаций к королю, свободе от ареста за деятельность в стенах парламента.

А в России? Обратимся к трем событиям в российской истории, имеющим отношение к проблемам гражданского общества и демократии.

«Крепостное право есть отсутствие свободной воли — естественных прав и обязанностей», — писал основоположник юридической науки и классического юридического образования в России Михаил Сперанский (1772–1839)⁴.

На территории Западной Европы крепостное право почти исчезло в XIV–XV веках. В Англии в XIV в. произошло освобождение крестьян из личной крепостной зависимости и замена её поземельной. А процесс изменения поземельных отношений в основном был завершён в XVI веке. Если прежде крестьяне обрабатывали собственную землю на основе феодального права, то теперь они лишились своих наделов и прав на общинную землю. Большая их часть была вынуждена превратиться в батраков. Но одновременно происходил процесс усиления свободного крестьянского хозяйства благодаря развитию промышленности, торговли, расцвету национальной культуры — науки, театра, литературы, архитектуры, — что привело к появлению зажиточных крестьян-арендаторов.

4. См.: Нольде А. М. М. М. Сперанский. Биография. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

Поэтому Британская империя неслучайно повлияла со временем на развитие мировой цивилизации, создав культурный, военный, экономический базис, легший в основу государственного устройства многих государств мира.

Вопрос: какой должна быть система государственной власти, чтобы была невозможна диктатура, и как этого достичь? С помощью перестройки, революции, реформ, комиссий? Учитывая, что все это в России уже было.

Известно, как реагировала на пробуждавшееся гражданское сознание в стране российская бюрократия в 60-е годы XVIII века во время заседаний *Уложенной комиссии*, когда зашла речь об отмене крепостного права. Она ответила: народ еще не созрел для свободы, его надо к этому подготовить. Хотя это была самая представительная комиссия (564 депутата) по сравнению с другими предшествующими комиссиями, созданная Екатериной II для составления нового свода законов. И через два года объявившая о ее роспуске.

Однако не без влияния идей Французской революции, в самом начале которой была, как известно, провозглашена Декларация прав человека и гражданина (1789), в России через два десятилетия снова заговорили о «правах гражданина» и о свободе: Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», декабристы, поэты.

Но что характерно, и на это не обращают обычно внимания, в начавшейся подготовке к проведению *Крестьянской реформы 1861 года* («бескровной русской революции», как назвал ее с гордостью Достоевский), отменившей крепостное право, участвовали только просвещенная интеллигенция и просвещенное дворянство, но не участвовало «третье сословие», то есть, казалось бы, наиболее заинтересованная в этой «революции» буржуазия, появившаяся в России в результате развития товарно-денежных отношений. Она не выдвигала естественных для нее требований: права на свободу личности, равенства граждан перед законом, защиты от произвольного ареста, неприкосновенности частной собственности. К гражданским и политическим правам, которых долгое время добивалась европейская буржуазия, русская буржуазия фактически до начала XX века была равнодушна.

Поэтому не случайно в своем стихотворении «Поэт и гражданин», опубликованном до крестьянской реформы, в 1856 году, поэт-предприниматель Н. А. Некрасов вопрошал:

Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?

И несколькими строчками выше его известная фраза: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

И напомним забытую формулу еще одного русского поэта — декабриста К. Рыльева не об обязанности, а чувстве гражданской свободы: «Я не поэт, я гражданин».

Именно этого чувства свободы и стремления к ней и боялась долгое время царская, а затем советская власть, поскольку последняя была абсолютно уверена, что «власти не потребно право — ей достаточно закона» (С. С. Алексеев). И оправдывала свою политику и действия «социалистической законностью», не нуждавшейся в праве как основе юриспруденции. Но при этом в стране широко употреблялось слово «гражданин». В каком значении? В значении «гражданин начальник». Так в тюрьмах, и судах, в прокуратуре и заключенные, и даже только подозреваемые в чем-то люди могли обращаться к официальным лицам, свидетельствуя тем самым о взаимной отчужденности «граждан» в соответствии с волюнтаристским представлением о законе.

А если отвлечься от укоренившихся при советской власти привычек при употреблении слова «гражданин», что оно все-таки означает? Ведь ясно, что гражданин — это не профессия, не должность, не обозначение принадлежности к патриотам или не патриотам. Как очевидно и другое — оно употребляется в процессе общения людей, в основе которого лежат естественные человеческие отношения, опосредованные институционально.

Появилось же это слово, когда житель города, горожанин, объявил себя *гражданином* (англ. *citizen*, фр. *citoyen*). То есть по меркам исторического времени сравнительно недавно, в Декларации прав человека и гражданина эпохи Французской

революции, которая подвела своего рода итог предшествующему политическому и парламентскому развитию европейского общества.

Корнем слова «парламент» является французское *parler* — говорить.

Известно, что языком общения в Англии XIII века и позже был французский язык, а английской простонародной речью пользовались крестьяне и ремесленники. Поэтому и парламент был назван по-французски. В самой же Франции появились Генеральные штаты — высшее совещательное учреждение сословного представительства страны в 1302–1789 годах.

Вернемся к провозглашенному 19 февраля 1861 г. Александром II манифесту об отмене крепостного права — «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей».

Крестьянство, недовольное условиями реформы, ответило на него (вопреки словам Достоевского) массовыми волнениями. Уже в течение первого года после начала реформы было зафиксировано 1176 крестьянских восстаний и они не прекращались.

Говорят, благополучие Запада держится на хороших привычках — дисциплине труда, ответственности, уважении к закону.

Исторический опыт России показывает, что рабские привычки не исчезают даже за несколько десятков лет, когда свободы добываются методами террора, подобно народникам, убившим после нескольких неудавшихся покушений царя-освободителя в 1881 году.

Третье событие — *Манифест 17 октября 1905 года Николая II* об усовершенствовании государственного порядка — один из первых важных шагов в направлении конституционных реформ в России. Он был объявлен царем в ответ на массовые протесты и требования народа во время Революции 1905 года.

Манифест предоставлял населению гражданские свободы и обещал создание Государственной Думы — представительного органа, который должен был участвовать в законодательном процессе и контролировать действия правительства. Но уже своим названием, в отличие от нейтрального слова

«парламент», подтверждал незыблемость самодержавной власти, просуществовавшей до Февральской революции 1917 года, которая привела к свержению монархии, установлению временного правительства и провозглашению Временной конституции, а также предусматривала выборы в Учредительное собрание, которое должно было разработать новую конституцию. И весь этот реформаторский исторический процесс завершился, как известно, Октябрьской революцией, установлением большевистской власти и созданием Советской России.

Мог ли российский народ — без понимания права частной собственности, политических свобод, независимой судебной системы, свободы слова, а также страха после массовых репрессий — стать гражданами?

Постоянная государственная опека и подневольная жизнь на протяжении столетий, не лишив русских людей надежды, постепенно привели к тому, что свои недостатки они незаметно для себя превратили в достоинства и добродетель.

Что делать сегодня, когда процесс буржуазно-демократического развития в России начала XX века, прерванный в 1917 году, снова скован диктаторской бюрократической властью? Как прекратить войну, развязанную Россией? Англии преодолеть последствия брекзита? Не говоря уже об угрозе ядерной войны и глобального потепления? Как реагировать на новые вызовы, такие как развитие и интеграция в общество искусственного интеллекта, сохранение приватности в эру больших данных, генная модификация человека. Что незримо продолжает объединять нас в условиях кризиса — людей разных культур, вероисповеданий, национальностей?

Античные философы когда-то говорили, что не может быть, чтобы в мире существовали только видимые вещи: должно действовать что-то невидимое, потому что иначе предвидеть будущее было бы невозможно. Но что значит предвидеть?

Предвидение — это направленная мысль. На что? На то, что уже допущено самой мыслью. Так как же в таком случае можно увидеть что-то другое? Новое? Ведь из известного нельзя получить неизвестное.

Философский акт, а речь идет именно о философском акте относительно будущего, состоит в том, чтобы блокировать

нашу привычку думать картинками. Ибо, только убирая картинки из нашего сознания, мы начинаем мыслить в горизонте того, что философы называют смыслом — смыслом истории, смыслом жизни, который никогда не реализуется и не исполняется в виде конкретного события, например демократического устройства, которое было бы примером достигнутого смысла. Смысл (а он всегда полный) не есть предмет, где-то якобы существующий для нас и находимый в мире, подобно полному стакану. Подобная полнота, заключенная в форме ли стакана или государства, обманчива.

Таким образом, чтобы быть гражданами современного мира и жить социально грамотно, нам нужно понимать некие отвлеченные истины относительно самих себя.

Характеризуя в романе «1984» своего героя Джордж Оруэлл писал: «Он был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, *преemptивность* каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому что вы сами сохранили рассудок».

Многим знакомо чувство беспомощности, когда оказываешься в ситуации бессилия. И радуешься, если в это время появляется кто-то, чтобы помочь. Случай с Оруэллом именно такой.

В «Википедии» есть статья «Хронология изобретений человечества», поражающая резко увеличившимся после XVII века числом научных открытий и множеством выданных патентов на технические изобретения, характеризующих эпоху Нового времени. За три века (XVIII–XX) в десять раз!

То есть перед нами знание, явно свидетельствующее о том, что оно влияет на образ и качество человеческой жизни. Но удивительно, что в XX веке стремительно растет население на планете в тех странах (в Китае, Индии, Африке и т. д.), где сохраняется традиционный образ жизни, а ее качество, возрастая, меняется в странах так называемого Запада. Почему?

Благодаря как прошлым, так и современным «философским изобретениям».

«Ведь мы не можем сегодня мыслить так, как если бы не было, скажем, Декарта или Канта, — говорил Мераб Мамардашвили во время одной из наших с ним бесед. — Выполнение

логической операции еще не означает выполнения акта мысли. Это может быть и псевдоакт... Лишь после спонтанного возникновения таких автономных образований, которыми являются философские изобретения, появляется сама возможность помыслить то, что я мыслю»⁵.

Почему важна идея преемственности и о каких изобретениях идет речь?

О платоновской идее общественного блага, декартовской процедуре радикального сомнения, кантовских критиках, феноменологической редукции Гуссерля.

Философских изобретений, в отличие от научно-технических, немного, и все они так или иначе воспроизводят античную парменидовскую интуицию бытия как мысли. Когда мыслить и быть — одно и то же. «Мысль о бытии есть способ бытия мысли», — говорил Мамардашвили.

Однако со временем развитие науки и техники вытеснило «бытие» и привело к появлению понятия «объект» и так называемой объективной реальности. А затем мышление и реальность (также как число и цифра, слово и миф) расходятся, и состояние мышления, обращенного к реальности, вообще перестает соответствовать потенциальной природе того, каким оно было. Так произошло в гитлеровской Германии и в СССР.

Возвращаясь же к интуиции Парменида, можно задать вопрос о «тайне» тождества бытия и мышления или, другими словами, о «философской вере без оснований», потому что когда мы в мысли, мысль есть именно то, чего мы не видим, но посредством чего видим все остальное, считая это реальностью. И на этом пути из своего тела и души (мысли, чувства, воли, желаний) ткем пелену рефлексивных объективаций, продуктом которых и являются наши понятия и т. д. Это самый трудный пункт для понимания, что такое мысль. Тут и возникает фундаментальная разница между тем, как мы совершаем акт мышления, и тем, что совершается в самом этом акте, не замечая (привожу еще две фразы М. М.), что «наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понимать происходящее».

5. Идея преемственности и философская традиция // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 265.

«Впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю».

То есть, совершая акт мышления, казалось бы, сознательно, мы оперируем знаками и предметно-логическими образованиями, но при этом через нас действует что-то другое. И поэтому мысль как таковая, когда она становится предметом философствования, ни для кого не предназначена. Она не для просвещения, если человек сам не предпринял для этого личных усилий. То есть не отличил хотя бы раз в своей жизни понятие мысли от самой мысли, и, следовательно, твоя (наша) задача, когда она озарила тебя (нас), попытаться каким-то усилием удержать ее.

Только так, вопреки всем научным и техническим изобретениям, используемым как во имя добра, так и зла, философские изобретения помогают сохранять человечность.

И возвращаясь к Дж. Оруэллу. Поскольку сказанное автором знаменитого английского романа имело отношение к теме нашей беседы с М. М. об «идее преемственности», я процитировал его в самом начале беседы.

Спустя более 30 лет содержание этой беседы можно свести к следующим тезисам:

- «Философские изобретения» имеют в западной культуре столь же важную, если не большую сегодня роль, чем научно-технические изобретения и открытия. Наша беседа была не диалогом или интервью, а, скорее, мастер-классом для меня о понимании отношения к прошлому и будущему. Или, другими словами, о понимании «вечного настоящего». Так как речь шла не о сознании о чем-то, каком-то опыте, а о том, что можно назвать опытом самого сознания в состоянии «я есть — я мыслю».
- «Не потому, что вас кто-то услышал» и «не потому, что вы услышали кого-то другого до вас» — это и есть свидетельство преемственности, подтверждающее, что «вы сохранили рассудок», который позволяет эмпирически далекому стать близким, а близкое связать с будущим. Не случайно такие чувствительные люди, как

Мандельштам (по словам Мераба), говорили о дальнем собеседнике. И это не вопрос психологии. Вся проблема дальности и близости завязана здесь на предпосылочное отношение к любым содержаниям, которые могут возникать и которые являются реализованными мыслительными возможностями.

- То есть здесь возникает такая связка: мы живы в том мыслительном акте, который выполняем сейчас, если держим живыми, а не умершими в тексте своих предшественников. Если жив Кант, если мысленно мы держим Канта живым, то живы и мы. И это есть бесконечная длительность сознательной жизни. Ее бессмертие.
- Язык может быть разным. В разных культурах он не только разный, но и к тому же меняется. Хотя говоримое, на первый взгляд, неотличимо от думаемого.

Школа гражданского просвещения не о профессии, а о понимании смысла получаемой профессии. И наша гражданская задача — помочь думать живой голове, а не надеяться на создание искусственного интеллекта, искусственной головы.

«Умом Россию не понять...», — сказал русский поэт в XIX веке. Но это в прошлом. В последние годы мы часто слышим другое: «Россия — особая страна. У нее особый путь».

Действительно, особый, начиная с событий большевистского переворота 1917 года. Именно тогда во время захвата власти у большевиков окончательно сформировался безусловный положительный рефлекс на слово «пролетариат» и отрицательный на слово «буржуазия». И после этого, осваивая азы марксистско-ленинской теории классовой борьбы на практике, они начали и при Сталине продолжали массовый террор не только против буржуазии. Чему следовал и Путин, получивший власть и заразивший свое окружение манией возрождения политической советской системы и опричнины.

Между тем история человечества убедительно показала возможность и преимущество другого, мирного развития общества: с помощью философии, права, искусства.

Человек сегодня существо планетарного масштаба, которое хочет все иметь, всем владеть, управлять, все подавлять, используя все научные открытия и технические достижения.

Можно ли изменить эту ситуацию? Каковы наши альтернативы — как в отношении планеты, так и на уровне отдельных стран? Как вывести мир из милитаристского определения безопасности? Каковы наилучшие методы для стимулирования развития перехода от культуры войны, насилия, подозрительности, пропаганды, образа врага к культуре невойны, ненасилия, сотрудничества, взаимопомощи, мира? Можем ли мы, задавая эти вопросы, ответить на них?

Зачем нам сегодня просвещение, а не только образование? Разве недостаточно уже образованных профессионалов-айтишников для решения экономических, политических и прочих проблем?

Недостаточно. И даже интернет не поможет. Он лишь помогает наращивать механическое знание. А механически так называемые гуманитарные, жизненные цели не решаются, потому что при этом не передается свет ума. Их решение возможно лишь в публичном пространстве мира, а не войны.

Фрэнсис Фукуяма во время беседы с Нилсом Гилманом и Джонатаном Блейком, опубликованной 29 апреля 2021 года сказал, что в настоящее время особенно актуальна потребность в международном сотрудничестве, но прежде чем создавать наднациональную структуру, нужно продумать стратегию достижения этой цели, так как политические институты долгое время были просто машинами для накопления власти и не использовали свои полномочия в конструктивных целях.

Зло и добро абсолютны, и мораль абсолютна, а наше отношение к морали должно быть относительным. Без понимания этого на дорогу свободы не выбраться. Европейцы это сумели, конвертируя религиозные заповеди в мораль, а затем мораль в нормы права.

В природе нет целей. Только человек обладает способностью ставить перед собой цели. И задаются они нашей телесной, чувственной природой — желаниями и потребностями, которые политики часто называют интересами.

А цели, свободные от чувственной заинтересованности человека, существуют? Да, это цели моральные, диктуемые, по словам Канта, нашим разумом. Человек свободен, когда действует исключительно ради морального долга. Но жить по правилам только морали он не может. И ведет себя, как правило, свободно, исходя из интересов и потребностей (личных, групповых, государственных), не задумываясь, что эта его свобода и свобода другого неизбежно порождают конфликты и войны. Поэтому Фукуяма по-своему прав, когда говорит: «Я не вижу способа, при котором управление применением насилия могло бы быть делегировано вышестоящим наднациональным структурам».

Однако, на мой взгляд, такой способ очевиден. Это подтверждает известная фраза о «пессимизме ума и оптимизме воли», выражающая суть права как такового. Его составляющие — постоянный дефицит необходимого знания и осознанная готовность «делать свою работу». Согласно кантовскому императиву, поступки наши нравственны, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

Мировое право — это не цель, а движение к цели, ибо целью является мораль, конвертируемая в право. Закон обязывает, а право позволяет, открывает возможности.

DOI: 10.55167/ccff5546de81

**КАК
НЕ СТАТЬ
ЖУРНАЛИСТОМ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ?**

Журналистское образование в Москве 2022–2023

Марианна Вехова

Работа написана под псевдонимом, места и явки, а, возможно, и пол автора перепутаны, так как журнал принадлежит нежелательной организации.

В 2019 году мне исполнилось 16 лет. Я писала тексты для региональной газеты, а в школе, где училась, издавала журнал. В начале 2020 года объявили карантин из-за коронавируса. Тогда коронавирус казался главной проблемой. Я думала, что он ужасно испортил два моих последних года обучения в школе. «Войну и мир», «Один день Ивана Денисовича», «Кому на Руси жить хорошо» и многие другие произведения мы проходили дистанционно. Мне нужно было готовиться к ЕГЭ, ДВИ и многим олимпиадам. Я с ужасом думала, как буду поступать на журфак, как буду становиться журналистом, но точно знала, что хочу связать свою жизнь с журналистикой, несмотря ни на что.

Коронавирус помог мне убедиться, насколько важна журналистика. Во время самоизоляции я постоянно читала новости и статьи о том, что происходит, как пережить карантин. Тогда я поняла, что журналист во время катастроф не менее важен, чем врачи и другие спасатели. Именно журналисты помогают людям не сойти с ума и пережить трагедии. Журналисты объясняют, что, как, где, когда и почему произошло и что можно сделать. Я считаю, что это очень интересно, поэтому захотела стать журналисткой.

Есть еще много причин, почему я стала журналистом. Например, я безумно люблю общаться. Журналистика дает возможность познакомиться и поговорить с совершенно разными людьми. Я для разных материалов общалась и с бездомными, и с бизнесменами, и с разными врачами, юристами, психологами, жертвами трагедий.

Мне с детства говорили: «Куда ты вечно суешь свой нос?» А мне все было интересно. Я всегда хотела пробраться туда, куда остальные боятся или не могут. Я постоянно задавала всем кучу вопросов. Мои родители мне часто говорили: «У тебя слишком много вопросов, хватит нас ими мучить». После уроков я также нередко подходила к учителям, спрашивала дополнительную информацию по теме занятия, которое меня заинтересовало.

Я очень люблю читать и писать. Я была едва ли не единственным человеком в классе, который радовался сочинениям по литературе.

Мне нравилось и нравится фиксировать многие события, которые происходят вокруг меня. Я вела дневник, записывала свои наблюдения.

Но, наверное, главное, почему я решила стать журналистом, — меня всегда угнетает явная несправедливость. Я хочу говорить о чужой боли, чтобы на нее обратили внимание. Журналистика для меня — общественный механизм, который может устранить социальную несправедливость и восстановить настоящую свободную политическую жизнь. Я не могу молчать, когда вижу или слышу, как кто-то страдает, когда кто-то кого-то насилует. Я хочу об этом говорить, чтобы было как можно меньше боли. Я хочу говорить. Поэтому я стала журналисткой.

Когда я сдала ЕГЭ и наступило лето 2021 года, долго думала, куда поступать. Рассматривала в основном московские вузы. В Питер не хотела, так как тяжело переносу петербургский климат. В приоритете у меня были РГГУ, МГУ, ВШЭ и РАНХиГС. Как запасной вариант я рассматривала Московский политех или РУДН. Туда меня были готовы принять сразу на бюджет без ДВИ благодаря моему портфолио. В Вышке мне не понравилось, как со мной говорили на вступительных. На собеседовании преподаватель слишком много язвил по поводу тех журналистов, чье творчество мне нравится. Я называла Катерину Гордееву, Елену Костюченко, Елену Милашину, Ольгу Боброву, говорила, что хочу работать в «Новой газете». Меня спрашивали, кого из представителей госСМИ я знаю. Конечно, я смогла назвать некоторых, но без того восхищения, с которым я говорила о журналистах «Новой газеты». Осадок от разгово-

вания остался крайне неприятным. Некоторые мои знакомые проходили собеседование у других преподавателей. Большинству из них даже не задавали вопросов о государственных СМИ. По словам тех ребят, они намного больше говорили о собственном опыте, чем о теории журналистики.

О журфаке МГУ я слышала много негативных отзывов. Мол, там слишком много теории и мало практики. Сами вступительные испытания об этом говорят. Нужно было написать эссе на историческую тему и придумать вопросы реальным людям, как те относятся к тем или иным событиям. Я понимала, что хочу заниматься именно журналистикой, постоянно практиковаться, а не только читать учебники по истории. В РАНХиГС я долго не понимала, прохожу я на бюджет или нет. Но мне изначально нравился РГГУ. Я слышала, что в нем много практики, преподаватели — действующие журналисты ведущих СМИ, а директор Института массмедиа РГГУ — Николай Карлович Сванидзе. Поэтому когда мне позвонили из РГГУ и сказали, что я прохожу на бюджет, сразу отправила документы в этот вуз.

Действительно, с первых дней нас учили именно журналистике. 2 сентября, насколько я помню, перед нами выступил Сванидзе, поприветствовал первокурсников. Всю осень у нас были мастер-классы разных журналистов: Андрея Ванденко, Алексея Венедиктова, ведущих разных телеканалов, журналистов информационных агентств и газет. Я не пропускала ни дня. Мне тогда очень нравились занятия с одной из бывших ведущих программы «Вести», с нынешними шеф-редактором «Комсомольской правды» и спецкором ТАСС. Я с первого курса создала собственный YouTube-канал, публиковалась в разных СМИ и получала первые гонорары. Казалось, я научилась летать. Мечта сбылась: я стала журналистом.

У меня было много планов, мной даже заинтересовался один известный журналист в профессиональных кругах из ТАСС, я собиралась пойти на стажировку в «Новую газету», голова кружилась от счастья, но наступило 24 февраля 2022 года. Все планы рухнули.

24 февраля 2022 года началась война в Украине. Мы еще были на карантине. Поэтому поначалу жестких изменений

в образовательном процессе не почувствовали. Пожалуй, только одно: в соцсетях нам не рекомендовали писать «Нет войне», но в самом начале никаких репрессий за это не было.

Среди моих одноклассников почти все были против, и сначала мы спокойно обсуждали, какой начался ад. Были и те, кто никак не высказывался. Был только один человек, который сказал, что Путину лучше знать, что делать. Я подумала, что он шутит. Но потом этот человек всерьез хотел пройти стажировку на RT.

В начале марта мы наконец-то стали учиться очно. При преподавателях старались прямо не обсуждать войну. Тогда особых конфликтов не было. С преподавателями мы почти никак не обсуждали боевые действия в Украине, не говорили о политике во втором семестре. Хотя в первом достаточно часто и свободно могли дискутировать о работе независимых и государственных СМИ.

Цензура вторгалась в мой вуз на журфак не сразу. Сначала на одном из предметов, на котором мы вели дневник новостей, нам сказали не выписывать новости, связанные с Украиной. При этом в марте мы даже писали рецензию на фильм «Fuck this job» о телеканале «Дождь». Тогда еще никто активно не использовал страшную аббревиатуру СВО. Мы свободно говорили война и считали, что нам очень повезло с вузом, так как Альфонс Шанявский основывал наш вуз как свободный университет, в котором могут учиться разные люди вне зависимости от их взглядов и социального статуса.

В марте 2022 все казалось как прежде. К тому же мы были счастливы выйти снова в вуз, перестать постоянно сидеть в зуме.

Но в апреле я начала ощущать цензуру со стороны администрации. Я активно участвовала во внеучебной деятельности. Многие мероприятия нам запрещали проводить из-за новой цензуры. Мы приглашали разных деятелей культуры, но вуз разрешал пускать только тех, кто поддерживает власть или не высказывается. У нас еще был дискуссионный клуб. Каждая тема проходила строгую цензуру.

Весной 2022 года все больше и больше СМИ закрывались (3 марта ликвидировали радиостанцию «Эхо Москвы» и телеканал «Дождь», 28 марта временно приостановила работу «Но-

вая газета»), власти объявляли иноагентами все новых людей, блокировали соцсети. К тому же ввели запрет деятельности иностранных СМИ в РФ¹. Когда многих журналистов уже признали иноагентами и когда нужно было защищать курсовые и дипломы, многие почувствовали давление уже и от журфака. Я знаю немало ребят, которые писали научные работы и даже дипломы, посвященные ныне признанными иноагентами изданиям и журналистам. Кто-то писал о контенте в TikTok и Instagram. Ребята начинали писать курсовые, когда все это еще было разрешено, а защищать им пришлось в совершенно других условиях. Нам едва ли не на каждом занятии наши преподаватели жаловались, что они не знают, что будут делать с выпускниками и как в 2022 году ребята будут защищать дипломы, посвященные изданиям-иноагентам. Я и сама писала свою первую курсовую о журналистах, которые сейчас признаны в России иноагентами. Но их объявили иноагентами, когда я уже сдала свою работу.

Мой первый курс начался осенью 2021 года, а закончился уже совсем в другую эпоху — летом 2022 года. Когда я пришла на второй курс, журфак показался мне уже совсем чужим местом. В группе многие стали поддерживать войну, преподаватель из «Комсомолки» говорил, что мы должны восхвалять наше государство в тяжелую минуту, поскольку мы журналисты. Хотя за некоторые практические советы я ему благодарна. На истории зарубежной журналистики, когда мы проходили «Ареопагитику» Джона Мильтона, нам прямо сказали «не проводить никаких параллелей с современностью».

Более того, на журфаке затеяли YouTube-проект «Время Истории», в рамках которого студенты и преподаватели рассказывают, насколько прекрасна история России. Первый выпуск опубликовали² 14 июня 2022 года под названием «Становле-

1. Госдума приняла закон о внесудебном закрытии СМИ 30.06.2022 // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/06/2022/62bd6f299a79477f95fdd8a>.

2. Время Истории. Становление единого русского государства. 14.06.2022 // YouTube-канал СТК (студенческий телевизионный канал). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mNA-GHRAADA&list>.

ние единого русского государства», но узнала я об этом проекте, когда уже началась учеба. Нам предлагали поучаствовать в нем, чтобы набрать баллы по некоторым предметам. На журфаке начался курс «Основы российской государственности», создали патриотический кружок. Меня несколько раз вызывали к декану за антивоенные посты в соцсетях. Когда я приходила к декану, она мне показывала скриншоты моих историй из Instagram, говорила, что ей надоело получать письма на почту с моими историями. Я не понимала, кто мог ей что-то скидывать. На мой вопрос, кто это отправил, мне отвечали, что не скажут.

Весной 2022 года начали сильно страдать и другие журфаки. Например, в конце мая-начале июля в Вышке были протесты против назначения Э. Мацкявичуса на должность директора Института массмедиа³. А уже в сентябре на главной лестнице журфака МГУ выступил один студент в майке с буквой «Z» и с флагами ЛНР и ДНР. Его стали осуждать другие студенты. Их отчислили. В конце 2022 года Николая Карловича Сванидзе уволили с поста директора Института массмедиа РГГУ. Вместо него поставили Владислава Пьеровича Флярковского.

Я с трудом продолжала заниматься внеучебной деятельностью в вузе. Я себя буквально насиловала, чтобы сохранить повышенную стипендию. Да и в целом, чтобы ходить в вуз. Я сменила группу, пыталась стажироваться в РБК, продолжать учиться. Но интерес к учебе в РГГУ полностью пропал. В новой группе я так и не нашла друзей. Несколько ребят активно поддерживали и поддерживают войну. Мне страшно и тошно находиться с ними в одной аудитории. У меня на фоне всего происходящего началась депрессия.

Параллельно с этим я училась в Медиашколе Свободного университета. Я видела, как отличается то, что дают в Медиашколе настоящие профессионалы, и то, чему пытаются якобы научить в РГГУ. Да, я ужасно устала от онлайн-образования, но

3. Студенты ВШЭ против назначения руководителем департамента медиа Эрнеста Мацкявичуса //SotaVision. 04.06.2022. URL: <https://sota.vision/studenty-vshe-protestuyut-protiv-naznacheniya-rukovoditelem-departamenta-media-ernesta-maczkyavichyusa/>.

получать знания от преподавателей Медиашколы я была рада в любом формате. Мы разбирали сложные этические вопросы, с которыми журналисты могут столкнуться на практике, а не просто зубрили этический кодекс, приобретали навыки фактчекинга, учились работать с OSINT, делать журналистские расследования, озвучивать видео без суфлера, импровизировать, искать героев, предлагать темы в разные редакции. Мы постоянно улучшали навыки интервьюирования, работы с информацией, цифровой безопасности и много чего еще. Несмотря на то, что в Медиашколе не было никаких официальных зачетов, в приоритете у меня было обучение именно там.

Тем временем в новостях все чаще появляются сообщения об отчислениях студентов по политическим причинам. Мы с друзьями обсуждаем, как уехать из России, так как преподаватели на некоторых журфаках говорят, что журналист — обслуживающий персонал государства, что журналисты должны «формировать правильную картину дня у аудитории». Правильную — значит ту, которая выгодна государству.

Страшно осознавать, что многие мои знакомые действительно стали так считать. В это время я подрабатывала куратором в онлайн-школе по подготовке к вступительным испытаниям на журфак. Почти каждый курс начинался с сочинения на тему «5 причин, почему я хочу стать журналистом». Летом 2023 года мне было больно эти сочинения читать. Все чаще ребята мне писали, что хотят стать журналистами, чтобы «поддерживать государство», «восхвалять историю нашей великой страны», «служить на благо Отечества», «бороться с влиянием Запада». Я не могла спокойно это читать и уволилась.

Наступила осень 2023 года. Начался 3-й курс. Я уже стала ходить на пары через раз. Учиться не хотелось совсем. На занятиях по тележурналистике нам запретили упоминать канал «Дождь», на занятиях по печатной журналистике — «Новую газету». Нам стали говорить, что НТВ «изменился в лучшую сторону после смены руководства в 2002 году». Я выполняла задания в вузе только ради места в общежитии.

На других журфаках было не лучше. В МГУ, как мне рассказывали студенты, чтобы защитить диплом на журфаке, нужно было хорошо знать, как устроены основные провласт-

ные СМИ, на госэкзаменах могли присутствовать журналисты из RT и РИА Новостей. В Вышке все первокурсники стали ужасно провластными. На мастер-классы журфаков стали приглашать журналистов только из федеральных СМИ. На нашем журфаке не раз проводили мастер-классы журналисты из Первого канала и RT. И в РГГУ в один прекрасный день пришел Александр Дугин.

А. Дугин и К. Малофеев создали в РГГУ Высшую политическую школу (ВППШ) имени Ивана Ильина, философа, который поддерживал фашизм ⁴. В РГГУ образовалась инициативная группа против ВППШ. Она требовала переименовать Высшую политическую школу, организовала петицию, чтобы добиться этого. Петиция собрала более 30 тысяч подписей. Ничего добиться не удалось. Только эту группу противников ВППШ едва не взяли под крыло представители КППРФ, может быть, потому что в здании на Миусской площади раньше находилась настоящая советская ВППШ — Высшая партийная школа при ЦК КПСС? При этом ректор РГГУ Александр Безбородов отрицал существование этой группы. «Украинская агентура работает какая-то в стране. И что, закрыть центр, как украинская агентура скажет? Студенты к этому никакого отношения не имеют, они у нас нормально работают, сейчас с проректорским корпусом будет развернута очень серьезная деятельность. Да еще и не такую ждали, от украинской агентуры любую реакцию можно ждать. Получили три подписи и закрыли центр? Вы знаете, что и 10 тысяч можно одним нажатием клика сделать. Подписи эти известны, подтверждены? Нет, и подтверждены быть не могут», — он Газете.ru ⁵. Но в итоге ушел с поста ректора

4. Положение о Высшей политической школе имени Ильина. URL: <https://tinyurl.com/262xpfum>.

5. Ректор РГГУ назвал «украинской агентурой» противников учебного центра под руководством Дугина // Газета.ру. 15.03.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/04/15/22793252.shtml>.

даже раньше, чем планировал ⁶. Вместо него поставили Андрея Логинова, бывшего министра юстиции⁷.

Я была рада видеть, что некоторые студенты не сдаются и отстаивают свои права вопреки всему. В инициативной группе были как сторонники, так и противники войны в Украине. Объединяло одно — беспокойство за РГГУ. Но напряжение все равно чувствовалось. Многие боялись высказываться, боялись, что их коснутся репрессии со стороны вуза. Но о войне многие боятся говорить еще больше: кажется, что донести могут уже и на своих. Хотя о каких своих я говорю? И потом донос это обычно и есть донос «на своих».

Мир разделился на СВОих и не СВОих. Я стала гораздо аккуратнее подбирать слова при знакомстве с новыми людьми, особенно при общении с преподавателями. С некоторыми удавалось откровенно поговорить. Тогда они признавались, что тоже против войны и в ужасе от того, что происходит, но сказать об этом открыто боятся, так как потеряют работу. А уехать может далеко не каждый из них.

Признаюсь: мне страшно. Очень. Я не знаю, что будет дальше с моим вузом и образованием, что будет с моей профессией, что будет со мной. Одно я знаю точно: я хочу быть журналистом. Настоящим и независимым журналистом.

DOI: 10.55167/6533217615e5

6. Ректор РГГУ решил уволиться до истечения контракта // Газета.ру. 20.05.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/06/20/23286001.shtml>.

7. См. выступление и.о. ректора РГГУ на сайте университета 21.06.2024 на сайте университета: <https://rsuh.ru/news/detail.php?ID=1052097>.

Журнал «Демагог»: от пандемии к войне

Федор Отрощенко

Журнал «Демагог» — начал свою жизнь на исходе московского карантина, а именно — 15 июня 2020 года. Изначально я его задумал примерно в 2018 году как альтернативу монополизированной журналистской сфере, как мне тогда казалось.

Здесь стоит сделать оговорку: пишу я об этом в прошедшем времени и с «как мне тогда казалось» не потому, что общественная ситуация изменилась, или не потому, что теперь считаю иначе, а по той простой причине, что допускаю и медиа, и журналистов, которые могли вести себя иначе, кроме как двигаться в этих двух описанных направлениях, но в нашем случае важна не объективная картина мира, а тот взгляд, которым мы смотрели на него, задумывая журнал и его идею. А идея со временем изменилась, о чем позже.

Российская журналистика существовала тогда в двух направлениях:

1. Официальные, а потому — пропагандистские, медиа, вышедшие и несущие в себе все главные признаки советских СМИ. Например, канцелярский и безжизненный язык.
2. Медиа, вышедшие из 1990–2000-х годов, которые выглядели более живыми, интересными и близкими, но вместе с тем очень замкнутыми на себе. В них очень сложно пробиться, если ты не работал до того в «Коммерсанте» или «Афише» (здесь обычно добавляли «старом „Коммерсанте“» и «старой „Афише“») и подобных медиа.

«Демагог» должен был стать свободной интеллектуальной площадкой для молодых людей (скажем, студенческого возраста) в оппозиции к сложившейся «тусовочности» и «официозности» в журналистской среде.

Год идея «Демагога» существовала лишь в моей голове, без каких-либо действий по созданию такого проекта. Но потом

эта идея понравилась М, который позвал и G — так сформировалась первоначальная редакция из нас троих. И в конце 2019 года мы стали понемногу осуществлять эту идею. В то время, как мы втроем договаривались, как делать журнал, началась пандемия, и мы, трое студентов (М учился в аспирантуре, G — в магистратуре, я — в бакалавриате), оказались в изоляции и с большим количеством свободного времени, что дало возможность делать регулярные рабочие планерки по видеосвязи.

«Демагог» представлялся горизонтальной площадкой, где нет главного редактора или издателя. Редакторы постоянно вступают в обсуждения и споры с читателями в комментариях (потом — в чате в телеграме, куда вступить может любой желающий и где есть все редакторы и многие авторы). Читатели регулярно становятся авторами, а иллюстрация к текстам мыслится как соавторство, поэтому, во-первых, имя иллюстраторов везде подписывается, где это возможно, а во-вторых, редактор не заказывает что-то конкретное, а наоборот, дает волю воображению.

Первоначально была идея, что все редакторы должны посмотреть все тексты. Потом быстро поняли, что так невозможно оперативно работать, и долгое время была такая система: в редакцию попадает текст, ее смотрит один редактор («редактор автора»), после чего помечает текст как отредактированный и передает второму редактору («финальный редактор») по кругу, чтобы тот посмотрел еще раз. Конечно, и такая структура не могла продержаться долго, так как всё равно требует большого количества времени от каждого, но это помогло на первых порах выработать свой стиль и язык.

Весь карантин мы собирали авторов, иллюстраторок (в большинстве случаев это были девушки), писали и редактировали тексты.

Пятого марта мэр Москвы Сергей Собянин подписал указ «О введении режима повышенной готовности в связи с угрозой распространения коронавируса». И в тот же день редактор G написал в рабочий чат: «Предлагаю устроить живую редколлегию в апреле». Первая планерка была проведена в марте, а еще через несколько дней тот же редактор написал эссе о себе и «Демагоге», где было сказано следующее:

«Демагог» изначально заложен его создателями как издание молодых для молодых, где можно свободно говорить о том, что действительно волнует наше поколение. Что же это за поколение? Мы легко вписываемся в возрастную рамку «16–25»: мы родились в новом мире и воспитаны новой эпохой, мы живем на обломках империи и смотрим в будущее одновременно с опаской и надеждой, ведь наше поколение в шаге от вступления в свою силу. Мы заканчиваем школы и университеты и становимся частью этого глобального мира идей и технологий, входим на этот огромный рынок, чтобы дать ему что-то кардинально новое. Но новому поколению нужны новые знания, новые взгляды на существующий мир. Думаю, что у «Демагога» есть и такая задача — отбросив старые принципы бесконечного познания ради познания, через высказывания и рассуждения, через нашу коллективную мысль препарировать мир, разобрать его на детали и переосмыслить, перед тем, как окончательно его себе присвоить. Наши авторы — будущие специалисты в своих сферах деятельности — будут знакомить читателей с тем, чем они занимаются и говорить о тех вопросах, с которыми они сталкиваются. Наш формат — короткие статьи, четким, но понятным для не погруженного в детали человека языком рассказывающие о важном и интересном в окружающем нас мире. Наши задачи — заинтересовать новым, дать ориентиры, заставить задуматься, начать дискуссию, выстроить диалог. Наша цель — помочь в формировании себя нам самим, и критическим мышлением принять этот мир и пойти дальше. Именно поэтому мы и открыли «Демагог» — чтобы самим вести себя в будущее.

В марте 2020 года будет завершен первый манифест «Демагога». Оба этих текста важны для хронологии, так как помогают понять не только замысел журнала, но и ощущение того времени. Поэтому я позволю себе привести текст манифеста полностью, он не очень большой:

Полтора десятка людей из разных городов и стран, разных сфер, с разными принципами, верованиями и жизненными установками. Казалось бы, просто вечерний полупустой вагон метро... но нет. Их что-то объединяет. Что? Это сложный вопрос. Самое очевидное — возраст. Это люди от 18 до 25 (+-) лет. Второе — все они имеют свой взгляд на мир. И третье —

самое главное для создания журнала — они хотят высказаться, обсудить это взгляд. Плох он или хорош — судить каждому читателю про каждого автора.

Сегодня существует так много журналов, сайтов, каналов, что заблудиться в них не составляет труда. Мир так насыщен информацией, что порой хочется от нее закрыться, сбежать. Информация, которую копило человечество тысячелетиями, находится в шаговой доступности: немецкая философия, языки программирования, экономика Японии XVI века... С приходом интернета мы знаем всё. Но знаем ли мы себя? Нам кажется, что современный человек нашего возраста слишком потерян в тоннах информации, окружающей его ежесекундно. И о нем так мало говорят, что мы решили это исправить.

Кто он? Где он живет, работает, учится? Что читает, смотрит и слушает? О чем думает и говорит? Все эти вопросы мы задаем себе, на них пока нет ответа и вряд ли будет, но нам же всем интересно поглядеть в зеркало на себя и своих друзей. А рассказывать мы будем об этом человеке с совершенно разных сторон: лингвистика, кино, философия, антропология, литература... да мало ли что еще? У журналистов есть старинное правило: пусть безобразно, зато единообразно. Мы не собираемся реформировать журналистику, но поверьте, что в выборе статей, взгляде на мир и т.д., нас не интересует объективность и единообразие. Мы все разные и прекрасные. Пусть оно так и остается. Потому мы и называемся «Демагогом».

Интересно, что отличается в этих двух текстах: во-первых, вырос возраст — в колонке редактора G написано, что в «Демагоге» люди 16–25 лет, а в манифесте — 18–25; а во-вторых, если в колонке акцент стоит на «препарировании мира», то в манифесте редакция уже больше обращается к обнаружению характерных черт поколения, хотя в обоих текстах есть и то, и другое.

15 июня 2020 года в соцсетях «Демагога» появился манифест, с этого дня можно отсчитывать его жизнь. И здесь важно обратить внимание на первые тексты, которые вышли в журнале, не будем их приводить полностью, будут показательны даже заголовки, привожу все первые тексты в хронологическом порядке: «Власть сквозь уход: что бы сказал Мишель Фуко о по-

вышенном интересе к телу сегодня?», «Свет, камера, фас: чем занимаются специалисты по кино(логии)», «Красота и загадка языка», «Зачем философии опрощение?», «Стеганографический щебет», «Гоголь — черт: „Мертвые души“ в романе Леонида Добычина „Город Эн“ и т. д. Это разные области гуманитарного знания: литература, философия, лингвистика, кино. И уже по ним видно, что «Демагог» оправдывает свой манифест и старается описать этот мир с разных сторон.

С самого начала в редакции формулировалось, хотя в первые редакции манифеста не попадало, что журнал реализует не только в разных темах, но и в разных форматах, поэтому часто мы даже называли «Демагог» не журналом, а площадкой, где может быть разное. Сначала у нас даже не было сайта, тексты публиковались или прямо в соцсетях или на платформе «Teletype». Но уже 27 июня выходит проект, для которого был сделан свой маленький сайтик, «Лианозовская школа. Искусство без подлости», посвященный позднесоветской неофициальной поэтической группе. И когда карантин стал сходить на нет и стало возможно встречаться и перемещаться по Москве, важной идеей стало выводить «Демагог» в оффлайн-формат. И уже 2 сентября в Культурном центре ЗИЛ прошла оффлайн-презентация «Демагога» со встречей с читателями.

В конце июля мы договорились вместе с Союзом независимых театров организовывать Фестиваль театрального андеграунда «ДНО», который состоялся в начале октября. И к фестивалю мы напечатали зины, что тоже показательно как стремление к уходу от онлайна.

В октябре в «Демагоге» случился первый текстовый и содержательный кризис, и мы ушли на месячные каникулы. Одним из первых текстов после перерыва была опубликована «Памятка авторам», где формулировалось следующее:

Демагог — открытая площадка для высказывания. Каждый мыслящий человек, желающий что-либо прокричать миру, может сделать это в Демагоге. Недавно оказалось, что не все читатели Демагога знают, что это можно сделать. Демагог — это не журналистский проект в традиционном смысле. Мы не бежим за насущной повесткой. У нас нет постоянных авторов, с которых мы можешь чего-то требовать. У нас нет

денег, чтобы мы могли вкладываться в рекламу или зарплаты авторам и иллюстраторам. Всё держится исключительно на инициативе, и именно это делает нас независимыми.

Как видно, акцент уже ставится на том, что мы независимая открытая площадка (причем слово «площадка» формулируется определенно и однозначно), после чего выходит небольшая подборка стихов, текст про Ролана Барта и его феномен «не-чтения», а дальше текст Владимира Паперного, автора знаменитой книги «Культура Два». И здесь это важно: тематически мы все еще ориентируемся на французских интеллектуалов 1960-х годов, мы все еще про культуру и искусство, но мы теперь не «издание молодых для молодых», как это было сформулировано в редакторской колонке и не для 18–25-летних, как было в манифесте. Теперь у нас публикуются и состоявшиеся взрослые авторы.

Вскоре это сработало и в другую сторону. В конце декабря 2020 года появилась колонка критикессы клави синей (она принципиально все писала со строчной буквы) — альтер эго одно из редакторов. Это важная поворотная точка, потому что с этого момента «Демагог» был не только «о сложном простым языком», но и «о простом сложным языком», если несколько огрублять. Журнал стал уходить от «научпопности» к критичности, потому что клави синяя писала даже не столько о литературе и книгах, сколько фиксировала литературный процесс (с присущими ему скандалами, спорами, ликованиями и проч.). Она писала не о какой-нибудь науке, как было в первых текстах «Демагога», а старалась описать состояние интеллектуальной мысли в тот момент. И реакцией на это стал репост литературного критика и филолога Глеба Морева и обсуждение колонки в фейсбук-пространстве, воспринимавшимся нами как «папина соцсеть» (переиначивая понятие французской «новой волны» — «папино кино»). То есть и среди авторов мы стали принимать «взрослых» и писать стали для «взрослых» в том числе. Так клави синяя в качестве регулярной колумнистки просуществовала год.

Кроме того, важным в самоопределении журнала был тот факт, что в редакции нет журналистов, позже это появится и в манифесте. Но осознавалось оно с самого начала, поэтому

мы могли на журналистику смотреть со стороны, с остра-
нением. В том числе это выражалось в том, что мы всё время «игра-
емся» в журналистику, «притворяемся» ей. Например, в марте
2021 года выходит рецензия несуществующего критика на не-
существующую книгу несуществующего автора и вышедшую
в несуществующем издательстве. Начинаясь она так: «В из-
дательстве „Круженок“ вышла книга „Сладкие зюзи“. Это тре-
тий роман Бориса Шишкина, так полюбившегося столичной
молодежной интеллигенции своими предыдущими произве-
дениями — „Беги, кадык“ и „Семь способов валяться пьяным“».

В 2021 году в журнале меняется многое. И одним из глав-
ных и радикальных изменений становится приход в редкол-
легию двух новых редакторов, а потом и уход другого, одного
из основателей. И если вся изначальная работа затачивалась
под триумвират создателей, то с такими кадровыми переста-
новками должна была перестроиться и система руководства
журналом, однако этого не произошло, что скажется после.

В 2021 году произошло несколько громких политических
событий, это тоже сильно повлияло и на изменения журнала.
В начале года прошла серия митингов в поддержку Алексея
Навального, последний был назначен на 21 апреля. В тот же
день вышел мой текст (и здесь важно отметить авторство, так
как я писал его не от имени журнала, но от имени редакции):

Демагог задумывался как журнал вне политики, и я был
одним из тех, кто продвигал эту идею. Это не значит, что мы
не пишем о политике, — у издания нет одного политического
курса. Сейчас я пишу не от имени Демагога. Я пишу от имени
редколлегии, которая вся обеспокоена судьбой нашей страны
и судьбой нашего маленького журнала. Поначалу я писать
о политике не очень-то хотел, но уже и молчание обладает
семантической нагрузкой, поэтому возникает потребность
в высказывании.

Сегодня, когда Навальный находится при смерти и к нему
не допускают адвокатов и врачей, когда арестовывают редак-
торов студенческого журнала «Доха», когда жестоко изби-
вают людей, вышедших на улицы, когда бессмысленность
и злость правят бал, любой человек, у которого есть интернет
и совесть, не может закрыть на это глаза и считать, что всё
в порядке. Я понимаю, что Демагог могут признать ино-

агентом, нас могут закрыть за несогласованное просвещение, к нам могут прийти за... нужна причина? Демагог задумывался как место, где каждый сможет найти единомышленников, где каждый автор, читатель, редактор, иллюстратор сможет почувствовать себя частью чего-то большого и завораживающего своей красотой мысли. Как я был рад прийти в бар «Ровесник», где проводился фестиваль в поддержку ребят из «Доксы» и обнаружить там много приятных, красивых и умных лиц (в том числе авторов Демагога). Я не знаю, что будет со страной, что будет с Демагогом, что будет со мной, но в это бессмысленное и злое время хочется чуть больше единства, добра и любви, поэтому я бы хотел увидеть всех вас сегодня, двадцать первого апреля, чтобы вместе плакать и смеяться и полюблять жизнь, как учил Лев Толстой. А если вы по каким-то причинам не сможете пойти в центр, то можно стать волонтером ОВД-Инфо и посидеть на горячей линии. Или просто рассказать окружающим о том, что бывает на свете любовь и справедливость.

Это важная переходная точка, потому что с этого текста «Демагог» становится более политизированным, хотя, очевидно, что не 21 апреля отправная точка, до это в 2021 году выходит текст «Хроники распада» о судьбах народов в постсоветском пространстве и минских протестах, «Тронулся ли лед в Москве?» о московских протестах, «Земля, прогресс, апокалипсис и утопия: Сквозные сюжеты русской истории» о том, как Россия стала такой, какая она есть. И только после этого мое обращение от лица редакции.

В 2021 году намечается и другая важнейшая тема для журнала — размышление о российском постсоветском пространстве в 1990–2000-е годы. Во многом с этой рефлексии и начинался журнал как оппозиция к культурной журналистике, выросшей из тех двух десятилетий и в то же время как продолжение той культурной журналистики, как бы это ни было противоречиво. В редакции была идея, что мы боремся с «тусовочностью», но пытаемся воссоздать тот дух интеллектуальных медиа, вроде «Русского журнала», которому будет посвящен в 2022 году целый спецпроект в «Демагоге». А в 2021 году выходит текст «А вдруг счастливым я был вчера», в котором авторка размышляет о перестройке, ее отражении

в современной культуре и ее влиянии на сегодняшний день на примере программы «Двенадцатый этаж» 1989 года; затем «Лев влюбился в овечку, и треснул мир напополам» о вампирах и их кинообразах из «нулевых» и многие другие, параллельно с уже упомянутой клавишей синей, которая во многом была перерождением критикессы Аделаиды Метелкиной (псевдоним Бориса Кузьминского, с которым в «Демагоге» вышло два интервью — больше ни с кем больше одного мы не делали), существующей на страницах журналов «Сегодня» и «Русского журнала».

В августе 2021 года «Демагог» перестает публиковаться на платформе «Teletype» и переходит на собственный сайт — demagog.me, на котором существует и по сей день. В этом тоже есть важная идея, проговариваемая с самого начала в редколлегии: мы должны быть независимыми. И это касалось не только денег, но и платформы. Хотя мы старались поначалу быть вне политики, было понимание, что в любой момент нас могут закрыть. Поэтому мы должны открыть свою платформу, которую можно будет закрыть только по нашему желанию. Поэтому собственный сайт был важен не только для статусности и серьезности, но и для свободы и независимости.

В 2022 году в редакцию пришел еще один редактор. И вместе с ним нас стало пятеро, при этом работа от количества редакторов лучше не становилась, публикаций было мало, а сами они пытались продолжить все те же темы, что разрабатывались журналом раньше, однако и они были уже не столь важны для нас. Идейный кризис мы пытались забить количеством людей в редакции, что отозвалось уже потом.

24 февраля начинается полномасштабная война России с Украиной. И цензура резко усиливается. В тот же день, 24 февраля, мы опубликовали текст в соцсетях, что мы против войны, на следующий день вышел текст одного из редакторов с заголовком «Война и мир» и еще через несколько дней мы вывесили большой баннер на сайте «НЕТ ВОЙНЕ». Вся редакция эмигрировала.

Оказавшись снова в изоляции друг от друга (оффлайн-планерка в Москве была лишь однажды, а тремя основателями журнала мы не встречались ни разу все вместе) стало оконча-

тельно очевидно, что выход в оффлайн нам надолго закрыт, из самиздата мы становимся тамиздатом.

После начала войны и эмиграции в редакции наступил некоторый ступор, даже в редакторском чате мы почти перестали писать, а если что-то и обсуждали, то не журнал, а то, когда кто куда когда уезжает. На сайте только несколько раз в месяц выходили рецензии и размышления на отвлеченные темы, потому что что-то содержательное сформулировать не получалось ни у кого.

В конце апреля мы запустили подкаст «Женский голос протеста» о тех девушках и женщинах, что не боятся выступать против путинского режима — характерный проект, так как многие мужчины уехали или боялись протестовать, чтобы их не заметили и не забрали в армию.

А в июле начался спецпроект «Четверть века», посвященный 25-летию «Русского журнала», старейшему сетевому изданию на русском языке. В этот момент мы снова возвращаемся к одному из важнейших для «Демагога» вопросу: как мы здесь оказались? В предваряющем спецпроект тексте мы писали:

«Русский журнал» создавал пространство, формировал дискурс XXI века на обломках предыдущего тысячелетия, собирая вокруг себя людей, которых сегодня мы встречаем в важных журналах, в телеграм- / ютуб-каналах, на которые мы подписаны, книги которых мы читаем, лекции которых мы слушаем в вузах и т. д.

Но за двадцать пять лет многое поменялось. И сегодня мы снова сидим на обломках цивилизации: одни уехали, другие остаются; одни стараются не замечать современность, а другие с ней борются. Но так или иначе из льдинок слово «вечность» не собирается, как ты их ни приспособляй. Сколько уже людей размышляет о том, откуда, мол, мы такие получились. Нам кажется, что в том числе и РЖ сделал нас такими, какие мы есть, со всеми красотами и уродствами. Поэтому мы хотим поизучать этот феномен русской культуры, посмотреть на ту шинель, из которой вышли.

«Папина культура» (снова возвращаясь к категориям французской «новой волны», которая для «Демагога» всегда важна), на которую мы ориентировались и с которой боролись, вылилась войной с соседней страной. И показательно, что во

многом спецпроект не состоялся (таким, каким мы его задумывали), потому что никто не хотел встречаться за круглыми столами со своими бывшими коллегами по «Русскому журналу». Однако несмотря на то, что проект не удался, на наш взгляд, это сдвинуло и «Демагог» с мертвой точки. Вскоре у нас выходят тексты «Нужно жить дальше», «Новый закон о пропаганде: 3 причины усомниться» и др. Мы начинаем осваивать и рефлексировать новую реальность, в которой оказались. Второй из перечисленных текстов — первый текст ежемесячной колонки команды ЛГБТ-кинофестиваля «Бок о Бок», которая тоже стала важной для становления обновленного журнала. Если в самом начале войны мы обсуждали, какие слова можно использовать, какие нельзя, общались с юристами, то летом—осенью 2022 года мы для себя приняли новую реальность и решили, что можем себе позволить писать на все темы, используя все необходимые слова, приняв меры по защите авторов и читателей.

Ближе к концу года наступает понимание, что наступила новая реальность не только вокруг журнала, но и внутри, что-то надо менять, но что именно — не было понятно, поэтому мы стали организовывать закрытые встречи для редакции с журналистами, чтобы те помогли нам понять, как сделать «Демагог» лучше.

Однако всё еще существующую пустоту редакция пытается снова заполнить тем, что зовет к себе еще одного редактора. В постоянной коллегии теперь шесть человек, при этом содержательных изменений так и не произошло.

В 2023 году становятся совсем очевидными изменения и тематические, что видно даже по заголовкам: «Квир-2005: в какой реальности родились нынешние 18-летние», «Исследовать места, отменяя предшественников», «Страх империй и страх Путина: как служба в КГБ повлияла на путинскую политику», «Тамара Эйдельман писала книгу об истории смертной казни, а мы читаем о сегодняшнем дне» и т. д. Основными темами становятся политика и история, а всё остальное вертится вокруг. Даже если это рецензия на книгу, то всё равно она должна говорить о войне.

Летом 2023 года темы смягчаются, мы запускаем спец-проект «Образование снизу», публикуем текст кинокритика Андрея Плахова ко дню рождения Алексея Германа, а политические и исторические тексты становятся больше аналитическими, чем манифестарными, как это было раньше. Про «Образование снизу» стоит сказать отдельно, потому что тема образования для «Демагога» всегда была особенно важна. В основном авторы и читатели журнала — студенты и молодые ученые. Поэтому почти каждое первое сентября у нас выходили тексты об образовании, во многом поэтому так много мы писали про 1968 год и интеллектуалов того времени и т. д.

А осенью 2023 того же года приходим к серьезным перестановкам в редакции: двое редакторов уходят, а двое других понимают, что у них не хватает времени, и решают перестроиться. В итоге из шести остаются двое, один из которых полностью берет на себя ведение журнала, а другой «Радио.Демагог», то есть все подкасты и эфиры.

В 2024 году снова происходит политическое событие, повлиявшее на «Демагог», — убивают Алексея Навального. Весь февраль снова становится очень политизированным — сначала выходит текст о Навальном, а потом о двух годах войны, последний выходит от имени редакции.

Кроме того, для внутреннего пользования мы уточнили, что мы именно про культуру и про сегодняшний день. За время войны многие русскоязычные культурные медиа закрылись, потеряли финансирование, перестали писать о культуре и т. д. А мы не только пишем про культуру, но и стараемся ее генерировать вокруг себя, что и видим основной задачей. И поскольку мы пытаемся фиксировать сегодняшний день, то не можем молчать и о политике, так как она неотъемлемая часть культуры.

DOI: 10.55167/8c19e8b3752c

Маша Карп: «Что же такое мир, или Почему Оруэлл так актуален во время войны?»

Светлана Бронникова
при участии Миры Михинен

«Все, что описал Оруэлл, мы видим сегодня». 75 лет назад вышел роман «1984». О его феноменальной актуальности мы поговорили с исследовательницей творчества Оруэлла — российско-британской писательницей Машей Карп

Предприниматель Дмитрий Силин, объявленный в мае 2024 года в розыск, познакомился с адвокатом Анастасией Руденко в автозаке 6 марта 2022 года. Полицейские задержали Силина за очередной антивоенный одиночный пикет, Анастасия проходила мимо и решила уточнить — нужна ли Дмитрию юридическая помощь. Тогда полицейские задержали и ее. Несколько дней спустя, выйдя на свободу, Силин начал искать способ провести такую антивоенную акцию, за которую его не арестуют (по крайней мере, сразу), и, может быть, даже удастся достучаться до кого-нибудь из прохожих. Так появилась идея раздавать людям антиутопии — в том числе роман Оруэлла «1984», герои которого ежедневно слышат лозунг «Война — это мир». Анастасия поддержала Дмитрия — в апреле они стали выходить на улицы с книгами. Со временем акция разрослась до полноценной библиотеки имени Джорджа Оруэлла, где жители уже могли взять почитать книги Солженицына, антиутопии и развлекательную литературу.

В мае 2023 года против Силина возбудили уголовное дело о повторной дискредитации армии за комментарий «нельзя вешать имена убийц на школах», который бизнесмен оставил под постом об открытии на стене одной из ивановских школ

мемориала в честь погибших на войне в Украине выпускников¹. После этого Дмитрию удалось выехать из России.

Через месяц — в июне 2023 года — в британском издательстве Bloomsbury вышла книга «Джордж Оруэлл и Россия»², написанная специально для англоязычной аудитории исследовательницей родом из Советского Союза Марией Карп.

Мария родилась в Ленинграде. Ее дед, Меер Карп, с детства жил в Киеве. После Октябрьской революции организовывал детские дома для беспризорных еврейских детей в Украине. Провел два года в подмандатной Палестине, вернулся в 1924 и стал преподавать математику. В 35 лет Меер переехал в Москву, где занялся биологией, изучая генетическую теорию селекции. В начале 1953 года его арестовали по обвинению в сионизме за изготовление в 1948 году листовки, призывавшей — вслед за советским правительством — к созданию государства Израиль. На недоуменный вопрос Меера, что худого было в цитатах из выступлений дипломата Семена Царапкина и представителя СССР в ООН Андрея Громыко, следовательно, который его допрашивал, ответил: «Это не ваше дело, что говорят наши государственные деятели». Суд признал Меера Карпа виновным — с 1953 по 1956 он отбывал ссылку в Тайшете Иркутской области) — генетик, последователь ученого-генетика Николая Вавилова. Отец Марии, Поэль Карп, — публицист, поэт, переводчик и балетный критик. После смерти Сталина стал публиковать переводы и критические статьи, а после прихода Горбачева — статьи на социальные темы и собственные стихи, выпустил ряд книг³.

Мария с детства углубленно изучала английский язык — сначала в школе, потом — в Ленинградском Педагогическом Институте на факультете иностранных языков. В студенческие годы она прочитала роман Оруэлла «1984», и ей захотелось узнать больше о британском писателе, который так узнаваемо

1. URL: <https://ovd.info/express-news/2024/05/16/osnovatelya-biblioteki-imeni-oruella-obyavili-v-rozysk-po-delu-o>.

2. URL: <https://www.bloomsbury.com/uk/george-orwell-and-russia-9781788317153/>.

3. URL: <https://imwerden.de/author-750>.

описал жизнь человека при репрессивном режиме. В начале 90-х Мария переехала в Великобританию, где до 2009 года работала на Русской службе Би-би-си (с 1997 года — редактором отдела тематических передач), а параллельно исследовала биографию Оруэлла. В 2001 году издательство «Азбука-классика» опубликовало ее перевод сатирической притчи Оруэлла *Animal Farm* (в ее переводе «Скотское хозяйство», более привычный российскому и советскому читателю как «Скотный двор») на русский язык, а в 2017 — выпустила первую литературную биографию Оруэлла на русском языке⁴.

Светлана Бронникова специально для «Новой газеты Европа» и для журнала Свободного университета «Палладиум» к 75-летию выхода первой публикации «1984» поговорила с Марией о том, как Джордж Оруэлл смог передать ощущения человека, живущего при тоталитаризме (хотя сам он не бывал ни в СССР, ни в гитлеровской Германии), и почему «1984» сегодня остро актуален в России, в то время как европейский читатель зачастую считает этот роман устаревшим.

«В 1970-е можно было получить срок просто за то, что у тебя дома есть книга Оруэлла»

— Расскажите, когда вы познакомились впервые с текстами Оруэлла и что это были за тексты?

— Это был роман «1984», который я прочитала в середине 70-х годов будучи студенткой. Как тогда было принято, мне дали роман на ночь. Кто именно это сделал — я не помню.

«Доктора Живаго», например, я читала в квартире у моей подруги, она не могла мне дать домой книгу, но она меня приглашала в гости. Я два или три раза к ней приходила и читала «Доктора Живаго» у нее. И мы с ней обсуждали текст.

Помню, что мы с другой моей подругой потом сравнивали «1984» и роман Хаксли «Прекрасный новый мир». И нам обоим больше нравился Оруэлл, потому что Хаксли писал про технические достижения человечества в их довольно ужасном

4. URL: https://vitanova.ru/katalog/tirazhnie_izdaniya/zhizneopisaniya/dzhordzhoruellbiografiya_2288.

воздействию на человека. А у Оруэлла больше не про технику, а именно про то, как человек в этой ситуации существует.

Когда я принесла домой Оруэлла, мама испугалась — не опасно ли оставлять эту книгу дома на ночь, она помнила времена сталинских репрессий. Я сказала, что, конечно, не опасно. Однако в 1970-е можно было получить срок просто за то, что у тебя дома есть книга Оруэлла [с 1966 года по статье 190-1 УК РСФСР за распространение — в устной или письменной форме — заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, могли лишить свободы на срок до трех лет или принудить человека к исправительным работам на срок до двух лет, или выписать штраф до трехсот рублей. — *Прим. ред.*].

Но когда я начала читать «1984», у меня ощущение было совершенно такое же, как у Уинстона Смита [главный герой романа. К нему в руки попадает запрещенная книга «врага государства» Голдстейна. Смита задерживает полиция во время чтения текста Голдстейна. — *Прим. ред.*], когда он читает книгу, которая у него оказалась ненадолго, и он знает, что опасно ее читать, и за ним, конечно, приходят именно тогда, когда он ее читает.

— До того, как к вам попал роман «1984», вы знали, кто такой Джордж Оруэлл?

— Мне сейчас уже трудно вспомнить, но я думаю, что слышала о нем. В 50-е годы и после советская печать Оруэлла ужасно поносила, его клеймили всякими нехорошими словами, а потом старались замалчивать. Далеко не все советские люди читали Оруэлла, но некоторые из них точно знали о его существовании.

— Как книги Оруэлла в Советский Союз попадали, если они были под запретом?

— В своей английской книге «Джордж Оруэлл и Россия» я как раз пытаюсь рассказать, как книги Оруэлла, изданные за границей по-русски, попадали в Советский Союз.

Отчасти это были издательства типа «Посева», с которым Оруэлл сотрудничал, отчасти — издательства ЦРУ, которые придумали хорошую схему по засылке таких книг.

Об этом в своей неопубликованной рукописи «Книги вместо бомб» пишет Людмила Торн — они старались книги, которые засылали в Советский Союз, выпускать небольшого формата. Так люди могли их просто в карман положить и провезти, не привлекая к этому особого внимания.

Конечно, из Советского Союза за границу ездила очень маленькая группа людей — спортсмены, некоторые артисты, музыканты, ученые, но все-таки они ездили, как-то вот эти книги к ним попадали, а дальше у них было несколько вариантов.

Они могли книги сами читать и давать своим знакомым. Они могли их сразу продать, потому что в Советском Союзе всегда был спрос на такие книги. Кто-то делал копии — перепечатывал на пишущей машинке для дальнейшего распространения — и тамиздат превращался в самиздат.

Сколько таких читателей в Советском Союзе было, неизвестно, но тиражи книг Оруэлла в изданиях ЦРУ могли доходить до 5-7 тысяч экземпляров. Это не так мало.

— На обложке книг такие издательства ставили имя Оруэлла или нет?

— Я не помню, как выглядела книга, которую мне дали почитать на ночь, но у меня есть экземпляр *Hommage to Catalonia* — одной из книг, опубликованных ЦРУ.

Эта книга в мягкой обложке небольшого формата. На обложке написано Джордж Орвелл⁵. Издательство Editions de la Seine. Paris. Такого издательства не существовало — оно было просто выдумано. Зато данные бельгийской типографии, в которой была напечатана эта книга, реальны. Я пыталась связаться с этой типографией, то есть я написала по указанному адресу, но никакого ответа не получила.

Интересно, что имени переводчика книги тоже нет. И это одна из загадок совершенно невероятных, много усилий уже было сделано, чтобы попытаться понять, кто же этот текст перевел, но пока что все безрезультатно.

5. URL: https://gdb.rferl.org/D55DDBiF-A2CB-4F66-AoDC-5C5B5DA1AF19_w408_ro_s.jpg.

— Имя переводчика скрыли, потому что он мог находиться в Советском Союзе или быть как-то с ним связан?

— Мы просто не знаем, был этот человек в Советском Союзе или за границей, но он, очевидно, опасался преследований.

В Советском Союзе было много собственных, естественно нелегальных, переводов. Когда оригиналы книг Оруэлл попадали в СССР, люди их переводили. Особенно *Animal Farm*, эту книгу Оруэлл изначально писал так, чтобы ее было легко переводить.

С «1984», естественно, сложнее, потому что там новояз, неологизмы, которые придумывал Оруэлл. Это представляло большие проблемы для переводчиков, но люди все равно переводили, перепечатывали и распространяли, потому что это было невероятное ощущение — ну как писатель, живущий за границей, может так хорошо представлять себе нашу жизнь?

В этом романе все было узнаваемо, потому что совпадало с советским опытом — то лифт не работает, то дефицит товаров. Но больше всего поражало внутреннее состояние Уинстона Смита: ощущение человека, который все видит, все понимает и живет в постоянном страхе — ведь он живет независимой внутренней жизнью, которая запрещена.

У советских людей даже была легенда, что Оруэлл инкогнито проник в Советский Союз, поэтому у него так точно получилось воссоздать нашу жизнь. Конечно, Оруэлл никогда не был в СССР, но многих людей и меня тоже очень занимало, откуда он столько знал об этом мире?

— И поэтому вы решили заняться изучением биографии Оруэлла?

— Да, мне хотелось разузнать подробнее, как это понимание жизни в Советском Союзе к нему пришло.

«Оруэлл хотел предупредить соотечественников, чтобы они не поддавались блеску идей Советского Союза, потому что там подавляют отдельного человека»

— И как Оруэлл, писатель, который никогда не был в Советском Союзе, смог прочувствовать быт этой страны и ощущение человека, живущего в тоталитарном государстве?

— Конкретные детали, касающиеся советского быта, — дефицит товаров, запах капусты, неработающий лифт — Оруэлл взял из Лондона военного времени. У него был собственный опыт — то бритвы пропадали, то кастрюли.

Понимание ощущений человека, который живет в тоталитарном государстве, сложилось у него из двух вещей.

Во-первых, Оруэлл интересовался социологией. Он понимал, что такое тоталитаризм во многом благодаря книгам Франца Боркенау, а впоследствии и дружбе с этим австрийским социологом, который несколько лет работал в Коминтерне. Боркенау первоначально был коммунистом и анализировал для Москвы коммунистическую литературу десяти стран, изучал, что в этих странах пишут. Так он выучил 10 языков, в том числе и русский. И, конечно, Боркенау блестяще понимал Советскую систему. Он сопоставлял ее с итальянским фашизмом и немецким нацизмом, исследуя сходства и различия всех этих режимов.

В 1937 году Боркенау опубликовал книгу *The Spanish Cockpit* («Испанская арена») — это отчасти дневник, отчасти анализ политической ситуации в Испании. Оруэлл как участник гражданской войны в Испании сразу ее отметил. В частности, Боркенау в ней гениально объясняет, чем отличается режим Франко от режима Гитлера, какие у этих режимов есть особенности.

Боркенау к тому моменту уже не мог жить ни в Австрии, ни в Германии, потому что некогда был коммунистом, а по происхождению евреем, и он поселился в Лондоне, где они и познакомились с Оруэллом. Оруэлл писал рецензии не только на «Испанскую арену», но и на другие его работы: «Коммунистический интернационал», «Тоталитарный враг» (написана после заключения пакта Молотова-Риббентропа).

Конечно, у Оруэлла были и другие источники, из которых он узнавал о происходящем в Советском Союзе, но книги Боркенау и общение с ним дали ему большой толчок в понимании тоталитаризма.

Во-вторых, Оруэлл все-таки был литератором, художником, у него был интерес к людям и воображение. Самая первая исследовательница Оруэлла в Советском Союзе Виктория

Чаликова говорила, что Оруэлл вживался в существование мыслящей и чувствующей жертвы тоталитарного режима. Была у него определенная способность — настолько глубоко представить себе некоторые вещи.

— Оруэлл все же разделял левые взгляды и симпатизировал коммунизму. Часто можно встретить мысль, что эта симпатия к коммунистическому строю изменилась после гражданской войны в Испании, в которой Оруэлл принимал участие. Действительно ли после Испании Оруэлл начал переосмысливать свои взгляды?

— Вы знаете, это такая классическая точка зрения. Конечно, это был переломный момент. Оруэлл считал, что главная черта тоталитарного строя — это система организованной лжи. Именно ее он увидел в Испании.

Но еще раньше, до гражданской войны Оруэлл, еще молодым человеком, в Париже познакомился с партнером своей тетки эсперантистом Ланти, который побывал в Советском Союзе и работал вместе с советскими эсперантистами. Ланти быстро понял, что в Советском Союзе происходит, насколько обещания революции не сбылись — для него это был страшный удар. И у нас есть одно свидетельство о том, как Ланти с Оруэллом, тогда еще Эриком Блэром — дело было в 1928–1929 годах, до того, как возник псевдоним «Оруэлл» — спорили о режиме Советского Союза. Оруэлл говорил — ну как же! Советский Союз! Революция! А Ланти ему объяснял, как эта мечта рухнула.

Влияние Ланти стало как бы «первой прививкой» против советского коммунизма для Оруэлла. Он не стал тогда погружаться в изучение режима, но начал понимать — все-таки что-то там не то.

Его книга «Дорога к Уиганскому пирсу» направлена на определение понятия «социализм», и там ни одного хорошего слова о Советском Союзе уже нет. Он там говорит: социализм — это справедливость и свобода, то есть у него тогда было очень романтическое и положительное отношение к социализму. Но большевиков он уже тогда называет «полу-гангстерами и полу-граммофонами», потому что они неизменно воспроизводят одну и ту же пластинку.

Подготовка его скептического отношения к Советскому Союзу началась давно. Однако до Испании Оруэлл считал, что, конечно, в Советском Союзе, может, что-то плохое и происходит, но ведь английские коммунисты — просто одна из британских левых партий.

Во время гражданской войны он воевал в ополчении ПОУМ, участников которого по указке Советского Союза в коммунистических газетах всего мира стали называть фашистами. Вернувшись в Англию, Оруэлл в местных левых изданиях не мог напечатать, что ПОУМовцы отнюдь не фашисты, а сторонники республиканского правительства — редакции этих изданий ему отказывали.

В Испании Оруэлл понял, что Советский Союз управляет коммунистическими партиями по всему миру. И что скажут в Москве, то партии и сделают, то есть влияние Советов распространяется, как он писал, на цивилизованных людей в демократических странах. Оруэлл этой зависимости очень испугался.

— Почему Оруэлл испугался, что Советский Союз влияет на коммунистов других стран?

— Этот страх возник, потому что Оруэлл понял, что советская пропаганда работает.

— И тогда Оруэлл решил, что нужно рассказать о том, как живет человек в тоталитарном режиме через роман?

— Оруэлл прежде всего думал о своей стране, о Великобритании. Он хотел предупредить своих соотечественников, чтобы они не поддавались блеску этих идей прекрасного социалистического общества в Советском Союзе, потому что там подавляют отдельного человека.

Оруэлл говорил, что независимая мысль сперва будет для властей опасна, а потом вообще недопустима. Он считал, что общество, которое запрещает самостоятельную мысль, преследует за самостоятельные взгляды, губительно и приводит к упадку жизни и литературы — в его представлении жизнь и литература всегда были понятиями очень близкими.

У Оруэлла есть эссе «Prevention of Literature» — мое любимое. Я сперва переводила название как «Гонение на литера-

туру», потом «Недопущение литературы», а сейчас я уже так прямо и перевожу как «Предотвращение литературы». По Оруэллу, литература — это плод независимого сознания, а если на человека давит пропаганда, никакого независимого сознания быть не может.

— Мне интересно все же, почему Оруэлл едет на войну в Испанию как солдат, а не как писатель, ведь он учился в Итоне, когда началась Первая мировая война. Ученики тогда были настроены антивоенно, транслировали пацифистские взгляды. Разве на Оруэлла события Первой мировой никак не повлияли?

— Оруэлл в юности был против Первой мировой, как и многие ученики Итона, но это был поколенческий конфликт — старые люди посылают молодых на смерть, разве так можно?

Оруэлл пошел на войну с Испанией, потому что был искренне убежден, что надо сражаться с фашизмом. Повторюсь, до участия в гражданской войне он пишет «Дорогу к Уиганскому пирсу», в которой приходит к выводу, что только социализм может остановить фашизм. Именно поэтому, в его понимании, нужно было ехать на войну.

Пацифизм у Оруэлла вызван уже страхом коммунизма — это важно понимать. Вернувшись из Испании, в течение двух лет, между 1937 и 1939 годами, Оруэлл был против войны с Гитлером.

Он считал, что в Англии будет так же, как в Испании — социалисты сражались с фашизмом, но в итоге страна к нему и пришла — даже до победы Франко! Это случилось потому, что социалистическое правительство стало действовать по советской указке. Оруэлл был уверен, если Англия начнет сражаться с Гитлером, к ней присоединятся коммунисты — тогда Советский Союз был против Гитлера, — и Англия получит коммунизм, а это тот же фашизм.

Когда 23 августа 1939 года был заключен пакт Молотова-Риббентропа, то есть Советский Союз и гитлеровская Германия признались, что они — близнецы-братья, Оруэлл ясно осознал необходимость войны с Гитлером.

«Современные англичане воспринимают „1984“ исключительно в контексте холодной войны»

— Как сейчас современные англичане читают и понимают «1984»?

— Здесь были разные прочтения. Некоторые считали, что роман написан про лейбористскую партию, ведь в то время, когда «1984» был опубликован, именно она была у власти в Англии. Но и в наши дни один профессор-англичанин не так давно меня спросил: «А с чего Вы вообще взяли, что «1984» про Советский Союз?»

Кто-то думает, что это роман про будущее. В 2013 году в Великобритании отмечали 110-летие со дня рождения Оруэлла. И в это время люди говорили: в магазинах, на улицах устанавливают камеры видеонаблюдения, это же те самые телескрины! До чего мир дошел, это же настоящий Оруэлл!

Но Оруэлл — это не про усовершенствование техники, а про режим, который настаивает, что есть правильная точка зрения и неправильная. Вот этого очень многие люди здесь не понимают.

Я читала, что в России относительно недавно человек ехал в метро и читал на телефоне какой-то антивоенный текст. А человек, который стоял над ним на ступеньку выше, увидел, что он читает, и донес на него. Для этого не нужны телескрины, нужно, чтобы другой человек считал, что ни у кого не должно быть мнения, отличного от официального.

Меня ужасно задевало, что люди перестали понимать, про что «1984». Слово «тоталитаризм» к 2013 году здесь исчезло из употребления, а все, что было связано с холодной войной, казалось каким-то неприятным атавизмом.

Людям благодушно хотелось верить, что все хорошо и российская демократия развивается. До аннексии Крыма и войны с Украиной все-таки люди, я не говорю все до единого, но в массе — благодушные, интеллигентные, либеральные люди здесь считали, что с Россией все в порядке.

Ни чеченская война, ни грузинская, ни Беслан, ни Норд-Ост их не смущали, на это старались не обращать внимания.

— Это именно желание людей — не замечать то, что происходило все это время в России и что Россия делала в соседних странах, или все же российские власти создавали в глазах европейской аудитории картинку либерального государства? — И то и другое, потому что российские власти работали над улучшением образа России на Западе. Российская пропаганда работала совершенно не покладая рук, но и западное общество радостно на это откликалось.

Я 30 лет прожила в этом, и была потрясена все это время, что здесь никто не обращает внимания на те ужасные вещи, которые начали происходить даже еще до Путина, потому что Первая чеченская война была до Путина.

Поэтому свою английскую книгу «Джордж Оруэлл и Россия» я писала с очень сильным желанием показать здешним людям, что Оруэлл бы не пропустил этих сигналов: они были еще с 90-х годов, а вы не желали смотреть.

Книга вышла через полтора года после начала войны в Украине. К тому времени люди начали понимать, что, наверное, все-таки в России не вполне либеральная демократия.

— Современники Оруэлла, когда читали «1984», тоже не проводили параллелей с Советским Союзом?

— Тогда начиналась холодная война и англичане и американцы уже поняли, кто теперь их враг, поэтому книги Оруэлла пришлись очень кстати. Конечно, многие люди левых взглядов «1984» невзлюбили, они возмущались, считали, что Оруэлл их предал. Но как раз массовое общество шло за тогдашними правительствами, которые опасность Советского Союза к этому моменту уже поняли. И, конечно, общество читало этот роман и видело в нем жизнь советских людей.

В Советском Союзе же все действительно тогда шло по-оружелловски. Там ведь не говорили «холодная война», там была «борьба за мир», потому что американские империалисты хотят захватить мир, а мы-то помогаем миру освободиться.

— Сейчас при прочтении «1984» ассоциации с Россией возникают у англичан или нет?

— Вы знаете, у российских и у бывших советских читателей, конечно. Я не думаю, что в массе англичане сегодня читают «1984» с такими ассоциациями, но люди, следящие за происходящим в России — да, конечно.

Естественно, все заняты своими проблемами. В Америке, например, в 2017 году невероятно подскочили продажи «1984»⁶, когда пресс-секретарь Трампа Шон Спайсер сказал, что инаугурация Трампа была самой популярной в истории США, но это было явное вранье. И тогда советница Трампа Кэллиэнн Коннуэй стала оправдываться и сказала — это не вранье, а альтернативные факты⁷.

Все стали покупать Оруэлла, потому что это было, что называется, близко к дому.

Это естественно, мы не можем упрекать людей в том, что они прежде всего думают про себя. Поэтому я, честно говоря, не думаю, что даже сегодня большинство людей читают «1984» так, как читаем его мы.

— Получается, общество, в зависимости от происходящих ситуаций в стране, частично присваивает мир Океании себе?

— Да, в зависимости от того, что происходит в стране.

Роберт Конквест — историк и специалист по СССР — говорил, что многие считают, что Оруэлл приложим к любой стране. И с одной стороны это правильно, а с другой — нет. Мысль о том, что любое общество может прийти к такому ужасу, размывает и обесценивает идею Оруэлла о том, что такое возможно только в тоталитарном государстве, где невозможно выразить другую точку зрения.

— Помимо «Скотского хозяйства» и «1984» сейчас в Англии популярны другие работы Оруэлла?

— Один приятель-англичанин мне сказал про «1984»: it's clunky. Это такое гениальное слово, которое означает нечто тяжелое, неуклюжее, напоминающее стук ржавого железа. Грубо говоря, он хотел сказать, что «1984» для него примитивная вещь,

6. URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-38768126>.

7. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VSrEEDQgFc8>.

потому что он ее воспринимает исключительно в контексте холодной войны.

Этот приятель, и не он один, не любит «1984», но зачитывается Оруэлловскими статьями и эссе. Его публицистика действительно замечательна, и в том числе и многие тексты про тоталитаризм. В сознании современной английской интеллигенции эссе Оруэлла затмевают его романы, хотя и «Скотское хозяйство», и «1984», которые до сих пор, по-моему, проходят в школе, и ранние романы, и документальные его книги читают.

А для нас, людей с советским и российским опытом, я думаю, роман остается необыкновенно важным.

«В «Скотском хозяйстве» явно отражается абсурд, который сейчас происходит в России»

— У меня есть ощущение, что для нас, россиян, «1984» и даже «Скотское хозяйство» — это уже тексты, которые вшиты в наш культурный код, то есть вот как странно встретить россиянина, который не читал Пушкина, так и странно будет встретить россиянина, который не читал Оруэлла. Как вы считаете?

— Конечно! Как мы можем жить без Оруэлла, если все, что он описал в «1984» — система организованной лжи, несменяемость вождя, новояз, роль пропаганды, запрет самостоятельного мышления, — мы видим и сегодня.

В «Скотском хозяйстве» же очень явно отражается абсурд, который сейчас происходит в России. В начале войны молодого человека по административной статье осудили за то, что ему приснился сон о Зеленском⁸, и этот молодой человек написал об этом сне в интернете.

В «Скотском хозяйстве» есть подобный эпизод — три куры на судилище признались, что им приснился Снежок. Их, естественно, немедленно растерзали.

Или мы видим, что «Мемориал» признан иностранным агентом, при этом сотрудников «Мемориала» обвиняют в том, что они хотели вывезти архивы «Мемориала», которые, ясное

8. URL: <https://meduza.io/news/2022/12/12/chitintsa-oshtrafovali-po-statii-o-diskreditatsii-armii-za-pereskaz-sna-o-zelenskom>.

дело, являются достоянием и культурной ценностью⁹ нашей родины, за границу. Это же феноменальная абсурдность. У российских властей нет реального взгляда на мир.

— Как вы считаете, почему до сих пор никто не смог написать антиутопию, затмившую «1984», ведь уже 75 лет прошло с момента первой публикации?

— Оруэлл как литератор понимал человеческую психологию, а как социолог видел, как люди к такому ужасу пришли, на чем он основывается. В этом, я считаю, была невероятная уникальность Оруэлла — он узнал все про этот страх и очень сильно и тонко его прочувствовал, чтобы передать в романе.

Думаю, поэтому роман Оруэлла актуален и сегодня. Я перечитывала «1984» несколько раз, и у меня нет ощущения, что это что-то устаревшее. Другое дело, не потому ли это сходство сейчас мы наблюдаем, что Путин действует по советским лекалам и ничего другого не знает, что свойственно людям, вышедшим из КГБ.

DOI: 10.55167/bbdef3bfa8d

9. URL: <https://59.ru/text/criminal/2024/04/10/73447901/>.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Хроники Свободного университета.

Весенний семестр 2024

Елена Лукьянова

Доктор юридических наук, профессор Свободного университета

Итак, университет продолжает работать. Несмотря на репрессии в России, войну, перемещения народов и изменения отношения к русскому языку и культуре как к языку и культуре страны-агрессора. Основные университетские процедуры устоялись, преподаватели к ним привыкли, все вошло в нормальное рабочее русло. Студенческое сообщество выросло и окрепло. Наши цеха/факультеты/школы (названия зависят от решения подразделений) научились взаимодействовать внутри себя и друг с другом, решать внутрицеховые вопросы и привлекать общеуниверситетские институты для трудно-решаемых проблем. Честно говоря, это оказалось очень комфортно и эффективно. Но привыкали к такому горизонтальному самоуправлению наши профессора непросто. Многих тянуло (да и сейчас порой еще тянет) найти среди нас какого-нибудь начальника и спросить у него разрешения на любое действие или инициативу. Ученый Совет и Правящая Коллегия упорно отбиваются от такого подхода, убеждая каждого, что начальники мы одновременно все и никто.

Привычка к тому, что учебная часть и всякого рода руководители в университете главные, что они решают все вопросы и превалируют над профессорами, которым всего лишь остается чтение своих курсов и взаимодействие со студентами — отвратительный прилипчивый советско-российский опыт! От профессора в российском вузе мало что зависит. В том числе и качество работы. У нас же от них зависит все. Мы просто перевернули традиционное представление с головы на ноги. Потому что университет — это, в первую очередь, преподаватель и студент. У всего остального позиции вторичные. Постепенно

каждый преподаватель Свободного начинает ощущать себя не просто винтиком в большом университетском механизме, но ответственным за все, что у нас происходит, творцом и архитектором собственной жизни и общего развития. Четыре года назад мы начали социальный, культурный и образовательный эксперимент, о котором Гасан Гусейнов так подробно написал в наших первых Хрониках. Мы не знали, как долго этот эксперимент будет продолжаться и увенчается ли он успехом через несколько лет. Мы хотели и хотим корпоративного и кооперативного единства, и это должно быть единство доверия и способность всех к свободной и уважительной дискуссии. *Vivat Academia vivant professores!* И, похоже, наш эксперимент удался. Мы не только построили распределенный дистанционный многопрофильный вуз высокого качества с огромным студенческим пулом. Мы, похоже, создали новую образовательную модель, которую еще надо развивать и совершенствовать, но которая уже точно состоялась. Да, мы все очень устали от войны и от безумных российских новостей. Время превратилось в медленный токсичный кисель. Но мы не устали друг от друга и от наших студентов.

11 января 2024 Кирилл Мартынов написал: «Восьмой семестр Свободного открыт!

На этот раз в линейке Свободного 53 бесплатных курса, которые посвящены праву, филологии, математике и точным наукам, истории, философии, социологии и науке о культуре. Из них 23 курса новые.

Как всегда, для того, чтобы пройти отбор на курс, пишите мотивационные письма (это можно сделать через форму на нашем сайте). Мы ждем писем до 21 января включительно, после чего начнутся занятия.

Мы продолжаем бороться за бесплатное университетское знание в условиях войны и цензуры. Если вы находитесь не в России, расскажите о нашем проекте в своих социальных сетях.

Весной 2023 года Свободный университет был признан российскими властями нежелательной организацией. Знания не нужны диктатуре и мешают ей заниматься пропагандой.

Студенты, отобранные на курсы, получают инструкцию о том, как безопасно заниматься в университете».

Казалось бы, откуда 23 новых курса? Российское высшее образование разрушается. Преподавателям, остающимся в России, с нами сотрудничать опасно. И тем не менее... У нас не только конкурс студентов. У нас конкурс профессоров. Причем трудно сказать, какой из этих конкурсов жестче.

Как мы отбираем курсы и как сами преподаватели их модифицируют? Круглый год к нам приходят программы от преподавателей, которые, зная, что мы — волонтерский проект и нежелательная организация, тем не менее, хотят читать свои курсы. Программы вместе с CV преподавателя направляются в соответствующий цех, обсуждаются, принимаются, дорабатываются или отвергаются. Коллеги строги. Для них очень важны академический уровень курсов и репутация университета. Этот заградительный барьер не проходят многие программы. Равно как серьезной экспертизе подвергаются наши журнальные статьи и рукописи книг. Почему так? Делать нам всем, что ли, нечего? Что за энтузиазм такой? На самом деле все просто — ученому жизненно необходимо проговаривать свои мысли с коллегами, а профессор не может не работать с учениками. Такая потребность и есть та живительная влага, которая позволяет университету расти и развиваться. Кроме того, Свободный — это пузырек свежего воздуха для всех к нему причастных. Воздуха без лжи, лицемерия и цензуры.

Вот подтверждение этому утверждению от Яны Левченко, профессора Свободного университета (Эстония). Он пишет: «через семь минут после того, как наступило 5 июля 2020 года, мне написал Кирилл Мартынов. Цитирую — хоть это и личная переписка, но предельно деловая.

„Ян, доброй ночи, а вот если мы в сентябре в компании Гасана и Виктора Горбатова поиграем в независимое образование на русском языке в виде авторских курсов в Zoom, семинаров на 10, вы бы к нам присоединились?“ За две недели до этого я написал взвешенный, насколько мог, пост о том, почему приходится уходить из Вышки. В итоге я задержался там еще

на год, но это другой сюжет. К Свободному же примкнул как единомышленник.

В Свободном университете я дважды прочел курс о кино, на который оба раза было подано свыше двух сотен заявок».

Только что *Виктор Вахштайн* (профессор Свободного университета) написал: «через два года перекачивая по сукну шары снова начали падать в привычные лузы. *Ученые остались учеными, препы — преподами*, психологи, юристы, тем более программисты — все при своих, только в других местах. Не знаю, обо всех ли это, но на мою траекторию точно похоже. Вернее, на попытку ее слегка изменить».

Еще одно подтверждение. *Михаил Савва*, читающий в университете курс «Политическая экспертиза», доктор политических наук, теперь уже украинский политолог, а ранее профессор Кубанского государственного университета, подвергшийся политическому преследованию в России, эксперт украинского Центра гражданских свобод — одного из трех лауреатов Нобелевской премии мира 2022 года пишет: «В последний день февраля этого года мой персональный сайт кто-то уничтожил. Уничтожил почти без следов. Сайт посвящен делу моей жизни — экспертизе политических мотивов уголовного преследования. На сайте есть материалы и на другие темы, но его главное назначение — соединить меня с потенциальными клиентами, которых преследуют власти их стран.

Я очень благодарен Эйтану Ширману, который проделал огромную работу по восстановлению сайта. Берлинская политехника — это очень хорошая школа...

Я дополнил сайт новыми материалами. Он еще не идеален, я только осваиваю новую платформу. Времени катастрофически не хватает даже на важное. Плюс к этому хроническая усталость. Нормальная температура тела у меня уже примерно год 35,5, то есть на один градус ниже, чем должно быть. Если так пойдет и дальше, скоро с ящерицами сравняюсь по этому параметру...

Но я буду продолжать информировать людей через мой сайт о политических мотивах преследования и как их доказать; о неправомерном характере преследования и его признаках; о мотивах военных преступлений и о других важных вещах.

Планирую записать учебный курс „Политические мотивы преследования людей“».

То есть исследовательская деятельность профессионального преподавателя не может не закончиться учебным курсом. А учебный курс, проговоренный со студентами, автоматически стимулирует дальнейшие исследования. Это и называется современным исследовательским университетом, о котором нам подробно рассказал Сергей Гуриев в своей публичной лекции на ютуб-канале Свободного университета (<https://www.youtube.com/watch?v=8RoIjzBFc6E>). И вот это неостановимое перетекание науки в преподавание и наоборот, эта их взаимная каталитическая реакция не может не иметь отклика у слушателей. Студентам очень нужна живая развивающаяся мысль, а не заученный тусклый или пропагандистский контент, читающийся по бумажке. Сокращение такой живой мысли в российском образовании и отмена ряда социально-политических дисциплин — еще одна причина успешности и популярности Свободного университета.

Наши наблюдения свидетельствуют, например, о том, что практически при полной деградациии права в современной воюющей России, где все происходит по понятиям, а не по закону, при безумном репрессивном законодательстве и чудовищной правоприменительной практике, при отсутствии выборов и нормального парламента, который даже глава Следственного комитета умудрился публично назвать «госдурой», по-прежнему остаются невероятно востребованными такие курсы как основы демократического правления, избирательные системы и избирательное право, парламентаризм и основы законотворчества, защита прав человека, защита следственно-арестованных и многие другие из того же спектра. Люди всех возрастов и уровня образования со всех концов света хотят получать эти знания. Но не только такие курсы остро востребованы. Количество заявок на курс по латинскому языку (5 семестров)кратно превысило все наши возможности. Курс «Логика и основы критического мышления» стабильно собирает огромное количество желающих. На математиков, физиков, химиков и биологов тоже огромный спрос. За право заниматься в творческих

мастерских «Свободных курсов Свободного университета», в котором собрались творцы — писатели, поэты, музыканты, драматурги, режиссеры и актеры также идет жесткая конкуренция на уровне мотивационных писем.

Да что там! Коротенький прикладной курс о том, как писать курсовые, дипломы, статьи и диссертации (не читается ни в одном российском вузе) вызвал невероятный интерес у слушателей. Пришло 180 заявок. Со слезами и стенаниями была отсеяна примерно половина. Вместо одной группы пришлось сделать четыре, поскольку курс предполагает маленькие группы, где можно обсудить каждый проект. Но удивительно даже не это, а то, что по окончании курса создалась группа лидеров, которые начали обмениваться книгами, идеями и помогать друг другу. Проект зажил собственной жизнью. Первый результат не заставил себя долго ждать — через два месяца один из слушателей написал о своей блестящей защите бакалаврской работы вот по такой непростой теме: «Искусственный интеллект и новые моральные вызовы: приложимость принципов утилитаризма, деонтологии и этики добродетели к искусственному интеллекту». А ведь изначально у него даже с формулировкой задачи при огромном собранном материале были проблемы. Аналогичная история произошла с курсом по основам законотворчества. В результате появилась студенческая мастерская, в рамках которой слушатели могли сами конструировать и доводить до ума законопроекты. И они не ушли из этой мастерской, когда курс был официально закончен.

Но и это не все. Наши преподаватели постепенно стали приходить к выводу о том, что мало читать только свой авторский курс. Ведь любой учебный курс — это всего лишь кусочек паззла более широкого знания, небольшая часть профессиональной компетенции. А, поскольку каждому преподавателю хочется иметь в результате своей работы профессионалов, они начали объединяться и создавать комплексные программы. Как мы уже рассказывали, сначала это были программы Медиашколы и публичного права. Теперь появились новые: магистерская программа по теории литературы (семь больших курсов) и майнор Public history и memory studies, состоящий

из пяти курсов. И это очень хорошо. Создавать большие программы важно для любого университета. Студенты приходят в университет, чтобы либо получать специальность, либо усовершенствовать ее. Очень здорово, когда университет справляется с такими задачами своими силами.

Для преподавателей это тоже очень хорошо. Будучи частью большой программы, они четко понимают в ней место своего курса и имеют возможность «докрутить» его под определенную оптику, избегая повторов и лишних вводных, поскольку другие кусочки паззла преподаются их коллегами. В России такие программы готовились обычно учебной частью или кафедрами. Очень редко сами преподаватели проявляли подобные инициативы. Теперь же они увидели свои новые возможности и ощутили потенциал, имея при этом в распоряжении целый университет и коллег, способных усилить программы смежными темами. Например, как читать филологу теорию авторства без специалиста-юриста по авторскому праву? Трудно и неполноценно, конечно. Но у нас с этим проблем нет. Равно как публичное право — наука о правовом регулировании отношений власти и общества усилена политологами, социологами, политическими психологами и политическими географами. Тогда вся система отношений и ее потребности становятся понятными и наглядными. Такое практически невозможно в стенах классического университета, в котором барьеры не только между факультетами, но и между кафедрами высоки и труднопреодолимы.

Вот наши новые программы:

Магистерская программа по теории литературы:

- Основы теории литературы
- Введение в телеологическую поэтику
- Риторические теории советской эпохи
- Идея авторства в современную эпоху
- Изучение читателя: история, методы и проблемы
- Семинар по истории поэтики

- История объективности, или как литература стала выглядеть современной

Майнор Public history и memory studies, состоящий из пяти курсов

- Мемориальная культура
- Земли памяти: Прошлое и политика в Восточной Европе (и не только)
- Прошлое в музеях
- Прошлое в популярной культуре
- Медиевализм: Средние века в современной культуре

Если теорию литературы в том или ином виде все же читают в российских университетах, то культура исторической памяти — это практически *terra incognita* в российской науке. Исследований мало, в учебные программы внедрена слабо. Многие беды и трагедии, которые пережила и продолжает переживать Россия в последнее столетие, во многом обусловлены именно отсутствием культуры исторической памяти. Поэтому мы очень бережем наших молодых коллег, читающих этот майнор и надеемся на его развитие. В рамках программы рассматриваются и обсуждаются способы работы с памятью и прошлым в современном мире. Майнор включает курсы, темы которых связаны с двумя предметными полями — публичной историей (*public history*) и исследованиями памяти (*memory studies*). Память и публичная история — две тесно связанные и быстро развивающиеся области современных гуманитарных и социальных дисциплин. *Public history*, с одной стороны, передает академическое знание о прошлом за пределы университета посредством музеев, публичных лекций, фильмов, книг, журналов, исторических реконструкций, компьютерных игр, с другой — анализирует уже существующие репрезентации прошлого в публичном пространстве: исторические образы в литературе, кино, праздниках, средствах массовой информации и других формах общественной жизни. *Memory studies* изучает музеи, памятники, городскую топонимику, онлайн-архивы, документальное кино,

мемориальные законы и многие другие практики увековечивания прошлого, пытаюсь не только предложить новые термины и теории для их описания, но и сформировать мемориальную культуру, помогающую преодолеть коллективные травмы, нанесенные обществу войнами, революциями и геноцидами. Например, с помощью специального языка, общаясь на котором люди учатся обсуждать «трудное прошлое», понимать боль жертв и строить инклюзивную среду, комфортную для сосуществования разных индивидов и групп.

Вот в таких размышлениях, в поисках себя, новых форм и практик образования, мы провели нашу ежегодную университетскую конференцию, переизбрали Ученый Совет и ротировали Правящую коллегия. А, заодно, оказалось, что у нас собрался небольшой, но вполне цельный и самодостаточный *факультет социальных наук и гендерных исследований* и две междисциплинарные лаборатории — *искусственного интеллекта* и *лаборатория переходного периода*. Все три подразделения были утверждены конференцией. А вот идея, выдвинутая группой членов Ученого совета о переходе к стандартной иерархии преподавателей (ассистент — доцент — профессор), провалилась. Апелляция к другим университетам, к тому, что нас «не поймут», не сработала. Мы хотели оставаться самими собой, такими, какими сами себя задумали с самого начала — все любой преподаватель, независимо от возраста, будет называться профессором — в смысле итальянского *professore* — учителем, потому что времени и сил каждый будет отдавать своим студентам и коллегам столько же. Так для чего и для кого нужна эта иерархия?

Что еще мы успели сделать за этот семестр?

Мы перевели нашу коллективную монографию о выборах на английский язык (<https://freeuniversity.pubpub.org/maximum-security-elections>) и получили неожиданно-приятный результат — Латвийская Национальная библиотека обратилась к нам с просьбой о дополнительной закупке книги, в том числе для университета им. Богдана Хмельницкого в Украине.

Мы всерьез задумались о развитии нашего ютуб-канала. Это отличная площадка для публичных лекций. Вместе с Ки-

риллом Мартыновым мы составили примерный план и начали его реализацию.

За полгода мы выпустили три номера нашего журнала «Палладиум»: «Русский мир. История болезни» (<https://freeuniversity.pubpub.org/palladium-8>), «Язык и свобода» (<https://freeuniversity.pubpub.org/palladium-9>), «Патогенез суверенитета» (<https://freeuniversity.pubpub.org/palladium-10>). Номера получились очень серьезными и востребованными. Настолько востребованными, что даже при наличии электронных версий нам пришлось издавать дополнительные бумажные тиражи.

Мы заключили договор о сотрудничестве с Куявской высшей школой в г. Влацлавек недалеко от Варшавы. Идея состоит в том, что на территории Восточной Европы (и особенно Польши) на второй год войны сконцентрировалось несколько миллионов русскоязычных эмигрантов и беженцев (украинцы, белорусы, русские и русскоязычные из постсоветских стран). Конечно, этим людям проще и удобнее слушать университетские курсы на родном языке. Договорились попробовать соединить наши русскоязычные академические онлайн-курсы, которые будут аккредитованы университетом и засчитаны студентам по правилам Болонской системы с параллельным углубленным изучением польского языка.

Наши нелицензированные сертификаты и наши рекомендации стали приниматься университетами разных стран (RWTH Aachen University, University of Queensland в Австралии, Università degli Studi di Bologna, University of Helsinki, London School of Economics, программой Türkiye Bursları и другими университетами и стипендиальными фондами). В том числе на программы PhD. Это очень радостно и это, безусловно, прорыв.

Вот еще одна история. *Илья Бер*, профессор Медиашколы Свободного университета: «Хочу рассказать вам духоподъемную историю. Осенью, как вы вероятно помните, я провёл свой авторский курс по поиску и верификации информации для студентов медиашколы Свободного Университета. 13 двухчасовых занятий онлайн. Того самого университета, который недавно признали в России „нежелательной организацией“.

Народу было много, из разных городов и стран. Успешно его завершило человек 40. Зачётным заданием было создание новой статьи в Википедии.

И вот в ноябре пишет мне в личку Телеграма девушка: „Я Алиса, студентка Вашего курса поиска и верификации информации. У меня не получится присутствовать на сегодняшнем занятии, у нас в Харькове прилетело по ТЭЦ, сидим без света“. Можете себе представить мои чувства.

Потом она написала хорошую статью в Википедию (удивительно, что её не написали раньше) про стендап-комика Идрака Мирзализаде, которого выслали из России, отобрав вид на жительство. За „оскорбление русской нации“.

Потом в феврале уже этого года, через полтора месяца после окончания курса она попросила меня составить для неё рекомендательное письмо. Ещё написала добрые слова про пользу курса, но их цитировать не буду из ОГРОМНОЙ скромности.

Оказалось, что она уехала из Украины в Польшу, а потом добралась до США и пытается там поступить в американские вузы. Я письмо написал. Честное. Рассказал, что знаю Алису плохо, но вот, вёл один курс и она вполне успешно его прошла и закончила.

Несколько дней назад Алиса написала, что её приняли в магистратуру Колумбийского университета и дают годовую стипендию на обучение — 35 тысяч долларов. И, когда я это прочитал, на несколько минут ощутил настоящее счастье».

В целом семестр, несмотря на нашу, ставшую уже хронической эмоциональную усталость прошел хорошо. Это подтверждается реакциями преподавателей.

Андроник Арутюнов, профессор Свободного университета, 02.05.2024: «Закончил во вторник читать курс лекций по грубой геометрии. Что имею сказать. Прежде всего, собрались на столь специфический и узко математический курс очень хорошие слушатели, я был приятно удивлён: народ не „отвалился“ до самого конца, задачи сдают (у нас там было несколько листочков с задачами) вопросы задают, в общем одно удовольствие.

Весьма позитивно на качестве сказалось, что у меня была возможность готовиться к лекциям не вечер, как было во времена „полной ставки в МФТИ“, а по 2–3 дня. В результате удалось рассказать массу всего „специфического“, продумать всякие примеры и аналогии, логически увязать разные темы. Да и сам я, прямо скажем, узнал массу нового и это классно — учиться вместе со всеми. Буду, пожалуй, повторять опыт чтения курсов по супер свежим разделам науки.

Отдельно гордость разбирает, что удалось подготовить полноценный конспект (за что, конечно, спасибо и тем, кто помог с набором альфа-версии первых лекций в прошлом году). Ну и, надеюсь, что сей конспект привлечёт внимание издательства МЦНМО, и в обозримом будущем я смогу поддержать в руках красивую книжку с картинками (картинок, кстати, уже много). Ну и за счёт того, что конспект писался онлайн, и сразу „по уму“, могу доложить, что, к примеру, статей, вышедших с 2020 года, я процитировал больше десятка. Это, так сказать, в подтверждение тезиса о „свежести“ курса. И, кстати, думаю, что по ходу доработки текста ещё прибавиться.

За недельку постараюсь прийти в себя, и вскорости попробую рассказать тут что-нибудь научно-популярное. Может быть даже про ИИ (но это не точно).

Отдельный фан-факт. К лекциям я относился настолько серьёзно, что на первую и последнюю даже нацепил пиджак, и некоторые читатели в телеграме уже его оценили. Кстати, моё перемещение по городу на моноколесе в пиджаке явно повергало окружающих в состояние лёгкого изумления».

Анна Елецкая, профессор Свободного университета: «Основная цель нашего с Маратом Гельманом пилотного курса „Как открыть и управлять коммерческой художественной галереей“ заключалась в том, чтобы укатать 130 студентов, подавших заявки на участие, и отбить у них всякую охоту заниматься этим увлекательным делом — продвижением художников и управлением художественной галерей. Студенты достались крепкие и недоверчивые! Но задача, как мне кажется, выполнена на 95%: к финишу пришли 30 человек, заморенных интенсивными лекциями, и только один из этих бесстрашных героев при-

шел с полноценным бизнес-планом по своему проекту. Многие спрашивали меня, будет ли курс в новом учебном сезоне? Будет! Но теперь я планирую изнурять студентов 2 семестра, то есть весь учебный год. Роскошно проведем время, приходите!»

Анна Каретникова, профессор Свободного университета (курс об оказании помощи следственно-арестованным): «Добрый день. Сегодня прочитала последнюю лекцию курса. Быть может, имеет смысл повторить курс, немного доработав и изменив с учетом пожеланий тех групп, которые его уже прослушали, поскольку они его, по словам студентов, активно продвигают и всем советуют... уж не знаю, какой поставить смайлик с учетом его невеселой тематики».

Дмитрий Кузнецов, профессор Свободного университета: «Я тоже сегодня завершил курс. Хочу повторить его, изменив и возможно разбив на две части, следующей весной».

Екатерина Мишина, профессор Свободного университета: «Всегда очень грустно, когда заканчивается курс и приходится расставаться со слушателями, которых успеваешь полюбить за эти полгода. Несмотря на условия, в которых мы вынуждены работать, не видя лиц наших студентов, они все равно становятся частью нашей жизни. Хорошо, что невзирая на обстоятельства они все равно приходят к нам, отлично учатся, а потом на итоговой конференции делают такие доклады, что просто лопаешься от гордости за каждого из них».

Константин Бандуровский, профессор Свободного университета: «Друзья, студенты двух курсов, которые я веду, „Диалоги с Платоном“ и „Латинский для философов“ попросили летом продолжить занятия. Из присутствующих на занятии студентов эту идею поддержали все. Может быть, кто-то тоже собирается летом заниматься? Тогда можно было бы объединиться и сделать что-то вроде летней школы или летнего семестра».

Евгений Беркович, профессор Свободного университета (29 июня 2024): « Вчера имел удовольствие присутствовать на защите дизайнерских проектов слушателей курса профессора Свободного университета Татьяны Сиротининой. Меня пригласили, так как темой примерно десяти проектов была разработка фирменного знака и макета главной страницы сайта нашего издательского дома (ИД). Сразу скажу, что задание было сложным: направления деятельности ИД разнообразны и непохожи друг на друга: издание четырех СМИ, лекторий и книжные издательства. И тематика изданий распадается на два слабо связанных русла: еврейская история, традиция и культура (как в журнале „Заметки по еврейской истории“ или в альманахе „Еврейская Старина“) и общечеловеческая тематика в направлении науки, культуры, словесности (как в журнале „Семь искусств“, например). Вот такую мешанину разных тем и направлений нужно было отразить в логотипе, фирменном знаке и макете главной страницы портала ИД. Полностью эта задача, конечно, сразу не была решена, но подходы к ней обнадеживают. Практически в каждом проекте были интересные дизайнерские находки, слушатели (точнее, слушательницы — состав курса профессора Сиротининой исключительно женский) подошли к заданию творчески, как говорят сейчас, „креативно“, при этом их поиски опирались на хорошую базу — чувствовалась направляющая рука их руководителя — профессора Сиротининой. Мне кажется, из этих девушек получатся неплохие профессионалы-дизайнеры. Спасибо, Татьяна, за приглашение и умелое руководство проектами».

Заметки на полях

Свободный университет выражает соболезнования и солидарность студентам и профессорам Карлова университета.

21 декабря 2023 на кампусе в Праге преступник убил 14 человек, более 25 получили ранения. Среди сотрудников университета, находящихся в этот момент в его зданиях, были наши друзья и коллеги.

Университет должен оставаться пространством мира и поиска знания. Мы знаем, что Карлов университет разделяет эти академические ценности, и высоко ценим вклад наших коллег в Чехии в развитие свободной научной дискуссии.

В мире, где растет число диктатур и войн, именно университеты как в самые темные времена в прошлом, дают надежду на будущее.

Четыре русских языка (29 февраля 2024)

Кирилл Мартынов, профессор Свободного университета

Довоенные исследования ставили русский язык на 3–4 в мире по количеству цифрового контента, доступного на нем. Русский шел после английского и испанского, примерно на одном уровне с арабским. Две основные причины способствовали тому, что в эпоху цифровой глобализации русский фактически оставался глобальным языком: во-первых, историческое имперское (советское) наследие, связанное с числом переведенных в XX веке текстов и статусом *lingua franca* для северной Евразии, а во-вторых, чрезвычайно успешный российский IT — несколько лет назад в двадцатку самых посещаемых сайтов мира входили пять российских проектов и для сравнения ни одного из Евросоюза.

Сейчас в режиме реального времени можно наблюдать, как глобальный русский язык разрушается войной. Думаю, что к 2024 году можно выделить как минимум четыре разных русских языка, стилистические и содержательные акценты в которых постепенно превращают их в отдельные сущности, а не просто в диалекты/жанры единого языкового пространства, как это могло быть до 2022.

Существует официальный язык государства РФ — это самая непопулярная, но и самая агрессивная версия языка. Она вырастает из постсоветского канцелярита, наполнена пассивными залогами («наш суверенитет укрепляется»), и постепенно впитывает элементы советского «большого стиля» (студентам РАНХиГС сейчас советуют «проходить мимо митингов и не смотреть на них»), и, что более интересно, элементы крими-

нального аргю, на котором говорят Путин, Лавров и другие официальные лица. Вершиной официального языка государства является творчество Дмитрия Медведева или скорее его *ghost writers*, где хрюкающие подсвинки англосаксов уничтожаются нашим народом-богатырем во имя повышения удоев. Кроме государства на этом языке не говорит никто, но если нужно сказать в официальном российском контексте что-то «весомое и серьезное», то люди обращаются к этому стилю.

Второй русский язык можно классифицировать как аполитичный подцензурный. Это то, что осталось от довоенного языка внутри РФ и на цифровых платформах, контролирующихся государством. Особенность этого языка состоит в том, что он вынужденно игнорирует заметную часть реальности, но при этом люди, которые на нем общаются, уверенно делают вид, что ничего чрезвычайного не происходит. Думаю, это новый феномен, возникший в результате того, что внутри зверской и быстро растущей диктатуры существуют социальные сети, где идет письменное, но живое общение (известный феномен смещения в социальных медиа особенностей разговорной речи и письменного текста). Как если бы диалоги на советской кухне перенесли в ВК. Фирменным стилем этого русского языка становится СВО-волапюк, и все фигуры речи, специально разработанные для того, чтобы игнорировать реальность, например, выражение «в наши непростые времена» или даже «сложная геополитическая обстановка».

Третий русский язык существует в основном за пределами возможностей Роскомнадзора: это довоенный русский, но изрядно деформированный нарративами горя и ресентимента. Главными его носителями стали эмигранты, и в нем война называется войной, возможны лингвистические эксперименты, неподконтрольные государству, но будущее этого русского предсказывать трудно. С одной стороны, он должен разделить судьбу всех эмигрантских диалектов, оторванных искусственно от национального ядра, когда, например, эмигранты первой волны продолжали использовать старую орфографию и архаическую лексику, превращаясь в лингвистический музей самих себя. С другой, никто не ставил прежде таких экспериментов над языком в условиях цифровой глобализации, и прямо сейчас

помимо Рунета-1 явно существует Рунет-2, состоящий из неподцензурных сайтов и социальных сетей. В каком-то смысле Рунет-2 вернулся в 1999–2005 год, его пользователями снова является креативное меньшинство, не связанное цензурой государства. Не ясно, что будет с таким языком.

Наконец, четвертый русский язык используется людьми, не имеющими ничего общего с государством РФ — в том числе не имеющими паспортов этого государства. В значительной степени носителями четвертого языка становятся украинские беженцы и беларуские политэмигранты. Как правило, эти люди билингвы, но они не готовы отказываться от контента, доступного на русском, и от возможностей старого *lingua franca*. Это язык катастрофы и потери дома, единственным аналогом, который мне приходит на ум, является идиш. Этот русский язык как будто бы должен стать мертвым первым. Но опять же, никто не ставил раньше таких экспериментов над людьми и языками: никто как Путин не убивал мировой язык интернета, и не смотрел, как он будет мучиться.

Перемещенные лица, мелькнувшие в зеркале (18 марта 2024)

Гасан Гусейнов, профессор Свободного университета

После Второй мировой войны появилась политически корректная лексика, или слова, которые должны были описывать людей не обидным для этих людей образом. Например, вместо «перемещенных лиц» заговорили о «беженцах». Первое выражение — это описание человека как предмета, который кто-то зачем-то переместил куда-то за границу. «Беженец», хотя слово и старинное, содержит помимо обидной семантики, граничащей с трусливым дезертирством, и активное значение. В первом случае тебя переместили. Во втором — ты сам бежал за лучшей долей.

В позднем Советском Союзе «мигрантами» называли людей, приехавших на заработки в крупные города центральной РСФСР или в бывшие республики Советской Прибалтики из Средней Азии или Закавказья. В перестроечных газетах

то и дело высказывалось возмущение: «Как же можно, людей, которые перемещаются по своей собственной стране, так унижать!» Прошло всего несколько десятилетий, и на слово «мигрант» перестали обращать внимание. Потом, уже в 1990-е, и в РФ стали пользоваться международными словами вроде «гастарбайтера», в сокращении «гастера», да и этническими наименованиями, как бы нейтральными, но все же пренебрежительными.

Когда люди пускаются в плавание по своей воле, они более или менее уверенно могут ответить, откуда они идут. Но эту свою уверенность все же потом приспособливают к ожиданиям того берега, к которому пристают. Выезжаешь под одним флагом, прибываешь под другим, обживаешься на новом месте под третьим. В самом начале 1990-х один мой добрый знакомый, известный историк, уже сильно в годах, отказался от переезда в Германию, потому что не хотел становиться ни «поздним переселенцем» (так он назывался бы, если бы показал принимающей стороне свои немецкие корни), ни «контингентным беженцем», если бы мотором переезда была его жена-еврейка. К счастью для себя, он решил остаться московским профессором, прожившим последние годы жизни в достоинстве и славе. Переезд не нравился моему знакомому по соображениям этическим и эстетическим: «У нас нет детей, ради возможного счастья которых я мог бы пойти на такой шаг. А словосочетания «поздний переселенец» или «контингентный беженец» заставили бы неровен час шевельнуться осколок немецкой гранаты, который сидит у меня в голове».

И это не редкий какой-нибудь случай. Некоторым моим друзьям и знакомым, бежавшим в конце 1980-х гг. из позднесоветского Азербайджана детям от смешанных армяно-азербайджанских браков, пришлось выбирать себе новую идентичность. Одним было легче — они просто стали армянами, другие обозначили себя евреями, третьи, оказавшись в Австралии или в США, стали бóльшими азербайджанцами, чем были в СССР. Самый интересный четвертый случай — молодого человека, выучившего итальянский язык и с успехом выдававшего себя на севере Германии за онемеченного итальянца.

В СССР люди с западной родословной выживали в сталинское время плохо и часто несли свое туманное происхождение как тяжкий крест. Но ближе к концу советской власти начинали об этом говорить, а на старости лет уже конфабулировали что-то совершенно несусветное о своих воображаемых предках — внебрачных потомках кардиналов (sic!) или герцогов. Одна такая добрая знакомая работала редактором в московском издательстве; жесткая и язвительная в профессиональном общении, она совершенно размякала, когда встречала интерес к своим итальянским корням, и тогда мало-помалу выяснялось, что эта ее заброшенная в далекое прошлое мечта — род спасительного безумия человека, никогда не выбиравшегося из советской Москвы и находившегося на своем месте словно для того только, чтобы иллюстрировать изучавшим философию молодым друзьям такие базовые категории модной тогда философии экзистенциализма, как «заброшенность» и «одиночество». Все это было ужасно грустно, ведь люди хотели стать другими, сменить кожу, но как это было сделать? Только внутренним перерождением. Это было крайним проявлением того, что люди иногда неосторожно называют «внутренней эмиграцией», на этот раз — эмиграцией в никогда не существовавшее прошлое. Подавляющему большинству само это представление, что можно захотеть быть кем-то другим, чуждо и даже враждебно. Хотя ведь всех предупреждал Александр Блок: «Заплачет сердце по чужой стороне...»

Обычно, думают они, сердце плачет по оставленному родному берегу, а «другие берега» и «чужие города» в лучшем случае непонятны, в худшем не менее враждебны, но в чем-то и более опасны, чем оставленное отечество.

В годы войн и погромов, политических и экономических преследований у многих людей не остается иной раз и часа, чтобы задуматься о новой для себя оболочке — той оболочке, под которой им предстоит все-таки начать новую жизнь на чужом берегу.

Близкие — друзья, соседи, родственники — остались там, где была своя — их и твоя — общая устроенная жизнь. Но сама скоропалительность отъезда, почти бегства или настоящего

бегства, которую прикрывает новое слово «релокация», многих приводит в смятение, которое может не проходить годами.

Товарищ написал мне: «Посмотрел на себя в зеркало и увидел ПЕРЕМЕЩЕННОЕ ЛИЦО. Вдруг понял смысл этого старого выражения. Вот он я, типичный дипишник, тот самый, о котором прочитал целый шкаф мемуаров и отчаянных стихотворений первой, и второй, и третьей волн. Но в решающий момент ни один текст не сумел подготовить меня к тому, что вот именно я — ПЕРЕМЕЩЕННОЕ ЛИЦО».

Тут не работают советы и бесполезны ссылки на собственный полезный опыт. Если есть что-то счастливое в этом эпизоде узнавания в себе перемещенного лица, то это — сам акт открытия себя как другого, нового, освобожденного от сословных и этнических обязательств, словно родившегося заново человеческого существа.

«Да, — продолжил товарищ, — у меня в кармане паспорт с истекающим сроком годности, выданный не самым дружелюбным к своим гражданам государством. Оставив это государство, я пока не стал другим человеком. Но даже и продолжая жить интересами и заботами оставшихся на родине близких, я все-таки уже отдалился и продолжаю отдаляться от них. Перемещаюсь не только в пространстве, но и все дальше во времени. В постепенном охлаждении и замирании прежней жизни много тоски и меланхолии. Но я знаю, что ушел от своей войны, или от той войны, в которой я должен был бы терпеть происходящее, и тогда эта война шла бы и от моего имени. В эту войну, чего доброго, вступили бы и мои дети и внуки».

Так думали и некоторые немцы в 1933, а особенно в 1938, так думали и некоторые советские в 1979 после вторжения в Афганистан, и некоторые россияне в 2008, когда РФ напала на Грузию, и в 2014, когда напала на Украину. Об этом свидетельствуют и статистические данные об эмиграции из РФ после 2008 и после 2014 года, тогда еще не фальсифицированные и обскуddавшиеся в научных публикациях.

Конечно, что значат на фоне десятков миллионов какие-то жалкие сотни тысяч? Разве ими нельзя вообще пренебречь? Даже 1–2, да даже и 10 миллионов отказавшихся от родства, крова и родных могил, разве эти беглецы не заслуживают пре-

зрения как предатели своего народа? Раз они выбрали другую судьбу, наши пути разошлись навсегда, и они отныне не могут называться с нами одним именем. Горькое, но такое понятное суждение, если судить о людях, как о муравьях в муравейнике!

А если нет, если отказаться от тупиковых споров?

Разве это не последнее расставание с неволей? Не последняя возможность выбрать личную свободу?

В немецком языке есть интересное слово *Wahldeutscher*, которое переводится на русский так: «Ставший немцем по собственному выбору». И даже более буквально: «Принявший германское гражданство». Это не то же, что карикатурное «желание быть испанцем» по Козьме Пруткову, или упомянутое чуть раньше «желание иметь итальянских предков». *Wahlpariser* по-немецки — это человек, который не просто «хотел бы жить в Париже», но взял и перебрался туда. Не по Маяковскому («я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва»), а по самому существу добровольного выбора.

Но это, возразят мне, не то же, что оказаться «перемещенным лицом», «релокантом», «эмигрантом», «беженцем». Тут не до выбора, не до жиру, быть бы живу. Ведь кого-то занесло в Казахстан или в Турцию, в Армению или в Грузию. Не стали там русские люди ни казахами, ни турками, ни армянами, ни грузинами. Вы «Бег»-то читали, ловкий вы наш? Ишь раскатал губу, «француз по выбору».

Да и то дело — ведь как рискованно-то. Выбрал ты себе по доброй воле другую судьбу, а где гарантия, что твой выбор — правильный? Народ правду знает. Где родился, там и пригодился? Каждый кулик свое болото хвалит? Разве не так?

Так ведь и другое — так. Выбор между «там» и «тут» как выбор между волей и долей определяет все тот же неизбежный Даль: «Там своя воля, а тут своя доля».

Будем ценить людей, которые видят эту межу и не дают напрасных советов. В разгар советского века в большой моде в Советском Союзе был английский писатель Сомерсет Моэм. Правда, по мере углубления в советское время произведения его печатали по-русски с опозданием на целое поколение, но некоторые его рассказы о космополитах, о выбравших жизнь в чужом краю, о потерявшихся или, наоборот, о нашедших

себя на этом пути, вдруг обретают свежесть и сегодня. Герои Моэма как бы проживали жизнь за нас, советских обитателей единственно верного и идейно выдержанного заповедника общественного долга и народной доли. Удар по этой простоте и нанесла война.

DOI: 10.55167/363809743c6d

Украина между Россией и Европой

С любезного разрешения редакции POLIT.RU мы публикуем фрагмент дискуссии, развернувшейся в 2004 году в связи с выборами президента Украины и вмешательством в них со стороны Российской Федерации между Г. Гусейновым и В. Лейбиным. В полном виде дискуссия доступна на сайте POLIT.RU, к сожалению, заблокированном сейчас в РФ.

Украина между Россией и Европой¹

Гасан Гусейнов

Географически Украина находится между Россией на востоке и странами Евросоюза на западе. Политически, однако же, в восприятии европейской общественности, эта страна находится где-то далеко по ту сторону России. На этом обмане зрения строится и политическая стратегия Германии и Евросоюза в отношении Украины. По словам украинского богослова и публициста Мирослава Мариновича, высказанным им на встрече в Берлине в этом октябре, «после 11 сентября 2001 года у многих в Украине крепнет впечатление, что между Западом и Россией достигнута негласная договоренность, согласно которой Украина (равно как Беларусь) возвращается в зону влияния главной наследницы СССР — России». Руководство западных стран не реагирует, в частности, на факты грубейшего вмешательства во внутренние дела Украины со стороны Кремля. Высокопоставленные представители российских властей (включая президента Путина) проводят в Украине активную предвыборную кампанию в пользу «социально близкого» чекизированному Кремлю деятеля. Европейский Союз, возможно, приближается к российскому подходу к Украине как стране, независимость которой — лишь временное недоразумение, а демократическое развитие — несбыточная мечта.

1. Полит. ру. 19.11.2004. URL: <https://polit.ru/articles/mir/ukraina-mezhdu-rossiey-i-evropoy-2004-11-19/>.

Между тем, непредвзятое сравнение России и Украины показывает: по уровню развития парламентаризма и многопартийности Россия за короткое время (ускоренно — после событий в Беслане в первые дни сентября 2004 года) отстала от Украины. Но не это, а отсутствие сырьевых ресурсов и ядерного оружия — вот единственное принципиальное отличие Украины от России для западноевропейских партнеров. На его фоне западным политикам неизмеримо легче критиковать Украину за коррупцию и nepотизм, преследование неподкупных журналистов и нарушение международных торговых соглашений. Вместе с тем обращает на себя внимание относительное невнимание европейских СМИ к некоторым делам, которые в «нормальной» стране давно привели бы к отставке правительства и президента. Достаточно назвать дело убитого журналиста Георгия Гонгадзе или коррупцию в высших эшелонах власти.

Без сомнения, поведение украинских властей, характер украинской экономики, развитие местного самоуправления — всё это пока еще очень далеко от европейских норм. И всё же, по крайней мере, в некоторых отношениях Украина пока является и более демократическим, и более стабильным государством, чем Россия. Это в России, а не в Украине идет война. Это в России, несмотря на захватывающее дух сырьевое богатство, государство не в состоянии законными методами провести реформирование важнейших отраслей экономики. Достижение стратегической цели Кремля «реинтегрировать» Украину в российскую экономику означало бы поэтому расширение зоны нестабильности. И наоборот, активное политико-экономическое противодействие планам нынешнего российского руководства стало бы инструментом стабилизации, а в более отдаленной перспективе — и положительного воздействия на политическую жизнь России.

При этом самым слабым аргументом сторонников «заталкивания Киева» под крышку «постсоветской России» должен был бы стать тезис о сырьевой зависимости Украины от России. Да, такая зависимость существует, но ровно в такой мере, в какой от российских нефти и газа зависит остальная Европа. Положение транзитной страны может быть фактором и подчинения ее старшему российскому брату, и интеграции в во-

сточно-европейское экономическое пространство. Пока Европа фактически избрала первую опцию.

Ультимативной легитимацией поддержки западом президента РФ Владимира Путина является страх перед распадом России. Политический анализ 20-летнего периода — от прихода к власти в СССР Михаила Горбачева в 1985 году до истечения первых десяти лет независимости бывших республик СССР — содержит возможность взаимоисключающих среднесрочных прогнозов.

С одной стороны, за этот период произошла дезинтеграция СССР. Нет никаких оснований сомневаться в том, что сепаратистские движения на Кавказе — продолжение этого вектора развития. Да, партизанский террор чеченского сопротивления совпал по времени с вспышкой антизападного терроризма, условно объединяемого под маркой «Аль-Каиды». Но основной мотор этой войны — слабость противоборствующих сторон: неспособность одних добиться своей государственности и автономии, а других — сохранить целостность своего государства в разумных пределах. Именно этим объясняются попытки нынешнего руководства России заниматься новым государственным строительством по чертежам середины 20-го века. За годы правления Бориса Ельцина (1991–1999) великодержавно-реставрационные настроения в правящем классе России взяли верх над демократически-обновленческими, военные и спецслужбы заняли ключевые позиции в высших эшелонах власти.

Милитаризация российской политики, последовательное отключение демократических процедур объясняется многими обстоятельствами. За период 1991–1993 гг. согласие в том, что политическая и экономическая свобода — это эквивалентная компенсация за распад СССР, закрепиться так и не смогло. Вторая половина 1990-х годов стала временем дестабилизации. Вернувшись к власти, силы из советских спецслужб пообещали исправить положение. Идеология «вертикали власти», которую проводит нынешнее руководство России, ликвидация многопартийной системы и свободных СМИ являются предложением населению страны передать полномочия по принятию жизненно важных решений группе активистов. Население России не возражает против лишения его политических функ-

ций. Активисты, пришедшие к власти с помощью медийных манипуляций и добившиеся признания в качестве легитимных руководителей Российской Федерации, вынуждены, однако, обезопасить себя. Они вводят всё новые законодательные ограничения, которые в перспективе позволят им и впредь обходиться без политического участия населения в формировании органов управления страной.

Свое положение у власти путинская группировка укрепила. Но обещания стабилизировать страну смогла исполнить лишь на уровне телевизионной картинке, методом массированного промывания мозгов. Главный сюжет этой картинке — «Великая держава, окруженная врагами». Именно эта идеологическая пружина определяет взаимоотношения России с Украиной и толкает руководство России на пока еще словесную агрессию против крупнейшего из западных соседей.

Для лучшего понимания этой агрессии следует понять непосредственных исполнителей политики аннексии. С одной стороны, имеет место реакция среднего звена управленческо-спецслужбистской элиты на утрату Россией статуса сверхдержавы. Россия всё ещё обладает сверхдержавным ядерным потенциалом, а с другой — не может преодолеть вооруженные конфликты на Северном и Южном Кавказе, как на собственной территории, так и в сопредельных странах, часть территории которых Россия пытается аннексировать. Психологический разрыв в самосознании преодолевается с помощью политической символики и заполняется «теорией заговора». Считается, что все непосредственные соседи России только и ждут ослабления бывшей колониальной империи, дабы оторвать от нее «кусочек пожирней». Чеченский сепаратизм — как одно из естественных и ожидавшихся следствий роспуска СССР — Кремль последовательно повышает в статусе — вплоть до объявления войны в Чечне «сражением с глобальным исламским терроризмом».

Если в начале 1990-х годов Борис Ельцин боролся с чересчур амбициозным местным князьком — Джохаром Дудаевым, то уже к середине 1990-х борьба с чеченцами приобрела новое историческое измерение. Отсчет повели от последней трети 19-го века, когда Российская империя завоевала весь Северный Кавказ. В этом новом политическом контексте многие россий-

ские граждане стали ретроспективно оправдывать и депортацию чеченцев в 1944–1956, и жестокости «царской цивилизации» региона. В отношении стран Южного Кавказа Кремль пытается осуществлять политику «аннексии через посредничество». Взяв на вооружение распространенную в экономической жизни систему «крыши» и «отката», Москва посредничает в спорах между Грузией с одной, Абхазией и Южной Осетией — с другой стороны. Ставка для Грузии высока: посредник не скрывает своей готовности присвоить при случае в качестве «отката» ту или иную территорию. За 10–12 лет конфликтов на Северном (с 1994) и Южном (с 1992) Кавказе ни российская дипломатия, ни армия с поставленными перед ними задачами не справились. Универсальное объяснение гласит: в случае Грузии Кремлю противодействуют США, в Чечне — международный исламский терроризм Аль-Каиды. При этом фактически кремлевское руководство загоняет себя в неразрешимое противоречие: на Северном Кавказе оно борется с сепаратизмом чеченцев, на Южном — разжигает сепаратизм абхазов и осетин. Избранный метод — решительное применение силы, сверхзадачей оказывается не урегулирование нескольких конкретных конфликтов, а паушальное восстановление имперского величия на возможно большем участке бывшей советской территории.

Потенциальная угроза дальнейшего распада Российской Федерации вследствие такой политики существует на деле. Дабы обезопаситься от такого развития событий по границам национальных образований («субъектов федерации») хотя бы на период собственного правления, Путин торопится ликвидировать федеративный характер российского государства. Однако даже успех на этом пути не избавляет от кошмара: распространения «язвы» сепаратизма с Северного Кавказа на Прикаспий и Поволжье. Крайняя нежелательность такого развития событий для России и для остального мира не может быть гарантией сохранения статус-кво: достаточно сравнить карту СССР и его 15 республик 1989-го года с картой РФ образца 1991-го. Вместе с тем, актуальна и другая угроза — аннексии Россией некоторых оставшихся без надзора или действенного контроля территорий — от Белоруссии на западе до Южной Осетии и Абхазии на юге. В России существуют силы, бросаю-

щие агрессивный вызов и соседним странам и собственному населению.

За минувшие 15 лет руководство России оказалось не в состоянии ответить на этот вызов. Более того, в случае Чечни действия правительств Ельцина и Путина лишь усугубили трудности РФ. «Раздавив» открытое вооруженное сопротивление повстанцев, «федералы» попали в капкан Гражданской войны, сделав часть своей территории дырявой для таких эксцессов, как события в Беслане.

Касаясь необходимости поддержать правительство России, канцлер Германии Герхард Шрёдер заявил 24 октября в Берлине: «Государство вновь обязано приступить к исполнению своей функции защитника, не будучи вынужденным покупать эту защиту у мафиозных элементов». Вопрос о том, с какого конца Европе следовало бы начать помогать России защищать сограждан, является абсолютно законным. Один из ответов на него следует искать в Украине.

До сих пор политика некритической поддержки президента Путина преподносится на Западе как прагматизм. На деле, однако, эта политика представляет собой инстинктивную реакцию «съёживания» на столь же инстинктивные телодвижения Кремля, машинально пытающегося подхватить хоть какие-то куски советского имперского наследия. МИД России протестует против попыток вмешательства во внутренние дела РФ в Чечне, но раздает российские паспорта гражданам Абхазии или Южной Осетии — никем не признанных сепаратистских образований, официально входящих в состав соседней Грузии. Русскоязычное население Украины Кремль пытается превратить в инструмент политического подчинения соседней страны своему диктату. В отличие от русских в России, русские в Украине могут принимать участие в свободных выборах. Пример бесконечно более слабой русской общины в странах Балтии свидетельствует: даже явная дискриминация носителей русского языка не смогла помешать политическому волеизъявлению людей. Первый русскоязычный депутат Европарламента представляет Латвию. И наоборот, в России мероприятия по ограничению демократии в самой обширной по площади стране мира сопровождаются ограничениями на пе-

редвижение. Система регистрации иногородних без прописки в населенных пунктах в сочетании с укреплением «вертикали власти» и вкпе с отменой независимых СМИ означает превращение России в полицейское государство. Единственное, чего этому государству всегда будет мало, — это населения, понимающего команды на доступном начальству языке. Именно это обещает народу Украины Виктор Янукович, рекламируя двойное гражданство и называя «смешными» опасения тех своих сограждан, кто переспрашивает, а не придется ли новым молодым гражданам России влиться в ряды вооруженных сил бывшей империи. На фоне десятилетней войны на Кавказе это совсем не праздный вопрос. И уж во всяком случае не «смешной». Это как раз вопрос прагматики: густонаселенная и более демократическая соседняя страна в случае ее аннексии Россией станет жертвой ресоветизации со всеми вытекающими отсюда глобальными последствиями.

И наоборот. Если бы Западу удалось отстоять политическую независимость Украины от России и способствовать сосуществованию в этой стране русского и украинского языков, опираясь на европейские образцы или Канаду, то такой пример мог бы со временем стать заразительным и для россиян.

Некритически поддерживая правительство Владимира Путина, Европа повторила бы грубую ошибку США. На протяжении десятилетий американцы поддерживали репрессивные режимы в Саудовской Аравии или в Иране. Цену стабильности шахского правительства показал Аятолла Хомейни, цену стабильности саудовцев — клан Бин Ладена. У России есть шанс не стать политически похожей на Иран или Саудовскую Аравию. Но для этого у ее населения должен быть стимул. Для этого, если угодно, Россия должна увидеть, что русские люди могут жить в демократической стране, могут построить демократическое государство, не угрожающее старым и новым соседям. Шанс стать такой демократической страной первой получает сегодня Украина. И Европа обязана помочь ей отстоять этот шанс.

Украинские выборы как зеркало русской демагогии²

Виталий Лейбин

На Украине прошли украинские выборы. Пока лидирует Виктор Янукович, явка в восточных регионах позволяет прогнозировать его итоговую победу, но разрыв не будет впечатляющим, ситуация меняется, что делает вероятными попытки перенести решение вопроса о власти на улицу, в парламент и в суды. Сейчас важнее всего предотвратить гражданское противостояние, и найти формулу мирного признания поражения, кто бы в итоге ни проиграл.

Полувоенный характер ситуации определяется тем, что в случае победы Виктора Ющенко вне возможности политического маневра останется почти вся бизнес-элита страны. В случае победы Януковича, существенная часть команды его оппонента тоже не может рассчитывать на то, что с ней будут иметь дело. Характерный пример — Юлия Тимошенко, которую после всего, что было при Павле Лазаренко, при премьерстве Ющенко, после ее пожелания сторонникам Януковича повеситься, после объявления в международный розыск, вряд ли будут рассматривать как партнера по политическим переговорам. Но самому Ющенко, вероятно, придется что-то предложить.

Иными словами, на Украине все только начинается. Но важный итог для России можно подвести уже сейчас. Дело в том, что внутренний спор российской элиты с невиданной остротой выплеснулся на украинской почве. Это позволило обострить внутрироссийскую дискуссию и выявить ее хронические болезни.

Так уж сложилось, что по поводу Украины схлестнулись путинисты и антипутинисты, и сама эта ситуация является нездоровой, поскольку безмозглой. В конце концов, президент у нас — это всего лишь символ российской государственности для населения на современном этапе, а ее смысл находится в другом месте.

2. Полит. ру. 22.11.2004. URL: <https://polit.ru/articles/strana/ukrainskie-vybory-kak-zerkalo-russkoy-demagogii-2004-11-22/>.

Позиция «официальных» околокремлевских интеллектуалов по смыслу полностью уничтожалась жанром высказывания — необходимостью строить идеологию оправдания политики власти или имитировать такую политику. Это всегда порождало контрпродуктивные тексты — типа выступлений Сергея Маркова, ряда имиджевых заявлений Глеба Павловского и всей деятельности т. н. «Русского клуба» на Украине, который только вредил своей оголтелостью. По крайней мере, у штаба Януковича была картина мира, которую они смогли передать населению и добиться видимых успехов в электоральной кампании. На карте этой объяснялось, в каком смысле и где на этой карте Америка и Россия. У профессиональных путинцев такой картины мира нет. В той же мере им приходится оправдывать «назначаемость губернаторов» и прочие слабо артикулированные тезисы президента вместо того, чтобы обсуждать настоящие проблемы страны, которые не лечатся административной суетой.

Но боюсь, с антипутинским лагерем дела обстоят не лучше, если не хуже. В качестве текста для полемики, ясной и образцовой презентации «западнической» позиции, я буду подразумевать в первую очередь статью известного интеллектуала Гасана Гусейнова «Украина между Россией и Европой», согласно которой на Украине борются демократия и тоталитаризм.

Во-первых, адресат обращения Гасана Гусейнова и многих наших либералов. Прежде всего, это США и Европа, европейские лидеры и европейские граждане. Не граждане Украины и России, не лидеры этих стран, не наши общества. Иными словами, субъект исторического решения заведомо переносится на Запад.

Во-вторых, упорное непризнание противоречия между очевидными успехами украинской демократии и призывом спасти ее, продавив одного из кандидатов, который «более демократичен».

В-третьих, российское вмешательство рассматривается как чудовищно грубое, а американское не замечается вовсе. То есть легальный и политически согласованный приезд Владимира Путина на Украину — это грубо, а многолетнее финансирование оппозиции, попытка досрочного свержения власти, обмен компромата на участие Украины в войне с Ираком и подготовка

к «мирной» революции — это верх демократичности. В то время как облегчение миграции и двойное гражданство — объективно уж точно либеральнее, и способствует развитию наших стран.

В-четвертых, чудовищно наивное понимание материальной стороны национальных интересов. Так безграмотно считается, что Украине нужно покупать энергоресурсы по европейским ценам и закрыть тему индустриальной интеграции с Россией, хотя при этом она, как и Прибалтика, похоронит свою промышленность. Цена вопроса — это почти вся (растущая!) экономика страны, и гуманитарные эффекты ее разрушения сопоставимы с войной. Как и гуманитарные эффекты закрытия границ. В обмен на что? Никто же пока не собирается «спасать украинскую демократию», вкладывая огромные миллиарды в построение новой экономики Украины с нуля.

И, в-пятых, самое смешное, представление, будто пример «демократичной» Украины поможет России избавиться от Путина и тоже стать такой же. Вот интересно, помог ли пример «их сукина сына» Пиночета избавиться кубинцам от Кастро? То есть налицо призыв навредить не Путину, а именно своей стране и гражданам обеих стран, чтобы преподать им всем урок демократии.

Такая «демократическая оппозиция» не может ничего противопоставить официальным идеологам Путина, потому что в центре ее картины мира не Россия, а некий абстрактный либеральный идеал, которого нет и в Европе, и в Америке, потому что тамошняя интеллектуальная элита как раз ощущает себя гражданами своих стран, любит свою культуру, понимает, что такое национальные интересы и не предлагает китайцам так надавить на их собственные страны, чтобы их народы стали на Путь Истинный (в смысле — Дао) и скинули безмозглого милитариста Буша.

И вообще-то объяснимо, почему Западу выгоден Путин: энергоресурсы есть, в дележ ренты принимают, сильного роста экономики и, соответственно, участия в мировой конкуренции не наблюдается. Это российским гражданам надо что-то делать со своими политиками, а не Западу. Если бы он еще позиции на Украине сдал без боя и войска послал в Ирак, вообще была бы песня.

В принципе, в каждой европейской стране есть и должна быть некоторая часть глобальной элиты, которая обеспокоена мировой экологией, судьбой цивилизации во всем мире, предпочитает эсперанто (теперь — английский) родному языку или сочувствуют универсальной синкретической церкви. Но только в практической политике голос таких глобалистов невелик.

И если российская «либеральная элита» не выделит из себя политиков, для которых центр мира — Россия и ее культура, а, во-вторых, — демократия в ней, и если «государственная элита» не выделит из себя политиков, которым плевать на Путина, но не плевать на граждан, население и их права, то мы неуклонно скатимся в поздний совок с дежурным разделением на стукачей и диссидентов. Что, впрочем, продлится на этот раз недолго.

Дегустаторам украинского политического сала³

Гасан Гусейнов

В своем полемическом комментарии к моей статье «Украина между Россией и Европой» Виталий Лейбин указал на то, что главным моим адресатом являются не российские политики и не российское общественное мнение, а европейские политики и европейская общественность. И он совершенно прав. Но разве многие россияне не часть европейской общественности, и разве часть европейцев не думает так же, как, возможно, большинство россиян-антиевропейцев? Виталий Лейбин почему-то считает мою позицию «либеральной» и тем самым чуждой или вредной для России. Прав ли он и в этом пункте?

Для ответа на этот вопрос я предлагаю читателю обратиться к нескольким авторитетным для современного российского общества текстам — к статьям и интервью политтехнологов и примыкающих к ним публицистов, которые со второй половины 1990-х годов участвовали в формировании общественного мнения в России. Эти умные люди (в самом простом,

3. Полит.ру. 25.12.2004. URL: <https://polit.ru/articles/strana/degustatoram-ukrainskogo-politicheskogo-sala-2004-12-25/>.

обыденном значении этого слова), как мне кажется, провели за последние несколько лет исключительно сложную операцию по отключению у внимавших им людей интроспекции — способности к относительно трезвой самооценке и к самостоятельному принятию жизненно важных решений, включая участие в политической жизни.

Соловьи телеэкрана убедили сограждан в необходимости прислушиваться только к собственным ощущениям. Вам нужен был человек, который доставил бы ощущение стабильности? Вы его получили. Ах, вы действовали инстинктивно, из чувства самосохранения? Прекрасно! Но тогда не пеняйте тому, кто сочтет вас политически не релевантными.

Большинство населения России сегодня политически безгласно: это то самое большинство, которое считает демократию фикцией, а политику — техникой управления людьми. Хотя общество российское сильно фрагментировано, всё же большинство, скорей всего, именно смирилось с нынешним положением вещей. Если воспользоваться нарядной метафорой, примененной Виталием Найшулем к нынешней системе правления в России — президент-царь и народ-государь, то государь в России нынче явно не в форме.

Живущее верой и с верой в теорию заговора, большинство считает, что всё происходящее в их стране есть следствие действий и решений не их самих, а каких-то других, тайно оперирующих где-то рядом коварных и могущественных сил. И события в Украине большинство объясняет именно так. «Мы же понимаем, что сами украинцы не в состоянии были бы организовать свою „оранжевую революцию“, стало быть, их одурачили (возбудили, подкупили, спровоцировали)». Добиться такого взгляда на социальную действительность помогает политтехнология. Или система организационных приемов, подменяющая демократические процедуры принятия политических решений.

Человека, несколько лет жившего под политтехнологическим гипнозом, больше всего интересует одно: «Кто ответит за то, что я себя так плохо чувствую?» Именно поэтому большинство дискуссий об Украине в России вертится не вокруг положения людей в этой стране, вообще не об Украине и ее обществе,

а вокруг себя: что будет теперь с нами? Как нам здесь, в России, помешать им там, в Украине, сделать что-то самостоятельно, как не дать им оставить нас на произвол нашей общей судьбы? «Украина» становится лишь проекцией собственных психологических проблем. Отсюда это лишенное политического смысла собирательное «мы». Это у «нас» есть своя команда в английской высшей лиге, ага⁴.

Когда интеллект более высокого порядка привыкает к обслуживанию менее полноценной в умственном отношении среды ради утоления инстинктов обеих сторон, то с интеллектом этим происходят непоправимые вещи. Зажатый между инстинктивно презируемым «народом» и внушающими инстинктивный страх «властями» интеллект неудержимо теряет из поля зрения реальность. Вместо нее перед его глазами разыгрывается страшная драма собственных химер. Весьма содержательно эту драму изобразил на днях Глеб Павловский.

Интервью «Независимой газете», опубликованное 7 декабря под названием «Покаяние Глеба Павловского»⁵, начинается с признания, что московские политтехнологи выступили в Украине как «дегустаторы украинского политического сала». Оставляя академический исторический анализ семантики этого словосочетания на будущее, я позволю себе сразу перейти к злобе дня.

«Дегустатор украинского политического сала»

Итак, чем недоволен главный дегустатор украинского политического сала? Тем, что пока российские гости в Киеве только дегустировали, сами украинцы, поощряемые поляками — в лице Леха Валенсы — уже всю наворачивали. И отъели такую «революционную морду», что «дать в нее» у только полизавших сала москалей просто не хватило сил.

4. Имеется в виду команда «Челси», принадлежавшая в те годы Роману Абрамовичу. — *Прим. ред.*

5. *Александра Самарина*. Московские дегустаторы украинского сала. Интервью с Глебом Павловским // Независимая газета. 07.12.2004. URL: https://www.ng.ru/ideas/2004-12-07/1_pavlovskiy.html.

Это — самое важное и для Украины, и для России признание: надо было остановить уподобление Украины Польше. Кремлевские не справились с этой задачей. Здесь дегустатор украинского политического сала определяет свою первую химерическую позицию — позицию Леонида Ильича Брежнева, успевшего на закате своего пребывания в этом мире кулаками самих поляков дать в морду «Солидарности» и всей остальной Польше.

За 25 лет Польша стала членом НАТО и ЕС, а от СССР дееспособными остались только его спецслужбы. Но «дегустатор сала» встал не на сторону победителей-поляков, а на сторону этого временно завоевавшего Россию остатка СССР. И уже из этой позиции политтехнолог думает, что «здравомыслящие граждане» Украины последуют примеру Москвы, а не Варшавы. Во всяком случае, он заявляет:

«Мы не оправдали доверия здравомыслящих граждан Украины»

Это — вторая химера, которой почему-то верит сам московский дегустатор. По умолчанию «здравомыслящим» здесь считается гражданин соседнего государства, который видит благо для себя в отказе от суверенитета и в возвращении под юрисдикцию Кремля. При этом политтехнолог оговаривается, что и в нынешней России таких «здравомыслящих», как он сам, меньшинство. У них получилось взять власть в России, у «наших друзей на Украине» — пока нет.

Здесь украинский читатель легко заметит то, чего российский может даже и вовсе не почувствовать. Дегустатор украинского сала показывает генеральный мандат на промывание мозгов, которым располагает в России политтехнологическая аристократия. Мы, здравомыслящее меньшинство, аристократы духа и политики, взяли этот мандат в 1999 году и провели «превентивную контрреволюцию».

Таким же презрением к остальным людям — к омерзительному большинству, по скудоумию заражаемому революционными настроениями, — охотно делятся в эти дни публицисты Максим Соколов или Михаил Леонтьев.

Превентивное вмешательство часовщика, выдавшего себя за хирурга

«Если бы мы имели полномочия консультировать украинских партнеров по превентивной контрреволюции, а не по выборам, то такого несчастья не было бы», — продолжает Глеб Павловский. Это, возможно, самая опасная для Украины химера политтехнологического сознания — сознания часовщика, который убедил окружающих в том, что он — хирург.

Ведь всего минутой раньше Глеб Павловский сетовал на «слабое знание Украины» — причем не только своё собственное, но и всей когорты дегустаторов сала, в том числе — и выходцев из Украины. Занятые хирургическим вмешательством в российское общественное сознание, часовщики попросту забыли про фактор времени. Им показалось, что пока они колдуют над встроенным в мозги россиянина циферблатом на Спасской башне, часы должны остановиться по всему бывшему Союзу ССР.

Их «друзья» в Украине могли бы им рассказать, как постепенно украинская молодежь начинала дышать уже совсем другим, чем в России, политическим воздухом. Да, местами с примесью регионального дыма и гари, но политическим воздухом, а не политтехнологическим газом. Это был политический воздух студенческого движения в Сумах, это был политический воздух вокруг выборов в Мукачево, наконец, это была политическая духота, наступившая в Украине после 2002 года, которая просто не могла не разразиться грозой президентских выборов 2004 года. Ни этого воздуха, ни этой духоты в Москве не нюхали. Там это были первые годы строительства «вертикали власти». Вот достроим — и возьмем Минск и Киев в одном флаконе, — надеялась чиновная Москва.

Умеючи перекрыть этот воздух можно, конечно, и сегодня. Как там пелось у Галича?

Мы научены, бля, этой химии -
Обращению со стихиями...

Но оставим интеллигентские сантименты: дегустаторы украинского политического сала этого не любят: аристократия!

«По просьбе моих московских клиентов
я работал с коалицией власти»

Глеб Павловский подробно останавливается на том подряде, за который он взялся по заданию не называемых им по имени «московских клиентов». Как в Москве 1999 года, когда усилиями группы лиц Борис Ельцин передал государственную власть Владимиру Путину, так и в Киеве 2004 группа дегустаторов должна была обеспечить передачу власти из рук Леонида Кучмы в руки его премьер-министра Виктора Януковича. Полномочия Глеба Павловского ограничивались, как он пишет, «киевской коалицией власти». В тот момент, когда часть этой коалиции почувствовала угрозу генерального перехвата власти Кремлем, всё лопнуло. Как думает Глеб Павловский — по причине «ограниченности» его «мандата» и мощного противодействия со стороны «посольства» и «европейских насекомых».

Российский читатель заворожён — его взяли за руку и подвели к самому Олимпу, где обитают сами «Клиенты», невидимые сквозь балтийско-байкальские тучи и отягощенные думой о судьбах России. Для них, говорит Павловский, «Украина — это аспект наших внутривосточных проблем, не более того».

Последнее как раз отлично понимают «здравомыслящие люди» в Украине. Они слышат и другое: «Если главный дегустатор, лично получающий задания от самого Клиента, называет „насекомыми“ европейских политиков, то как они там, между собой, на Олимпе, среди туч, при распределении подрядов называют нас — хохлов-салоедов, бандеровскую шваль, оуновскую мразь, продажных западнцев или просто оранжевых хунвейбинов, сионистов-антисемитов?»

Все — от первого «сепаратиста» в Донецке до последнего палаточного задохлика на Майдане Незалежности — поймали в уши этот сигнал из Кремля: «Дай срок, только вернись!» Но лечь под Кремль и всё украинское начальство — от Донецка до Ужгорода — хочет так же мало, как оранжевые на Майдане. Однако эта химера «раскола Украины» на «группы успеха» и «группы безнадежности» необходима политтехнологам. Потому что главное и единственное, чего они боятся, — это демократическая политическая процедура. В ходе предвы-

борной борьбы возможны самые резкие суждения, но честный результат выборов переводит политическую жизнь в рабочее русло. Подряд на управление выиграли на ближайшие годы другие, но оппозиция не сошла со сцены в никуда, а продолжает оставаться контролирующей инстанцией — самое позднее до следующих выборов.

Поэтому наличие в стране двух и более противоборствующих станов — это никакой не раскол, а основание элементарной демократической процедуры. Политтехнологи же изображают его как «революционное противостояние» только для того, чтобы потом задним числом оправдать применение силы.

И лучший часовщик не может работать хирургом

Общество — не часовой механизм. И украинское общество — с его действительно сильнейшей региональной раздробленностью — оказалось не по зубам кремлевским политтехнологам именно в силу зазнайского непонимания этой единственной системной ошибки.

Именно слабость центральной киевской власти обеспечила живучесть оппозиции в ее региональных формах. Поэтому раздробленность, которую из Москвы всеми силами изображают как слабость украинского государства, на самом деле — залог его возможных демократических успехов и силы его гражданского общества. Здесь нет одной тяжелой руки, способной подавить всё разом. Здесь какая-нибудь «Госнефть» из столицы не диктует расписания военных действий на кавказском ТВД. И время идет пока еще по-разному — в Донецке пока что громче тикают советские ходики, Львов и Киев начинают синхронизироваться с Варшавой и Прагой. Страшным ударом по ожиданиям изголодавшегося без Украины Кремля стала готовность сторон к компромиссу.

Поэтому если на Украине действительно произошел раскол — то не на сторонников Ющенко и сторонников Януковича, а внутри правящего клана между Кучмой и Януковичем. Часть людей Кучмы бежала под знамена Ющенко, часть — осталась при старом хозяине, часть — откочевала к Януковичу. Есть только одна сила, которая не нужна сегодня в Украине нико-

му: это дегустаторы политического сала. Не нужны все — как политический класс.

«Наши ошибки трудно назвать вслух — это может поставить друзей под удар»

Это последнее признание выдающегося политтехнолога дорогого стоит. К сожалению, Глеб Павловский распространяет его только на события последних недель в Украине. Ему кажется, что российское руководство продемонстрировало способность «извлекать уроки из поражений». «Мы это проходили в свое время и с Чечней, и с другими ситуациями».

Другими словами, Глеб Павловский считает, что политика последних лет в Чечне может быть предъявлена как опыт извлечения уроков из ошибок. Поскольку «другие ситуации» (Абхазия? Приднестровье?) не названы, попробуем сформулировать в двух словах, чего удалось добиться даже не за все 10 лет войны, а только за пять последних лет в Чечне. Убиты тысячи, возможно — десятки тысяч людей. В стране действует несколько крупных вооруженных группировок, теракты докатились до Москвы и городов соседних с Чечней областей. Усиление «федерального давления» дает отдачу по всей России: вчерашние участники «зачисток» мобилизуются из армии и вольются, уже вливаются в ряды гражданского общества. Ослабление «федерального давления» может оживить приток в ряды сопротивления свежего пополнения. В шахматах это называется цугцванг: любой ход ухудшает позицию. События от Дубровки до Беслана — это что, свидетельство извлечения уроков из поражений? Или всё-таки само поражение? В войне, которой нет уже три года...

Когда украинцам стало ясно, что кандидат Янукович это надежда не Кучмы, а Путина, что это сознательное навязывание населению эдакого «политического полковника Буданова», когда им, «козлам», на пальцах показали, в какую игру с ними пытаются играть из Кремля, когда они увидели движение в «Малороссию», когда они почували, что к ним приехали пока еще только «дегустировать политическое сало», вот тогда померанцевое народное движение за демократию уже нельзя было остановить.

Именно так: пусть в Украине некоторые называют события там «революцией». В действительности происходящее не переворот, а предотвращение окончательной узурпации власти разрушителями демократии. А предотвращающее переворот общество во главе с новым президентом, политически повзрослевшим парламентом и пользующимся всеобщей поддержкой Конституционным судом справятся с реальным политическим плюрализмом, где будет своя платформа и у си-не-белых, и у серо-буро-малиновых.

Большая часть населения Украины вообще только сейчас осознала, что эта страна ничуть не менее настоящее государство, чем Литва, Польша, Латвия. При этом ни один из приводимых в России аргументов в пользу отказа от такого коллективного самосознания не выдерживает критики.

Конечно, едва ли не большинство жителей Украины владеет русским языком. Да хоть бы и все. Какое это имеет отношение к политическому выбору жителей чужой страны? Русский язык не является собственностью нынешнего российского государства. Австрия, самые тучные кантоны Швейцарии и треть Бельгии говорят по-немецки. Но они — не Германия. И не зависят от Германии ни лингвистически, ни политически, ни экономически.

Конечно, исторически Украина, скажут нам, была окраиной российской империи, но почему именно этот исторический эпизод должен определять ее нынешнее политическое положение?

Конечно, Украина зависит от российских нефти и газа, но от них зависят и такие страны, как Польша и Словакия, Нидерланды и ФРГ. Зависит от своих энергетических ресурсов и Россия, и Саудовская Аравия, и Ирак: она должна продавать их на внешнем рынке. И лучше продать этот товар конкурентам в Европе, чем конкурентам в Азии. В 1973 году арабские страны использовали нефть для давления на Запад в острой фазе палестино-израильского конфликта. Но страны ОПЕК не добились тогда ни отказа Запада от поддержки Израиля, ни ограничения демократических свобод в Европе. Наоборот, попытка использовать топливо как орудие давления подхлестнула развитие новых технологий и оказалась стимулом европейской интегра-

ции. А нефтяные шейхи так и не научились ни пить свою нефть, ни строить собственные автомобили.

Есть только один неоспоримый и весомый аргумент, который подспудно присутствует во всех антиукраинских выступлениях — как режиссируемых в Кремле и мультиплицируемых московскими теленарциссами, так и вольно изливаемых общественностью, за которую вступился Виталий Лейбин. Этот аргумент — обида. Да, обидно. Обидно, что «хохлы воспользовались случаем и потянулись к мещанской, малодуховной и процветающей Европе». Обидно, что «России приходится в который раз одной нести этот крест — защищать Европу от нового татаро-монгольского (виноват, чечено-исламского) нашествия, корячиться на нефтепромыслах, ковать ядерный щит и сносить поношения в варварстве».

Но больше ведь никакого рационального месседжа от общества болельщиков «Челси» — любителей чистых рук, холодной головы и горячего сердца — не наблюдается. Всё остальное — про многополярный мир, про жажду папы римского задушить в своих объятьях московского патриарха, про замыслы коварных американцев лишить россиян их исконных духовных ценностей, а для начала впридачу к Аляске забрать Чукотку, — всё это химеры телепузиков с ОРТ. Только ими интеллигенты-державники делятся с прикованными к экранам заложниками путинской стабильности. Стабильности без парламента, без демократической оппозиции, без свободных СМИ, без того чувства собственного достоинства, наличие коего никогда не сделало бы столь обидным для россиян «отплытие Украины в Европу».

Этой обидой люди оправдывают нынешнее плачевное состояние российского гражданского общества, которое в обмен на ощущение стабильности согласилось отдать свой политический суверенитет и — перестало быть гражданским обществом.

Между строк всех российских споров об Украине только один честный мотив: население России оставляют один на один с его не решенными проблемами. А российских политтехнологов оставляют в неприятной промежути: по бокам — обозленные чиновники, сверху — обозленный Клиент, в складках матраса — либеральные насекомые, возможно, готовые при-

нять апельсин за восходящее солнце. Не убьют — так закусуют, морду раздует не хуже чем у Ющенко.

Сейчас население России пока еще боится отвечать на вопрос о том, когда же ему придется или, точнее, когда ему разрешат начать говорить о главном в своей собственной стране. Но без и до разрешения этих проблем российскому государству, да и всему российскому обществу нечего соваться к украинцам со своими политтехнологами-дегустаторами. Дело идет, увы, о слишком многом:

- о незаконченной войне на собственной территории,
- о политических убийствах, из которых российское общество не извлекло никаких политических уроков — Галины Старовойтовой и Дмитрия Холодова, Сергея Юшенкова и Юрия Щекочихина...
- о цензуре,
- о ликвидированной парламентской демократии,
- о кремлевской камуфляжной олигархии.

Пока еще население России насыщается страшилками о коварном Западе, который пытается-де превратить Россию в Сербию. С психопатом, буруеваемым теорией заговора, говорить трудно. Нельзя сказать, что зрелище дрожащей «вертикали власти» — от набалдашника этого пастьерского посоха до его телескопического острия — внушает сколько-нибудь приятные чувства. Отнюдь. Ведь чем может напугать мир психопат? Самым страшным, что у него есть, — самим собой.

Теперь последствия этого устрашения будут устранены только после честных выборов, исход которых, кстати, вовсе не предрешен. В высшем смысле все — и европейцы, и граждане Украины, и граждане России — имеют право узнать, является ли эта 50-миллионная страна всё ещё политической провинцией России, или всё-таки «Украина — не Россия», как назвал свою программную книгу уходящий в отставку Леонид Кучма. И пожелать всем правителям долгих лет жизни — как Аугусто Пиночету.

DOI: 10.55167/4e6e569179d1